

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ «ХУДЖАНДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БОБОДЖАНА ГАФУРОВА»**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

КАМОЛ ХУДЖАНДИ В РОССИИ:

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

**Издательство «Ношир»
Худжанд – 2020**

ТКБ – 9 Точ.2
ТДУ –62.3(2)
К - 32

Печатается по решению РИСО №1-1/8
от 03.08.2020 ГОУ «Худжандского государ-
ственного университета имени академика
Бободжана Гафурова»

*Книга издана по инициативе и поддержке Председателя
Согдийской области, Первого заместителя председателя
Маджлиси Оли Маджлиси Милли Республики Таджикистан
Раджаббоя Ахмадзода*

**КАМОЛ ХУДЖАНДИ В РОССИИ: исследования и
переводы. – Худжанд: Ношир, 2020. – 348 с.**

**Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Джурозода Джамшеда Хабибулло**

**Составители, авторы предисловия и послесловия
Матлуба Мирзоюнус, Субхон Аъзамзод**

В настоящий сборник вошли исследования русских ученых об известном персидско-таджикском поэте-мистике XIV века Камоле Худжанди, написанные до 60-х годов XX века, а также переводы газелей поэта, сделанные русскими литераторами А. Адалис, В. Звягинцевой, В. Потаповой, И.Сельвинским, Я. Козловским и М. Синельниковым. Предисловие и послесловие составителей помогут проследить историю исследований русских и западных востоковедов, а также переводов творчества Камола Худжанди на русский язык.

ISBN 978-99975-57-67-4

**© ГОУ «ХГУ имени академика
Бободжана Гафурова», 2020**

«Город Худжанд, прежде всего, прославлен своими видными сыновьями – учеными, мыслителями и писателями. Известный астролог и математик Абумахмуд Худжанди, искусный врач Назириддин Худжанди, выдающиеся мистики и литераторы Умар ибн Хорун, Махасты Худжанди, Зиёуддин Порси, Камол Худжанди и десятки других ученых и мудрецов, научная и литературная деятельность которых признана далеко за пределами страны, прославили этот древний таджикский город во всем мире.

Среди названных мыслителей и ученых выходцем древнего Худжанда является маститый поэт, знаток суфизма и литературы Востока Камолуддин Абуахмад, известный как Камол Худжанди, шейх Камол или Ходжа Камол, который, по мнению знатоков, «пока есть таджикский язык и таджикская литература, его гробница будет усыпана цветами и его душа будет вечно сиять».

Эмомали РАХМОН,
Основоположник мира и национального единства,
Лидер нации, Президент Республики Таджикистан

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приоритетным направлением в современной политике Основоположника мира и национального единства – Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона является почитание великих личностей, представителей литературы и культуры, сферы науки и образования. С первых дней национальной независимости мы стали свидетелями того, как ежегодно торжественно чествуются наши поэты, писатели и ученые, готовятся, издаются и пропагандируются нравственные ценности, которые содержатся в произведениях великих личностей таджикской нации. Это, прежде всего, связано с настоятельной потребностью времени - показать историческую правду, место и роль таджикского народа в истории, величие политических, государственных и общественных деятелей, представителей литературы, культуры и науки, которые достойны повсеместного внимания и почитания, а их интеллектуальный потенциал использовать во благо духовного воспитания современного и будущего поколений.

Основоположник мира и национального единства – Лидер нации, Президент РТ уважаемый Эмомали Рахмон, с учетом исторического богатства таджикского народа с его самобытной культурой и прочной основой развития науки и национальной культуры, отметил: «Таджикский народ изначально был цивилизованным и в течение всей своей богатой истории создал прочную основу науки и мудрости, надежный храм национальной культуры и языка, подарил миру величайших личностей, таких как Рудаки и Фиравси, Ибн Сино и Беруни, Носир Хисрав и Хайям, Джалолиддин Руми и Имом Газзоли, Саади и Хафиз, Ахмад Дониш и Садриддин Айни, Бободжон Гафуров и Мирзо Турсун-заде, чьи имена мы сегодня гордо произносим на мировой арене».

Этот год для таджикского народа стал историческим и знаменательным, поскольку мы отмечаем сразу два великих

национальных праздника, имеющие всемирное значение и одобренные Всемирной организацией по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО. Одно из торжеств связано с 5500-летием городища Саразм, который признан центром развития земледелия, ремесленничества и градостроительной культуры таджикского народа. Принятие со стороны ЮНЕСКО решения о праздновании данной даты говорит о том, что сегодня все мировое сообщество на основе научных раскопок археологов мира признали историческую правду о том, что таджики являются одной из древнейших наций мира, которая с древнейших времен имела культуру градостроительства, земледелия и другие важные навыки общественной жизни. Охрана этой великой исторической и культурной ценности является одной из задач не только Таджикистана, но и всего человечества.

Нынешний год примечателен также празднованием еще одной даты – 700-летия великого поэта и мыслителя Шейха Камолиддина Масъуда Худжанди. Мы можем гордиться тем, что за годы независимости Таджикистана мы уже второй раз на высоком государственном уровне отмечаем юбилей Шейха Камола Худжанди. До этого мы праздновали 675-летие поэта и мыслителя в 1996 году. Несмотря на то, что в те годы в нашей стране было нестабильное политическое и экономическое положение, под руководством Основателя мира и национального единства, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона эта дата была отмечена на высоком уровне с участием отечественных и зарубежных камоловедов. Были организованы Камоловские чтения, способствовавшие глубоко вникнуть в творчество поэта, а самое главное – появился ряд фундаментальных исследований о жизни и творческом наследии поэта. В изучение жизни и творчества Камола Худжанди, в пропаганде его нравственного наследия, подготовке и издании поэтического наследия и их комментариев достойный вклад внесли Садриддин Айни, Абдулгани Мирзоев, Саъдулло Асадуллоев, Шарифджон Хусейнзода, Аълохон

Афсахзод, Абдулманнон Насриддин, Атахон Сайфуллоев, Сайдулло Абдуллоев, Бадриддин Максудов, Абдуджаббор Суруш и другие. Создание в 2015 году в городе Худжанде Государственного учреждения «Научный центр Камола Худжанди» было следующим серьезным шагом на пути камоловедения в его родном городе. За пять лет своей деятельности сотрудникам этого Центра удалось подготовить и издать текст десятки редких рукописей, приложить усилия в поисках все новых интересных сведений, научных открытий по творчеству Камола Худжанди.

Возрастающий интерес общественности страны к творчеству поэта и мыслителя, издание его произведений, их перевод на другие языки мира еще раз подчеркивают правоту следующих его строк:

*Мир услышал слова Камола,
Сегодня нет других слов, кроме этих.*

Сегодня весь таджикский народ, в том числе и жители Согдийской области и в частности города Худжанда горды тем, что 700-летие великого сына этого края отмечается на мировом уровне. Действительно, благодаря имени Камола Худжанди, наравне с другими славными сынами этого древнего города, город Худжанд стал известен всему миру. Мы, как истинные наследники великого поэта обязаны не только изучать его наследие, но и довести его идеи гуманизма и добра до массового читателя.

Кроме того, заслуживает внимания и то, что сегодня все научные и учебные учреждения, преподаватели и ученые понимают всю ответственность и прилагают все усилия, чтобы отметить 700-летие Камола Худжанди на высоком уровне. Стоит подчеркнуть и вклад ученых Худжандского государственного университета имени академика Бободжона Гафурова в разностороннем исследовании творчества Камола Худжанди. Сборник статей, подготовленный по этому случаю, вбирает в себя результаты научных исследований не только ученых Худжандского государственного университе-

та, но и других научных и образовательных учреждений Таджикистана. Я убежден, что данный труд, где собраны новые мысли ученых-камоловедов республики, станет достойным подарком к 700-летию Камола Худжанди. Не менее важны и результаты поисков ученых, издаваемых в университетском журнале «Оинаи пажухиш», очередной номер которого посвящен юбилею Камола Худжанди. Своеобразным подарком к юбилею поэта является и настоящая книга «Камол в России: исследования и переводы». В этой книге собраны исследования русских ученых и статьи зарубежных исследователей на русском языке о великом нашем земляке, а также приведены лучшие образцы переводов его газелей на русский язык, осуществленные Я. Сельвинским, А. Адалис, В. Звягинцевой, В. Потаповой, Я. Козловским и М. Синельниковым. Эта книга – дань русских ученых и поэтов великому таджикскому поэту и наша дань их заслугам. Хочется надеяться, что эта книга позволит русскоязычному читателю по-новому взглянуть и оценить стихи и мысли Камола Худжанди, открыть для себя еще неизученные им стороны творчества поэта.

**Раджаббой Ахмадзода,
Председатель Согдийской области**

УЧЁНЫЕ В ПРЕДДВЕРИИ ЮБИЛЕЯ КАМОЛА ХУДЖАНДИ

Текущий год для народа Таджикистана ознаменован великими событиями – празднованием двух великих юбилеев. Решением ЮНЕСКО принято всенародно и широко отметить два национальных праздника – 5500-летие древнего города Саразм и 700-летие великого поэта, мистика и мыслителя Шейха Камола Худжанди.

Празднование этих двух знаменательных исторических дат проводится, прежде всего, по инициативе Основателя мира и национального единства, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона, стержневой линией политики которого в области культуры является защита и пропаганда духовного наследия таджикского народа на мировой арене.

Шейх Камол Худжанди – великий и славный сын таджикского народа, внесший огромный вклад в становление древнетаджикской литературы и развитие таджикской культуры, прославлении имени и исторического статуса таджикского народа, особенно его родного города – Худжанда.

Общеизвестно, что город Худжанд является кузницей множества великих ученых, поэтов и мыслителей, которые внесли свой вклад в мировую цивилизацию. Основатель мира и национального единства, Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон справедливо отметил: «Гений таджикской и персидской поэзии Шейх Камол и подобные ему еще шесть тысяч других поэтов, появились не на пустом месте. До шейха Камола были личности, являющиеся гордостью Худжанда и таджиков».

Юбилей Камола Худжанди за годы суверенитета нашей страны отмечается уже второй раз. В 1996 году впервые грандиозно было отмечено 675-летие великого поэта, а в этом году мы становимся свидетелями празднования 700-летия поэта.

Худжандский государственный университет имени ака-

демика Бободжона Гафурова со дня объявления этого великого национального праздника решила внести свой вклад в изучение и исследование различных аспектов лирики поэта, популяризации его духовного наследия. На сегодняшний день на всех факультетах и кафедрах проводятся литературные чтения творчества Камола Худжанди, множество культурных и научных мероприятий.

Ученые и исследователи университета предприняли серьезные шаги для изучения различных аспектов литературного наследия поэта и подготовили серию научных статей и докладов. Публикация сборника статей профессоров и ученых университета является достойным подарком и данью памяти великому поэту.

Достойные усилия приложили и сотрудники научно-исследовательского института социальных наук при университете, собрав свои исследования в специальный выпуск журнала «Оинаи пажӯҳишгоҳ» («Зеркало НИИ»), посвященный «Камолу Худжанди». Статьи, включенные в этот номер, примечательны потому, что наряду с исследовательскими статьями есть также статьи, представляющие важные источники о жизни и литературном наследии поэта. Подготовка редких и малодоступных текстов рукописей, литературных и исторических источников, связанных с жизнью и творчеством Камола Худжанди, отражает усилия сотрудников научно-исследовательского института социальных наук по изучению творческого наследия великого поэта.

Среди подготовленных к печати материалов к юбилею Камола Худжанди особо выделяется настоящая книга: «Камол Худжанди: исследования и переводы», составленные сотрудниками нашего университета – профессором М. Мирзоюнус и С. Аъзамзодом. В книгу вошли отдельные высказывания и статьи ведущих ученых, написанных или переведенных на русский язык, в том числе А. Крымского, Е. Э. Бертельса, И. С. Брагинского, Я. Рипки и других. Другую ее часть составляют переводы газелей Камола Худжанди на

русский язык. В настоящую книгу вошло 110 переводов известных русских переводчиков А.Адалис, И. Сельвинского, В. Звягинцевой, В. Потаповой, Я. Козловского и М. Синельникова. Поскольку книга издается на русском языке, думается, у нее будет большая аудитория за пределами нашей страны, как в России, так и во всех странах СНГ. Надеемся, что она даст возможность читателям ознакомиться не только с личностью Камола Худжанди, но и с прекрасными его газетями, приведенными в ней как в оригинале, так и на русском языке. Изящество языка, тонкие мысли, неординарные, свежие поэтические образы, неповторимый стиль выражения, свойственные перу этого великого поэта, мистика и мудреца помогут читателям познать и полюбить волшебную поэзию и чарующие песни нашего великого предка.

**Джуразода Джамшед Хабибулло,
доктор исторических наук,
профессор, ректор ГОУ «ХГУ
имени Бободжона Гафурова»**

Матлуба МИРЗОЮНУС,
профессор

КАМОЛ ХУДЖАНДИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПЕРЕВОДЧИКОВ

Фактических сведений о жизни великого поэта и шейха Камола Худжанди (год рождения неизвестен- умер в 1400/1401), прах которого покойся в Тебризе, в тазкире и воспоминаниях осталось очень мало, и поэтому многое в его судьбе до сих пор остаётся загадкой. Однако, есть и неоспоримые факты, которые подтверждаются самим поэтом. Они в его наследии – нежных, чарующих строках, которые уже семь столетий пленяют своей магической силой сердца любителей поэзии. Воистину достойно восхищения, что уроженец небольшого города Худжанда, живший в крайне смутное историческое время завоеваний Тимура, золотоордынского хана Тохтамыша, междоусобных феодальных войн и нападений, смог заявить о себе, как о великом поэте. Пришедший в литературу после Саади, Амира Хусрава Дехлави, Хасана Дихлави, он продолжал мотивы великих суфиев Саная, Аттора и Мавлави и был современником Ходжу Кирмани, Имода Факеха, Салмона Соваджи и самого Хафиза. Сегодня бесспорным фактом стало и то, что многие газели Хафиза и Камола перекликаются как по форме стиха, редифам, рифмам, размеру, так и по идейному содержанию. Это удивительно яркое поэтическое состязание двух великих поэтов-современников.

Наиболее яркие особенности стиля Камола Худжанди проявляются в лаконичности, виртуозности, игре слов, аллитерации, полисемии, приеме двусмысленности. Лаконизм стихов поэта выявляется как в тонкости слога – умении выразиться красиво, коротко и ясно (не случайно

исследователи говорят о «сахли мумтанеъ» – недостижимой простоте его поэзии), так и в количестве бейтов газелей.

Именно эти особенности и привлекли к Камолу внимание не только восточных, но и западных литераторов. Немеркнущую славу приобрел он и в России, хотя в Европе заговорили о нем раньше чем в России. Впервые имя этого великого таджикского поэта-мистика было отмечено еще в XVII веке во Франции в книге известного французского востоковеда Бертелеми Д'Эрбло «Восточная библиотека», а в начале XIX века другой немецко-австрийский ученый Иосиф Хаммер Пургшталь в своем труде «Изящная словесность Персии» (1818) наряду с интересной информацией о нем привел собственный перевод двенадцати газелей Камола Худжанди на немецком языке (9, 103).

Русская литература впервые ознакомилась с персидско-таджикской поэзией посредством работ европейских востоковедов, и первую половину XIX века можно назвать периодом наиболее пристального интереса России к восточной литературе. В это время в России издавался ряд журналов и альманахов, как «Вестник Европы», «Московский вестник», «Азиатский вестник», «Сын отечества», «Русский вестник», «Северные цветы», «Северная лира», а позже и «Русская мысль», «Будильник», «Нива» и другие, в которых периодически публиковались образцы произведений и восточных авторов, с которыми впервые знакомились русские читатели. В этот период известный русский востоковед А. В. Болдырев, руководивший некоторое время и Московским университетом, в 1826 году издал книгу «Хрестоматия персидской литературы», а в 1833 году эта книга была опубликована повторно с изменениями и дополнениями. В издании 1826 года о Камоле и его стихах нет информации. О том, что стихи поэта вошли в другие издания этой книги или же обнаружены в вышеназванных нами журналах, никто из исследователей пока не сообщал, ибо это не только трудоёмкая

работа, но и труднодоступный материал, который, надеемся, с нынешними возможностями научно-технического прогресса и интенсивным пополнением электронной библиотеки вскоре будет доступен.

Среди славяноязычных литературоведов первым упомянул имя Камола Худжанди А. Е. Крымский в своей работе «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» (15) и «Хафиз та його писни» (Киев, 1924, с. 24), где он отмечает сходство его поэзии с Хафизом и приводит ряд интересных сведений, касающиеся его переводов в Европе.

В русской же научной литературе имя Камола Худжанди впервые встречается в сочинении известного историка-ориенталиста В. Григорьева в его работе «О местоположении Сарая – столицы Золотой Орды», в двух изданиях которой (1945 и 1976) речь идет об основании Тохтомышханом великолепного научного центра в Сарае и отмечается почетное место Камола Худжанди среди знатоков – суфиев в этой среде, когда тот был привезен туда из Тебриза и провел там несколько лет своей жизни (10).

В русском литературоведении наиболее серьезные работы по камоловедению появились в XX веке, среди которых особо выделяются статьи ведущих востоковедов Е. Э. Бертельса и И. С. Брагинского. В статье Е. Э. Бертельса «Литература народов Средней Азии с древних времен до XV в.» (3) автор ограничивается несколькими штрихами, а в другой своей работе «Персидская литература в Средней Азии» (4) он пишет о дружбе Камола Худжанди с Хафизом, о влиянии Камола на последующих поэтов, особенно на творчество Сироджиддина Бисоти Самарканди, об использовании поэтом образа «собаки возлюбленной», о его отношении к Хасану Дехлави и пр.

Другой известный востоковед И. С. Брагинский, более скрупулезно исследуя жизнь и творчество Камола Худжанди, высказывает свою точку зрения об эпохе жизни,

художественном наследии и особенностях его поэтического мастерства. Его статьи впервые были опубликованы в предисловии русского издания стихов Камола Худжанди (1949) (5), позже в его книгах «Очерки из истории таджикской литературы» (1956) (6), «12 миниатюр» (1966) (7), «От Авесты до Айни» (1981) (8), а также в ряде журналов, и многие из них отличаются друг от друга в основном лишь небольшими дополнениями или сокращениями. Наиболее важной и информативно насыщенной среди них является статья «О творчестве Камола Худжанди», опубликованная в «Очерках из истории таджикской литературы» и отличающаяся как научным стилем, так и использованием множества достоверных источников. В этой статье автор приводит биографические сведения о Камоле Худжанди и, ссылаясь на слова Абдурахмана Джами относительно его подражания стихам Хасана Дехлави, убедительно доказывает, что он далек от слепого подражания. Подчеркивая тонкость и изящество стиля в его поэзии, автор исследует образцы его стихов с точки зрения идейного содержания, тематики, ключевых слов и выражений, народных изречений, рифмы и ритма, а также упоминает о народной любви к нему, свидетельством которой может быть отношение Садриддина Айни и великого певца Ходжи Абдулазиза.

В своем предисловии к первому русскому сборнику стихов Камола Худжанди, изданном в 1949 известный востоковед, рассматривая вопрос о переводах газелей Камола на русский язык, отмечает, что лишь поэт Борис Лапин, погибший в Великой Отечественной войне, попытался воспроизвести стихи Камола в виде вольного подражания. И. Брагинский в этом предисловии полностью цитирует стихотворение Лапина, состоящего из 42 строк под названием «Подражание Камолу» и утверждает, что «это подражание очень удачно передает звучание и основной дух стихов Камола» (5, с. 21). Вот несколько строк из этого стихотворения:

*Когда красавица вошла в цветник,
Склонился лавр и остроцвет поник.
Ручей, струясь, припал к ногам подруги,
Я слышал пальм торжественный язык.
В сад или в рай проникли мы, не знаю,
Но гурию я видел в этот миг.
О сердце, помни, розы быстро вянут,
Спеши, пока нас холод не постиг (5, 21).*

Следует отметить, что И. С. Брагинский был первым из числа русских исследователей, который занялся сбором и составлением сборников переводов Камола Худжанди на русском языке.

Свою лепту в изучение творчества поэта внесли и другие литературоведы-ориенталисты, как А. Н. Болдырев, упомянувший его имя в предисловии к избранным стихам Хафиза, Л. И. Климович (18), процитировавший стихотворение Б. Лапина “Подражание Камолу” (по всей вероятности, к этому времени не было ни одного перевода газелей Камола на русском языке), З. В. Пономарева и З. А. Черных (16), использовавшие ряд сведений о нем в своем рекомендательном указателе, а также М.Л.Рейснер (17) и А.Н.Ардашникова (2)

Исследование вопроса об истории переводов газелей Камола на русский язык связано с изданиями, как отдельных сборников стихов поэта, так и антологий персидско-таджикской литературы. По сегодняшний день стихи Камола на русском языке отдельными сборниками вышли 5 раз, в том числе в Сталинабаде (1949, 1958), Душанбе (1968), Москве (1976) и Худжанде (1996), первый из которых составлен И.С.Брагинским, а последний – А.З.Дуном. Из числа известных нам переводов большинство стихов переведены А. Адалис, В. Звягинцевой, В. Потаповой, имеются также и переводы И. Сельвинского (одна из которой не опубликована ни в одном из сборников, ее процитировал лишь И. Брагинский

в своей статье «Раскрепощенные строки» Хафиза»), Я. Козловского, М. Синельникова, И. Гуровой и Р. Гайворонского. К сожалению, все эти переводы сделаны с подстрочников, поскольку никто из переводчиков полностью не владел языком оригинала. Конечно, нет сомнения, что каждый из названных переводчиков, имеет достаточно богатый опыт в деле перевода с восточной литературы, в том числе из персидско-таджикской поэзии. Следовательно, они знакомы не только с таджикской поэзией, но и с научной литературой по истории и культуре этого народа, с эпохой жизни переводимых поэтов и особенностями персидской газели в целом.

Так, поэт, писатель и переводчик Аделина Адалис (1900-1969), одна из первых переведшая газели Камола Худжанди на русский язык, была знакома с родиной поэта не понаслышке, приехала в Центральную Азию во второй половине 20-х годов и до 1931 года осталась жить и работать здесь в качестве корреспондента местных газет. Результатом ее поездки стала книга очерков «Песчаный поход» (1929), роман «Абджед, Хевез, Хютти» (1926), цикл стихов, а также и переводы из творчества персидско-таджикских авторов Носира Хусрава, Камола Худжанди, Джами, Мирзо Турсунзаде, а также других восточных поэтов Наапета Кучака, Фузули, Самада Вургун, Джамбула Джабаева, Робиндраната Тагура и других. Ее поэтическое мастерство было высоко оценено Осипом Мандельштамом. В первый русский сборник стихов Камола Худжанди вошли 39 ее переводов.

При сопоставлении лишь первых строк переводов можно убедиться, насколько удачно нашел переводчик русский эквивалент таджикского текста оригинала. Примером тому могут быть строки: «Ветер цветение ветвей сорвал, бросил цветочный град» (Бод гулбез шуду бар сари гул жола чакид), «Скажите друзьям, что я болен, а целебного зелья нет» (Дарди ман гӯед бо ёрон, ки дармон ёфт нест), «Пусть горем я охвачен, печаль моя отрада» (Ғамат дорам, маро шодӣ

хамин аст), «Почудилось розе благоуханье рубашки твоей» (Гул аз пераханат бўе шунидааст), «Чтобы ветер кудрями твоими играл, – не желаю» (Сари зулфат намехоҳам, ки дар дасти сабо афтад), «Я спросил ее, – Кто ты и как тебя звать? – Отвечала: – Спроси у луны» (Гуфтамаш, номи ту, гуфто аз маҳи тобон бипурс), «Друг сказал, взор от всех отврати, я готов, повинуюсь» (Ёр гуфт, аз ғайри мо пӯшон назар, гуфтам, ба чашм), «Я спросил, человек или ангел ты? Говорит, и то, и другое» (Гуфтам, малакӣ ё башарӣ, гуфт, ки ҳарду). Однако, наряду с удачными переложениями встречаются и бейты, не способные передать желаемый смысл, заключенный в оригинале:

*Аз оишқӣ ҳамеша ҷавон аст пири мо,
Холӣ мабод ишқӣ бутон аз замири мо.*

В переводе А. Адалис:

*Словно вечная молодость, старость моя – от любви!
Сиротою душа не осталась ничья от любви!*

Или же:

*Ғар дарди ту аз ҳабиб бошад,
Дарди сарат аз табиб бошад.*

В переводе А. Адалис:

*Сумасшедшим я стал от того, что любовь жестока,
Пусть и лекарем будет любовь, – не глядит свысока.*

Следует отметить, что перевод одной из газелей Камола Худжанди, который, по мнению И. Брагинского, является образцом удачного профессионального перевода, на наш взгляд, страдает некоторыми изъянами (8). Сравним текст оригинала с переводом:

- 1. Ошӯби ҷонӣ, шӯхи ҷаҳонӣ,
Безътиқодӣ, номехрубонӣ*
- 2. Аз пеши хешам то чанд ронӣ,
Заҳри фироқам то чанд ҷашонӣ.*
- 3. Ман меҳр варзам, оре, ман инам,
Ту кина варзӣ, оре, ту онӣ.*

4. *Гоҳам навозӣ, гоҳам гудозӣ.
Гоҳе чунинӣ, гоҳе чунонӣ.*
5. *Бе ҷурм куштан ҳар дам якеро
Натвон, валекин ту метавонӣ.*
6. *3-ин сон, ки дорӣ аз хеш дурам,
Гар мирам аз гам, аз ман надонӣ.*
7. *Гуфтам, нисорат созам дури ашк,
Гуфто, чӣ гӯям, дур мечаконӣ.*
8. *Бо ту чӣ монад Хизру Масеҳо,
Умре ту ҳаргиз бо кас намонӣ.*
9. *Гар аз Камол, эй мӯнис, малулӣ,
Рафтам зи кӯят, бурдам гаронӣ (14, 1077).*

Текст перевода:

1. *О, беспокойство снова и снова,
Дерзкая шутка мира земного.*
2. *Где твоя жалость, ветреный идол,
Кто ты – не может выразить слово.*
3. *Камень не мог бы вытерпеть столько!
Нет, не знавал я в жизни такого...*
4. *Боль причиняешь, вновь покидаешь,
К выходкам резвым вечно готова.*
5. *Если умру я в горькой разлуке,
Ты и не вспомнишь смеха бывшего...*
6. *Слез моих жемчуг топчешь ногами:
«Что ж, отвечаешь, в этом дурного?»*
7. *О, не печалься из-за Камола:
Быть одиноким вовсе не ново.*

На основе сопоставительного анализа можно выявить, что из 9 бейтов газели Камола на русский язык переводится 7 бейтов. Первый бейт перевода несколько отличается от первого бейта оригинала, что появляется сомнение в том, эта ли газель представлена в переводе. Утвердительный ответ можно получить после знакомства с остальными бейтами газели. На эту газель указывает и составитель книги (И.

Брагинский) в примечаниях, где приводятся первые строки газелей Камола Худжанди на языке оригинала.

Первый бейт газели в переводе на русский язык не способен передать содержание оригинала, ибо Камол Худжанди в нем обращается к своему адресату – возлюбленной и называет ее качества по отношению к самому себе:

*Ошӯби ҷонӣ, шӯхи ҷаҳонӣ,
Беътиқодӣ, номехрубонӣ.*

Ходжа Камол не говорит в нем о коварствах мира земного, однако в переводе «О, беспокойство снова и снова, дерзкая шутка мира земного» речь идет вовсе не о возлюбленной, и мысль переводчика далеко не совпадает с мыслью автора, высказанной в подстрочном переводе А. Адалис:

*Эй, нооромӣ бозу боз,
Шӯхи сахти ин ҷаҳон.*

Кроме того, переводчик внес в содержание стиха то, что в оригинале невозможно найти. К примеру, слова и выражения: «ветренный идол», «не может выразить слово», «Камень не мог бы вытерпеть столько», «выходки резвые», «не вспомнишь смеха былого», «Слез моих жемчуг топчешь ногами» отсутствуют в тексте газели. Другой смысл вкладывает поэт и в заключительный бейт-макта’.

*Гар аз Камол, эй мӯнис, малулӣ,
Рафтам зи кӯят, бурдам гаронӣ.*

Камол Худжанди утверждает, что если мое присутствие тебя огорчает, пусть и тяжело мне, но я оставлю тебя в покое. Эту мысль русский переводчик передает следующим образом:

*О, не печалься из-за Камола:
Быть одиноким вовсе не ново.*

В переводе сказано, ты не печалься из-за Камола, потому что быть в одиночестве – это его удел. Если в оригинале поэт говорит о своей печали, то в переводе он обращается к возлюбленной со словами «не печалься из-за Камола». Таким образом, в газели есть придуманные переводчиком мысли, которые по другому передают содержание текста оригинала.

О качестве переводов других поэтов – В. Звягинцевой, В. Потаповой, И. Сельвинского, Я. Козловского, М. Синельникова также можно заметить, что наряду с достоинствами в них наблюдаются и некоторые неточности. В числе достоинств, прежде всего, можно отметить удачные эквиваленты рифм и редифов. Так, редифы *боз кучо рафт-где она теперь, орзуст-жеслаю, надидам-не видел, гуфтам, ба чашм-я готов, повинуюсь, гуфт, ки ҳарду-говорит, и то и другое (А. Адалис); имшаб-в эту ночь, меранҷад-обижается, ояд бурун-выйдет, гурехтаам-убегаю (В.Звягинцева); гуфтем, гуфтем-сказал, сказал, нахоҳам гуфтан-не скажу, чаро гӯям-зачем говорить, ин мағӯ-не говори так, дӯст медорам туро-я люблю тебя; мапурс-не спрашивай (В. Потапова).*

Следует отметить, что функцией рифмы и редифа в поэзии является не только художественная окраска стихотворения, но и утверждение основной идеи поэта, которую успешно и удачно передали переводчики Камола. Хотя не исключено, что ввиду отсутствия понимания языковых тонкостей и переносных смыслов возможны казусы, допущенные со стороны переводчиков. Так, немецкий исследователь и переводчик А. Хайзер, рассуждая о необходимости нового перевода одной из газелей Камола Худжанди на немецкий язык, пишет, что Иосиф Хаммер при переводе газели «Ёр гуфт, аз ғайри мо пӯшон назар, гуфтам ба чашм» редиф «гуфтам ба чашм» переводит в буквальном смысле – «mit dem Auge», т. е. «на глаза». Он полагает, что «ба чашм» на самом деле служит усиленному подчеркиванию согласия, по-русски, скорее «с удовольствием», «непременно». В немецком языке читателю скорее более понятно и доходчиво было бы «Mit Vergnügen» (с удовольствием) или «Vom Herzen gern» (от всего сердца). Ближе к оригиналу – второе, так как в нем используется имя существительное, являющееся при этом также, как и в оригинале, обозначением органа тела человека (9, 107).

Подобное недопонимание иногда происходит и в русских переводах. Так, В. Звягинцева перевела первый бейт газели Камола «Дилам аз шамъи рухат дар табу тоб аст имшаб, Чашм аз наргиси масти ту хароб аст имшаб» следующим образом: «Сердце зажег мне пожар твоих щек в эту ночь, Я от нарциссов – очей изнемог в эту ночь». Вторая строка стихотворения почти полностью совпадает с оригиналом и переводчик вместо выражения «хароб аст» использует соответствующий русский эквивалент «изнемог», однако в первой строке вместо выражения «шамъи рухат» выбирает «пожар твоих щек», что вовсе далеко от изящного стиля Камола и на русском тоже звучит не совсем поэтично. В этой же газели прекрасный бейт Камола: «Соқиё, шамъ ба перомуни маҷлис бинишон, То бидонанд, ки моро сари хоб аст имшаб» переводчик передает следующим образом: «пусть не заходят к нам на огонек в эту ночь». «Зайти на огонек» – известное русское выражение, используемое в основном как народное (в творчестве Камола также часто используются народные выражения), в этом бейте оказалось не к месту, оно передает ту мысль, которую должен был найти и наслаждаться сам читатель, поскольку поэт, имея ее в виду, специально завуалировал.

А. Адалис неудачно переводит, на наш взгляд, и следующую газель Камола Худжанди:

*Гар дарди ту аз ҳабиб бошад,
Дарди сарат аз табиб бошад.*

В «Фарҳанги ашъори Камол Худжанди» («Словарь творчества Камола Худжанди») слово «ҳабиб» комментируется как возлюбленный, любимый («дӯстдор, дӯстдоранда, ёр»), а в мистическом значении – «Бог» (19, с. 634). В переводе же нет этого значения:

*Сумасшедшим я стал от того, что любовь жестока,
Пусть и лекарем будет любовь, – не глядит свысока.*

Кроме того, метрика аруза этой газели Камола,

написанная в размере «бахри хазаджи мусаддас» с короткими строками, далека от ритмики перевода. Поэтому переводчик был вынужден добавить «отсебятины», чтобы заполнить строки. Так, в строке «ошиқ хама чо ғариб бошад» добавляются слова «они-облака»: «Но влюбленные всюду чужие, они-облака».

Перевод стиха, особенно персидского, несомненно, очень сложная и трудоёмкая работа, ибо твердые устои оригинала, рифма и редиф, иногда зукофиятайн, т. е. двойная рифма, внутренний садж, художественные средства выражения, как сравнение, метафора, таджнис, гипербола, изящные обороты речи, изобилие которого наблюдается в поэзии Камола Худжанди, вовсе невозможно перевести на другой язык. Особую трудность представляет перевод газели, обладающей специфической рифмовкой в первом бейте и повторяющимися рифмами в четких строках стиха. Именно поэтому некоторые поэты не смогли соблюдать ее. Так, Яков Козловский в своих переводах использует рифмовку месневи, т. е. парные рифмы, что свидетельствует о несоблюдении одного из основных правил – сохранении формы стиха при переводе. Иногда он настолько отходит от оригинала, что практически невозможно определить текст оригинала, как это происходит с газелью «Хоть сердце ты мне разбила, любви к тебе в нем полно».

Следует отметить и то, что из всего творчества Камола Худжанди по сегодняшний день переведено около 120 газелей на русский язык, среди которых редко встречаются два перевода одного стиха. Думается, наличие нескольких переводов одной газели позволило бы выбрать наиболее удачный вариант. Так, известная газель Хафиза с первоначальным бейтом «Агар он турки шерозй ба даст орад дили моро, Ба холи хиндуяш бахшам Самарқанду Бухороро» имеет четыре различных перевода на русский язык.

Перевод Константина Липскерова:

*Дам турчанке из Ширази Бухару, а если надо и
Самарканд,*

А в благодарность жажду родинку и взгляда.

Перевод Бориса Лапина и Захара Хацревина:

Эй, турчанка из Ширази, заведи со мной игру,

Я отдам тебе за локон Самарканд и Бухару.

Перевод Германа Плисецкого:

Ради родинки смуглой одной, одного благосклонного

взгляда,

Я отдам Самарканд с Бухарой, и в придачу богатство

Багдада.

Перевод Семена Липкина:

Когда красавицу Ширази своим кумиром изберу,

За родинку ее отдам я Самарканд и Бухару.

Конечно, анализ каждого из этих переводов не представляется возможным в этой статье, но ясно одно, что при всем стремлении сохранить стиль оригинала и удачно найденных эквивалентах некоторых элементов, все же при переводе пострадало изящество стиха Хафиза. Нет в них и таких выражений, как «агар ба даст орад» или «холи хинду», как отсутствует и неповторимый колорит языка и изысканность выражений поэта. Но поскольку даже самый лучший переводчик не может добиться безоговорочного соответствия и аналога, из альтернативных вариантов удастся выбрать наиболее удачный.

Из имеющихся переводов газелей Камола Худжанди есть газели, переведенные двумя переводчиками. Одна из них – газель – «Бод гулрез шуду бар сари гул жола чакид», переведенная А. Адалис и В. Звягинцевой. Сравним перевод второй газели:

Бод гулбез шуду бар сари гул жола чакид,

Об дар чӯву зи пиromуни чӯ сабза дамид.

Гул зи рух пардаву наргис ба чаман чаим кушод,

Сарви шамшод қаду мурғи чаман нола кашид.

Хуррам он дил, ки баҳорон наи тартиби димог

*Бонги мурги чаману бўи гули тоза шунид.
 Бод сӯи чаман омад, ки диҳад мужда, ки боз
 Гул ба бўстону ба гул меваи мақсуд расид.
 Ҳар ки дид он қаду ораз, зи чаман оҳзанон
 Аввал аз ҷону сар, он гаҳ зи гулу сарв бурид.
 Бо ту гул дафтари худ хост, ки гирад ба ҳисоб,
 Богбон он варақу бод ба гул дарпечид.
 Умр чун даври гул аз боди ҳаво рафту Камол
 Доман аз ёру ба доман гули мақсуд начид (14, 409).*

На наш взгляд, в этой газели с точки зрения тематики, сохранена удивительная целостность, образы в нем развиваются исключительно динамично, мысль не прерывается и не заканчивается в каждом бейте, а последовательно развивается из бейта в бейт. Газель начинается с изображения прекрасного весеннего пейзажа, капающего дождя, заполняющихся ручейков, появления зеленых трав у ручья, цветения роз и нарцисса, роста кипариса, пения птиц. Действительно, велико наслаждение того, кто с наступлением весны слышит пение птиц в саду и аромат только что распустившихся цветов. Изображение сада постепенно сменяется образом прекрасного садовода (Создателя), который создал этот благоухающий цветник. Поэт говорит о том, что каждый, кому удалось видеть прекрасный стан и лицо того, кто создал этот сад, навсегда влюбляется в него и забудет о своей душе, о цветах и кипарисах. То есть, красота возлюбленного несравнима с красотой цветов и кипарисов. В конце газели речь идет о быстротечности жизни, об увядании цветов, и Камол с сожалением говорит, что жизнь человека подобна жизни цветов, лепестки которых так скоро выпадают от ветра. Не достигнута еще цель, ничего еще не сделано, но любовь еще жива. «Доман аз ёр начидан» – не отречься от любви, «гули мақсуд начидан» – не добиться цели.

Обратимся к переводу А. Адалис:

*Ветер цветенье ветвей сорвал, бросил цветочный град,
 Стала зеленой вода, надев тонкий, как пар, наряд.*

*Роза открыла свое лицо, очи открыл нарцисс,
Тянутся ввысь кипарис и бук, петъ соловей рад.
Благо сердце тому, о друг, что благо другим дарит:
Слышит оно соловья весной, слышит роз аромат!
Друг мой пришел ко мне и принес сердцу благую весть:
Розу, желающую расцвести, принял желанный сад!
Всем пожертвует, кто видал стан и лицо любви, –
Бросит и розу и кипарис, вихрем ее объят...
На лепестках я желал писать, – вихрь взорвал листки,
Ветер розу убрал с куста – знаю, он виноват!
Буря и ветер – убийцы роз; жизнь такова, Камол!
Край одеянья ушел из рук, пусть и желанья спят.*

В этом переводе в целом сохранено и правильно передано содержание стиха, и ряд поэтических выражений оригинала, однако есть ряд моментов, указывающих на допущенную неточность. Прежде всего, следует отметить, что некоторые мысли, высказанные поэтом, неверно поняты переводчиком. Так, появление трав вокруг ручья при переводе означает другую мысль, будто вода стала зеленой: «Стала зеленой вода, надев тонкий, как пар, наряд».

Некоторые слова и выражения, отсутствующие в оригинале, добавлены переводчиком ради заполнения строк. К их числу относятся: «бук», «благо другим дарит», «вихрем ее объят», «знаю, он виноват». Все это может быть незначительные и неминуемые детали при переводе, однако завершающий бейт газели, в котором выражена основная идея стиха, убеждает в том, что переводчику не удалось постичь главную мысль автора, ибо в оригинале речь идет о быстротечности жизни человека и безответной любви. Выражение «доман аз ёр начидан» в переводе стало «край одеянья ушел из рук», что вовсе не соответствует тексту оригинала. Нет у Камола и мысли «пусть и желанья спят».

В переводе В. Звягинцевой эта газель выглядит так:

*Ливень цветы оросил, и задрожала роза,
В зазеленевшей воде лик отражала роза.*

*Выпрямился кипарис, вскинул нарцисс ресницы,
Ранила их красотой и без кинжала роза.
Счастливо сердце того, кто по весне знал радость,
Пели ему соловьи, благоухала роза.
Друг, посетивший сады, с доброй пришел к нам вестью;
Мак заалел в цветнике, без покрывала роза.
Я попытался писать повесть о том, что было...
Ветер судьбы разорвал все, что внушала роза.
Жизнь такова, о Камол, – гибнем от вздоха ветра,
Грез несвершенных моих также увяла роза.*

В тексте оригинала не было редифа, однако в переводе использован редиф «роза», содержащий намек на то, что это слово ключевое, и в газели с самого начала и до конца речь идет о розе. Однако, «роза» в газели лишь средство передачи идеи, поэт посредством нее стремится передать состояние своей души, свое сожаление о том, что жизнь закончена, но цель не достигнута. Этот переводчик, так же как и предыдущий, строку о растущих травах вокруг ручья понимает как обретение водой зеленого цвета и отражение в ней лика возлюбленной. Оба переводчика выражение «мужда овардани бод» – т. е. «весть принес ветер» переводят как «весть принес друг». По сравнению с первым переводом, этот переводчик более удачно передает смысл первой строки завершающего бейта, однако во второй строке логика страдает.

Таким образом, можно заключить, что из двух переводов, более удачным является работа А. Адалис (за исключением перевода последнего бейта).

Краткий обзор исследований творчества и переводов газелей Камола Худжанди приводит к выводу о том, что этот крупный поэт-мистик еще мало знаком русскоязычному читателю и, поэтому наряду с изданием и переизданием исследований и переводов есть необходимость в новых, более глубоких работах с учетом новых достоверных историко-

литературных фактов, а также в новых, более совершенных, близких к оригиналу, переводах.

В настоящий сборник вошли исследования русских ученых и переводы газелей Камола Худжанди. К сожалению, все они сделаны в советскую эпоху, когда целенаправленно и по заранее утвержденному плану организовывались издания поэтов. О новых переводах за последние тридцать лет, к сожалению, нам ничего не известно. Поэтому надеемся, что настоящий сборник будет толчком для новых работ, как литературоведческих, так и переводческих. К каждому переводу газели приложен текст оригинала, однако в связи с тем, что нам неизвестны источники, которыми пользовались переводчики и, поскольку по сегодняшний день имеются десятки изданий диванов поэта, мы решили воспользоваться его последним по сегодняшний день изданием А. Сурушом (14). Есть, конечно, разница между переводом и оригиналом, как в количестве бейтов, так и в их расположении. Выявление этих особенностей – тема отдельной работы, поскольку требует обращения не только к изданиям, которым воспользовались переводчики, но и к достоверным источникам рукописей дивана Камола Худжанди.

Использованная литература:

1. Антология таджикской поэзии. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1951. – 658 с.
2. Ардашникова А.Н., Рейснер М.Л. История литературы Ирана в послемонгольское время (XIII-XVII вв.). – М., 1996. – 141 с.
3. Бертельс Е. Э. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до ХУ в. н. э. // Новый мир. – 1939. – № 6-9.
4. Бертельс Е. Э. Литература на персидском языке в Средней Азии // в кн.: Бертельс Е. Э. История литературы и культуры Ирана. – Москва: Наука, 1988. – 460 с.
5. Брагинский И. С. Камоль Худжанди // В кн. Камоль Худжанди. Избранная лирика: Серия «Классики таджикской литературы». – Сталинабад, 1949. – 70 с.
6. Брагинский И. С. О творчестве Камола Худжанди // Очерки из

- истории таджикской литературы. – Сталинабад, 1956. – С. 240-242.
7. Брагинский И. С. Соловей Ходжента // 12 миниатюр. – Москва, 1966. – С. 254-262.
 8. Брагинский И. С. Соловей Ходжента // От Авесты до Айни. – Душанбе, 1981. – С. 160-168.
 9. Гейзер А. Р. Золотой венец. – Хучанд: Нури маърифат, 2011. – 248 с.
 10. Григорьев В. В. О местоположении Сарая – столицы Золотой Орды // Россия и Азия Сборник исследований и статей по истории этнографии и географии. – С.-Петербург, 1876. – С. 259-321.
 11. Камоль Худжанди. Избранная лирика: Серия «Классики таджикской литературы». – Сталинабад, 1949. – 70 с.
 12. Камоль Худжанди. Лирика. – Душанбе, 1958. – 107 с.
 13. Камол Худжанди. Газели. – Худжанд, 1996. – 129 с.
 14. Камоли Хучандӣ. Девон / Муаллифи пешгуфтор ва таҳиягари матни девон Абдучаббори Суруш. – Хучанд: Хуросон, 2015. – 1292 с.
 15. Крымскій, А. Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософии: Отъ эпохи монголовъ Джингизъ-хана до водворенія Сефевидовъ въ Иранъ и «Великихъ моголовъ» въ Индѣи XVI-XV III в. // Труды по востоковѣдѣнію издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Т. III, №1-2. – Москва, 1914-1917.
 16. Пономарева З. В., Черных З. А. Камол Худжанди // Таджикская литература: Рекомендательный указатель. – Москва, 1961. – С. 50-51.
 17. Рейснер М.Л. Эволюция классической газели на фарси (X-XIV века). – М.: Наука, 1989. – 224 с.
 18. Хрестоматия по литературе народов СССР / Составитель Л. И. Климович. – Москва: Государственного учебно-педагогического издательства Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 830 с.
 19. Шоҳаҳмад А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ. – Хучанд: Хуросон, 2015. – 736 с.

ШЕЙХЪ КЯМАЛЕДДИНЪ ХОДЖЕНДСКІЙ¹

1

...Джамій (XV в.) въ своемъ “Бехаристанѣ” утверждаетъ, что лирика Хасана Дехлійскаго имѣла вліяніе на шейха Кямаля Ходжендскаго XIV в., жившаго въ Тебризѣ (О Кямаль—ниже)...

2

Изящная литература XIV в. при дворѣ сѣверо-персидскѣхъи монгольскихъ воеводъ и южно-персидскихъ мозафферидовъ (вѣкъ Хафиза)

...На сѣверѣ въ Тебризѣ при дворѣ джелаиридскомъ самый талантливый поэтъ (лирикъ, эпикъ-романтикъ и прежде всего панегиристъ) былъ только-что названный Сельманъ Саведжи (1291-1377); другія тамъ крупныя имена — панегиристъ и романтикъ-эпикъ Эссаръ (ум. 1382), панегиристъ и лирикъ Шейхъ Кямаль Ходжендскій (ум. 1400), панегиристъ и лирикъ Шейхъ Мегребій (ум. 1406)...

3

...Какъ для Хафиза Ширазъ есть несравненный рай земной, розовыя цветники котораго у речки Рокнабада не повторяются и на томъ светѣ, такъ для сѣверной группы поэтовъ злачное мѣсто есть этотъ Тебризъ. Шейхъ Кямаль Ходжендскій, даже не тебризецъ родомъ, когда нагрянувшимъ изъ Дербенда Тохтамышемъ (1385) увезенъ былъ изъ Тебриза въ Золотую орду и окруженъ холою, четыре года тосковалъ по Тебризу и воспѣвалъ его въ стихахъ, пока туда не вернулся. Пожалуй, у болѣе ранняго Эссара, который — не нужно забывать этого — своими панегириками не достаточно нажилъ денегъ, мы слышимъ жалобу, что, вотъ, въ «этомъ Тебризе» никто не умѣетъ цѣнить поэзію...

¹ Крымскій, А. Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи: Отъ эпохи монголовъ Джингизъ-хана до водворенія Сефевидовъ въ Иранъ и «Великихъ моголовъ» въ Индѣи XVI-XVIII в. // Труды по востоковѣдѣнію издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Т. III, №1-2. — Москва, 1914-1917. — С. 83; 97; 98; 101-102; 113.

**Главные поэты XIV в. какъ тебризскаго,
такъ и ширазскаго круга ...**

в) Шейхъ Кямаледдинъ (короче «Кямаль») Ходжендскій (ум. 1400) попалъ въ Тебризъ къ Увейсу (1356-1374) уже въ зрѣломъ возрастѣ, возвращаясь съ мекканскаго богомолья къ себѣ въ Ходжендъ (городъ на лѣвой сторонѣ Сыръ-Дарьи). Шейхъ дожилъ въ облюбованномъ имъ Тебризѣ, гдѣ Увейсомъ былъ выстроенъ ему монастырь, до перехода Тебриза в руки Тимура, дѣти котораго отнесли къ святому старцу съ почтеніемъ. Мы видѣли (98), что и Тохтамышъ съ достаточнымъ почтеніемъ увозилъ старца въ Золотоордынскій плѣнь. Диванъ мистико-эротической лирики Кямаля имѣется, между прочимъ, въ рукописи Лазаревского Института №6778 топ., на поляхъ дивана Сельмана (лл. 1-294 об.). По словамъ Джамія ХУ в. въ «Бехаристанѣ», образцомъ въ лирикѣ служилъ для шейха Кямаля Ходжендскаго эмиръ Хасанъ Дехлійскій (ум. 1327, другъ Хосрова Дехлійскаго), «тетеббо»-и Хесен-и Дехлеві конед», такъ что иные (по мнѣнію Джамія далеко не справедливо) называли Кямаля простымъ обкрадывателемъ Хасана («дозд-и Хесен»).² Печатнаго изданія Кямаля, кажется, не было.—У Хаммера «Redekünste» (1818, стр. 255-258) переведено 12 стихотвореній Кямаля Ходжендскаго; у Бланда — десятокъ въ «A Century of persian ghazals» (1851, стр. 9-12); у Пицци одно въ «Storia della poes. pers», I (1894), стр. 175-176.³

г) Тѣсный пріятель шейха Кямаля Ходжендскаго — шейхъ Мохеммедъ Ширинъ Мегрибій (ум. 1406 въ Тебризѣ). Онъ родомъ былъ испанецъ, а прозвище «Мегрибій» = «западный» указываетъ на его приверженность къ доктринамъ западнаго суфія ибнъ Арабія (1164-1240). Диванъ Мегрибія, состоящій изъ лирики, изданъ (въ Тегранѣ ?) 1280 = 1863. Есть хорошая рукопись въ Лазаревскомъ Институтѣ (№319 печ. кат.). Три газели Мегрибія переведены у Хаммера: «Redekünste» (1818, стр.

² См. напр. «Бехаристанъ» по константин. изд. 1311 = 1894 г., стр. 88.

³ Изъ бѣографич. замѣтокъ о Кямалѣ Ходжендскомъ см. у Ouseley: «Biogr. Notices» (1846, стр. 192-194) и у Рье, опис. перс. рукоп. Брит. муз. II (1881), стр. 632-633.

78-79), но ошибочно приписаны Моыззію XI в.

На югѣ Ирана, откуда пришелъ въ Тебризъ Мегрибій, поэты XIV в. сперва довольно живо чувствовали политическую связь страны съ сѣверомъ, гдѣ царствовалъ послѣдній хулагидъ Абу-Саидъ (1316-1335). Въ начальномъ творествѣ южныхъ поэтовъ XIV вѣка мы встрѣчаемъ ъоды Абу-Саиду. Литературная связь политически затѣмъ обособившаго юга и сѣвера не прерывалась, и южные поэты иногда пикируются съ сѣверными, иногда (какъ Хафизъ съ Сельманомъ Савейскимъ и Кямалемъ Ходжендскимъ) отпускаютъ другъ другу утонченные комплименты...

5

Художественная литература при тимуридахъ. XV в.

1) Черты первой, болѣе упадочной, половины тимуридскаго періода

...Положимъ, намѣстниками въ пострадавшемъ западномъ Иранѣ – среди вѣчныхъ смуть – были поставляемы люди, склонные къ покровительству литературѣ: дѣти Тимура (такъ, Мираншахъ въ Тебризѣ) или, чаще, дѣти его сына Шахроха. Нельзя отрицать, что это были люди, въ общемъ достаточно одаренные литературнымъ вкусомъ. Напримѣръ, Мираншахъ Тимуровичъ въ Тебризѣ отнесся хорошо къ суфійскимъ писателямъ, собравшимся здѣсь раньше; и Кямаль Ходжендскій, который, вернувшись въ Тебризъ изъ Золотоордынскаго плѣна (1389), засталъ здѣсь Мираншаха, былъ обласканъ имъ не хуже, чѣмъ это сдѣлали бы джелаириды: для выкупа Кямалевой обители отъ тяжелыхъ долговъ сынъ Тимура пожаловалъ шейху 10.000 червонцевъ...

КЕМАЛЬ ХУДЖАНДИ⁴

Из среднеазиатских подражателей Хафизу нужно в первую очередь отметить талантливое Кемаль Худжанди (ум. 1392 г.). О жизни его известно мало. Надо думать, что Кемаль пользовался в Средней Азии довольно большой славой, он был приглашен в Сарай, где провел четыре года, окруженный почётом и уважением.

Стихи его не богаты содержанием. Это все та же тематика Хафиза – любовные жалобы, жестокость друга, красота и прелесть его и т. д. Характерное их отличие – необычайная законченность формы и почти непрерывная игра слов...

Я сказал: – Пропиши мне рецепт для исцеления боли сердца,

Ответил он: – Как пропишу я тебе лекарство, раз нет тебе лекарства?!

Весь смысл этой строки в том, что слово «дава-т» может значить «тебе лекарство», но в то же время и «чернильница». Т.-е. второе полустилишное допускает и второй перевод: «Как пропишу тебе лекарство, раз нет чернильницы». Такого рода игра высоко ценилась в то время, да, нужно сказать, что и до сих пор остроумная, веселая шутка, построенная на игре слов, всегда найдёт на Востоке внимательного слушателя. Изощренная техника поэзии при всей своей крайности пробуждает внимание к родному языку, гибкость в обращении с ним, создает прекрасную почву для блестящих импровизаций в этом роде...– с. 275.

⁴ Бертельс, Е. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV века н. э. // Новый мир. – 1939. – №6. – С. 210-238; №7. – С. 246-265; №9. – С. 264-281.

Евгений Эдуардович БЕРТЕЛЬС

СОЗДАТЕЛЬ ТОНКОЙ И НЕЖНОЙ ЛИРИКИ ХОДЖЕНДЕЦ ШЕЙХ КАМАЛ⁵

1

...Хафиз интересовался не только индийским поэтом. Известно, что он очень любил своего современника Камала Худжанди (ум. 1400), одного из интереснейших лириков Средней Азии. Свои лучшие газели он немедленно отсылал Камалу; ходжендский поэт тоже всегда сообщал Хафизу свои последние произведения.⁶

2

Первый крупный поэт XIV в. – бесспорно, создатель тонкой и нежной лирики ходжендец шейх Камал, о котором мы уже говорили выше, упомянув о его переписке с Хафизом. «Хафт иклим», говоря об этом поэте, отмечает, что он любит гиперболы, предпочитает легкие и плавные метры, но зато пользуется трудными рифмами и редирами.⁷ Ощущается влияние на него Хасана Дихлави, но он значительно глубже и изысканнее. Любители литературы отмечали также, что он один из первых широко ввел в лирику упоминание о псе возлюбленной.⁸

⁵ Бертельс, Е. Э. Литература на персидском языке в Средней Азии // Советское востоковедение. – 1948. – №V. – С. 199-228; Цитир.: Бертельс, Е. Э. Литература на персидском языке в Средней Азии // Избранные труды: История литературы и культуры Ирана. – Москва: Издательство «Наука», ГРВЛ, 1988. – С. 264, 285-286.

⁶ Рази. Хафт иклим. Рук. УзФАН, №126, л. 481а.

⁷ Рази. Хафт иклим. Рук. УзФАН, №126, л. 481.

⁸ По этому поводу даже существует такой анекдот. У одного любителя поэзии диван Камала был переплетен в одном томе с диваном Хасана, который злоупотреблял в своей лирике словом дилбанд обозначающим как «возлюбленную» («вяжущую сердца»), так и «внутренности, потроха». Один из друзей сказал владельцу рукописи: «А ты не боишься, что псы Камала сожрут потроха Хасана?»

Влияние Камала было крайне велико в течение всего XV века (да и позднее). Его можно особенно ясно проследить на примере одного малоизвестного, но весьма любопытного поэта–Сираджад-Дина Бисати Самарканди. Жизнь его почти неизвестна. Эте дает дату его смерти – 1412 г., но показания «Хафт иклим» с этим плохо вяжутся, ибо там он назван придворным поэтом султана Халила, сына Миран-шаха, и говорится, что он получил тысячу динаров за один бейт газели.⁹ «Аташкада» (с. 348) считает его учеником Ходжи Исмата Бухари, говорит, что он был ремесленником, плел циновки и потому избрал себе тахаллус Хасир, который переделал из Бисати пожеланию своего учителя.

Бисати ясно указывает на свое стремление соревноваться с Камалом¹⁰:

اشعار بساطی است که سیر ابولطفیافت
چونمیهو هشیرینکه بیاری ز خجندش

Стихи Бисати сочны и нежны,
Как сладкие плоды, которые ты везешь из Ходженда.

Еще яснее:

در نظم بساطی را که مال از خودم بین کمتر
که پروردست چون مردم بآید هسلمانش

Жемчуга стихов Бисати не считай, Камал, хуже своих!
Ведь вскормил их как благородный муж водою очей

Салман.¹¹

Итак, мы видим, как в течение XIV в. литературная жизнь в Средней Азии начинает снова восстанавливаться.

دلشیشهو چشمانتو هر گوشه بر ندش
مستندمبادا که بی ناگهش کنندش

⁹ Сердце — фляга, а очи твои влекут его во всякий угол,
Они опьянены, как бы не разбили они его!
Рази. Хафт иклим. Рук. УзФАН, №126, л. 454.

¹⁰ Там же, л. 288.

¹¹ Салман Саваджи, о котором говорилось выше.

ТЮРКСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ТИМУРИДОВ¹²

...Диван Лутфи состоял из персидских и староузбекских стихов, но, хотя и персидские стихи его славились, все же известность получили именно стихи, написанные на его родном языке. Как говорит Навои: “В тюркском известность его была больше, и тюркский диван его распространен”. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что до наших дней сохранился только его староузбекский диван, дошедший до нас в нескольких рукописях. Диван, как и у большинства авторов того времени, состоит преимущественно из газелей. Есть, правда, и несколько касыд, в том числе великолепная касыда в честь Шахруха, но касыды эти более или менее случайного характера. Все свое мастерство Лутфи направил на разработку малой лирической формы. Его главными образцами были признанные мастера газели – Кемаль Худжанди и Хафиз. Лутфи сам говорит о том, что ставил себе задачей соревноваться с Кемалем. В заключительном бейте одной из газелей он говорит:

“Сафина” по-арабски – “корабль, судно”, но в то же время это название обозначает “сборник стихов, диван”. Так возникает великолепная игра слов: “Корабль Кемаля не сможет переплыть на эту сторону Аму-Дарьи”, т.е. из Хорасана в Мавераннахр, иначе говоря, если только в Самарканде ознакомятся со стихами Лутфи, то никто даже не захочет смотреть на стихи Кемаля. Очень многие строки Лутфи перекликаются как со стихами Кемаля, так и с творениями величайшего лирика XIV в. Ходжа Хафиза...

¹² Бертельс, Е. Э. Навои. Опыт творческой биографии. – Москва-Ленинград: Изд. АН СССР, 1948.

Иосиф Самуилович БРАГИНСКИЙ

«РАСКРЕПОЩЕННЫЕ СТРОКИ» ХАФИЗА¹³

...Беспредельно-восторженное почитание Хафиза выразил его выдающийся современник и поэтический соратник Камол Худжанди (Ходжентский) в своей газели –диалоге с «другом», под которым, по преданию, подразумевается Хафиз.

Друг сказал: «Взор от всех отврати!»

– Я готов, повинуюсь.

«Только мне преклонением лести!»

– Я готов, повинуюсь.

«Ливнем горестных слез мой порог оросить
ты стремишься?

Так ресницами пол подмети!»

– Я готов, повинуюсь.

«Ты, паломник, бродящий в бесплодных пустынях
печали,

Всех влюбленных утешь на пути!»

– Я готов, повинуюсь

«А увидишь следы моих ног на песчаных дорогах, –
Слезным жемчугом их очерти!»

– Я готов, повинуюсь.

«Если ночь напролет бродишь ты, разлучен с луноликим,
В небе бледные звезды сочти!»

– Я готов, повинуюсь.

Говорил: «О Камол, тот, кто ждёт ценных перлов свиданья,
Должен в глубь океана сойти»

– Я готов, повинуюсь¹⁴

* * *

¹³ Брагинский, И. С. Раскрепощенные строки (Несколько штрихов к портрету подлинного Хафиза) // Хафиз. Пятьдесят газелей. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949; Брагинский, И. С. Очерки из истории таджикской литературы / Отв. ред. М. Турсун-заде. – Сталинабад: Полиграфический комбинат Главполиграфпром Министерства культуры Таджикской ССР, 1956. – С. 207-208; 223-226.

¹⁴ Перевела В. Звягинцева

...Не случайно и то, что Хафиз, будучи величайшим лириком XIV века, возглавляет, по существу, целую плеяду лириков, в том числе таких выдающихся, как Камол Худжанди, Носир Бухорои, Ибни Ямин и др. Уже самый факт составления газелей, стихотворений, воспевающих человеческие страсти, а не царей и вельмож, являлся своеобразной формой протеста поэта против господствовавшего уклада, так сказать, протеста в форме умолчания. Больше того, содержание подобных газелей, их гуманистическая направленность, культ живого человека со всеми его человеческими страстями был вызовом мертвящим догмам ислама и мистической самоотрешённости суфизма.

Уже не говоря о прямых выпадах против духовенства, даже самый культ вина – прямо противостоял исламскому запрету пить вино, а поэтому звучал не разнузданно, а богохульно; любовь плотская, человеческая – противоречила ортодоксальной проповеди «Amor dei», — поклонения царю небесному; а служение возлюбленной – прямо противопоставлялось служению царю земному. Мусульманское правоверие и суфизм звали к примирению действительностью, к рабской покорности. Газель была своеобразным манифестом вольности, причудливым призывом к мятежу, к бунту:

Брось небесное! На сердце буйно узел развяжи:

Ведь не мудрость геометра в этом сделает почин!

Если у Хафиза протестующая функция в газели выступает с наибольшей выразительностью, то, в той или иной форме, эта функция свойственна газелям и других лириков XIV века.

Прежде всего у ближайшего соратника Хафиза – Камола Худжанди, чье творчество так часто перекликается с поэзией Хафиза и который ближе всех стоит к нему также и в выражении мотивов богохульства и социального протеста:

Камол – султанам не слуга: –

Им дела нет до бедняков.

Тебе же – вечный я слуга,

Мой мир – могила без тебя.¹⁵

¹⁵ Перевод А. Адалис

Или еще ярче в его газели:

*Если мы приволья захотели,
Значит это и в душе и в теле!
Так сменяйте ж коврик для молитвы
На любовь и винное похмелье.
Набожность мы лютнею заменим,
Четками да станет ожерелье!
Будем пить и радоваться будем:
Не весной ли суждено веселье?
Как Лайли, недостижимо счастье, –
Как Маджнун, ищи его в ущелье.
Если же в тетрадке у святоши,
В списках посещавших эти кельи
Некоего встретишь ты «Камола»,
Брось ты эту книгу, в самом деле...¹⁶*

Мотивы протеста и гуманизма настолько органически срослись у Хафиза с газелью, стали ее нормой, что впоследствии любой лирик, складывая газель, как бы вынужден был включать в неё подобные строки. Вот почему даже такой панегирист, как известный современник Хафиза – Салмон Соваджи, один из официально признанных и прославленных лириков, писал в своих газелях, перекликаясь, по существу, с Камолом:

*Не слугою султана я проснусь в Судный день.
А с твоею печатью – раб неистовый твой.*

Впоследствии именно эта канонизация и лишила газель ее остроты, поскольку повторяемые в подражательном рвении одни и те же формулы превратились в штамп, в слова с выхолощенным содержанием. Однако, отмеченная особенность газели вместе с тем показывает и всю первоначальную силу установленной Хафизом на столетия традиции,—когда, новые идеи, только еще вводимые им в поэзию, не успевшие застыть и отлиться в догматические словесные украшения, проявляли всю свою первобытную крепость и неодолимость...

¹⁶ Газель: «Мо бисоти некномӣ боз тай хоҳем кард», перев. И. Сельвинский.

КАМОЛЬ ХУДЖАНДИ

*(Биографическая справка)*¹⁷

XIV век был для таджикского народа, как и для всех народов Средней Азии, веком, преисполненным всех тягот и ужасов монгольского ига. «Льёт кровь наш век жестокий, не ведая пощады» – к подобной характеристике своего времени не раз возвращается Хафиз, крупнейший поэт этого века.

Сто лет прошло после вторжения орд Чингизхана, предавшего разграблению цветущие города и села, населенные таджиками, превратившего цветущие местности в зону пустыни. Не успели ещё зажить раны от нашествия Чингиза, как над таджикским народом пронеслись новые бедствия. Начало XIV века ознаменовано нескончаемыми междоусобными войнами различных феодальных владетелей, усилившимися в связи с распадом империи, склеенной Чингизом кровью его жертв. Конец века – кровавыми завоеваниями и жестокостями «железного хромца» Тимура, чья политика выражалась, в частности, в том (как пишет Маркс), чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей и мужчин – юношей и, таким образом, всюду наводить ужас.

Но вопреки всему не удалось сломить духа свободолюбивого народа, подымавшего непрерывные мятежи против ненавистного ига (таковы, например, наиболее крупные восстания Махмуда Тараби в 1238 г. и «сарбадаров» в 1365 г.).

Народ определил своих писателей. Если народные возмещения заполняют собою XIII и XIV века, то этого нельзя сказать о литературе, о поэзии. Литература и ее творцы долго не могли ещё отпавиться от катастрофического удара, нанесенного им чингизовским вторжением. Однако, уже в литературе XIII века – прямо приходит к слову горячий, пламенный

¹⁷ Брагинский, И. С. Камоль Худжанди (Биографическая справка) // Камоль Худжанди. Избранная лирика/Составление, примечания и редакция И. Брагинского [перев. А. Е. Адалис]. – Сталинабад: Госиздат Таджикской ССР, 1949. – С. 13-22.

протест против установившегося режима гнета и несправедливости.

Однако, и здесь стихия народного протеста своеобразно преломляется в поэтическом сознании писателя. Она выступает, преимущественно, в форме бунта личности, словесного протеста ее, без осознания необходимости массового возмущения, без прямых призывов к борьбе.

Это естественно, если иметь в виду, что поэты того времени – это обычно выходцы из среды феодальной интеллигенции.

Одной из ярких форм этого протеста является лирика XIV века.

Нельзя ни на минуту забывать, что эта лирика протеста развивалась в мрачных условиях средневековья, когда малейшее отклонение от канона, освященного религиозным мракобесием, звучало вызовом мертвящей традиции, сложившемуся укладу жизни. Многие слова, образы и понятия, кажущиеся нам сейчас лишь невинными, даже безпредметными, в тех условиях приобретали иное звучание и вызывали поэтому иной отклик у современных слушателей, будили в их сердцах чувства и настроения протеста против существующего строя.

Уже самый факт составления лирической газели, воспевающей человеческие чувства, а не восхваляющей царей и вельмож, – как этого требовала господствующая придворная поэзия, – уже это одно было своеобразной формой поэтического протеста, можно сказать, протеста в форме умолчания, в форме явного отрицания, в частности, панегиризма, господствовавшего в поэзии.

Характерно, что именно о Камоле существует предание, будто он не осквернил своих стихов употреблением двух слов: «собака» и ... «царь»! Народ, следовательно, правильно воспринял указанную сторону своеобразного, лирического протеста.

Однако, более того – все содержание подобной газели, ее гуманистическая направленность, ее культ живого человека со всеми его человеческими страстями резко противостоял удушающему правотеизму ислама и религиозно-мистической

отрешенности.

Протестующая функция газели в наибольшей мере проявляется у поэтов XIV века: Хафиза, Камоля Худжанди и Носири Бухорои. Их лирика поэтому может быть с полным основанием названа лирикой протеста.¹⁸

В некоторых газелях этих авторов, особенно у Хафиза, протест поэта принимает более острую форму – резкого разоблачения тупой жестокости власть – имущих и коварного ханжества духовенства. Подобные, разоблачительные, строки мы встречаем не раз и у Камоля. Обычной же для Камоля является любовная тема. Ещё раз следует напомнить: в век деспотической власти религии над людьми, назойливой и гнетущей проповеди отречения от всего земного, – поэзия реальной, человеческой любви с ее яркой гуманистической окрашенностью, резко противостояла официальной, господствующей идеологии. В ней, в этой поэзии, находила свой выход тоска по личной свободе, тяга к жизни и восторг перед всем живым. В этом передовая, для своего времени, роль этой лирики, служившей своеобразным выражением народной тенденции в поэзии феодального периода.

Отметим ещё одну сторону. Поэт, выражая свой восторг перед возлюблённой, свою готовность служить ей, как бы невзначай противопоставляет свое служение возлюблённой покорности перед царями земным и небесным. И в этом находит свое своеобразное выражение бунтарская и мятежная, в условиях мрачного средневековья, идея.

Камень, обращаясь к возлюбленной, говорит:

«Камень – султанам не слуга:

Им дела нет до бедняков.

Тебе же вечный я слуга,

Мой мир – могила без тебя».

Реакционное духовенство пыталось подобные «крамольные» строки толковать иносказательно, в мистическом

¹⁸ У некоторых других их современников и продолжателей эта протестующая роль лирического стиха снижается, а порою и вовсе исчезает, подменяясь лишь формальной стороной газели и канонизацией ряда ее приемов, образов и стилистических особенностей.

смысле: под «возлюбленной» надо, дескать, понимать «бога», в мотивах любви видеть страстную преданность божеству.

Подобное толкование искажает действительный образ выдающихся представителей «лирики протеста» XIV века. Возможно, что в том или ином из своих стихотворений, тот или иной лирик (в том числе и Камоль), отдавая известную дань своему времени, мог иногда вкладывать в образы любви и потусторонний смысл. Суть не в этом, а в том, как читал его народ, как воспринимались его стихи народом. А о том, что народ впитывал в себя именно протестующую сторону этой лирической поэзии, свидетельствует не только вышеприведенное высказывание о Камоле, но и множество других данных, в том числе прямо перекликающееся с творчеством Камоля народное устное творчество, о мистическом смысле которого уже во всяком случае нет оснований говорить.

Вот для примера лишь одно четверостишие, прямо совпадающее по содержанию с приведенными выше строками Камоля, с их антисултанской идеей, где служение милой прямо противопоставляется служению царям:

*«Ах, гордая душа султана не боится,
Забывла страх цепей, зиндана¹⁹ не боится.
Душа влюбленного с голодным волком схожа,
Который чабана – как странно – не боится».*

В сознании таджикского народа поэзия Камоля Худжанди вошла и живет не как потусторонняя, мистическая, а как поэзия живой любви и как форма протеста против религиозного ханжества и подавленности человеческой личности. В этом – главное обаяние поэзии Камоля.

Таковы некоторые особенности творчества Камоля, которые следует иметь в виду светскому читателю для лучшего понимания стихов поэта, писавшего шестьсот лет тому назад.

* * *

Камолиддин Масуд, известный в литературе, как Камоль Худжанди, родился в начале XIV века, в городе Ходженте (ныне Ленинабад). Это один из древнейших таджикских го-

¹⁹ Тюрьма

родов (еще Александр Македонский заложил основы этого города, построив в крайнем пункте своих завоеваний в Средней Азии на берегу Сырь-Дарьи город Александрия Эсхата, т. е. «крайняя»). Этот город издавна славился своей культурой. Характерно, что Хафиз в одной из своих газелей говоря о том, что его вдохновляет красота, указывает, что один из источников ее – это Ходжент. В этом городе прошло детство и начальный период творчества Камоля. На всю жизнь сохранил поэт любовь к родному городу, чувство связи с ним, со своей родиной. Он именует себя «соловьем Ходжента», называет себя «мовараннахри» (жителем Мовараннахра, т. е. «заречья», правого берега Аму-Дарьи). Тоску по родине Камоль выразил в прекрасной газеле «Чужбина» (Эта шумная улица кажется мне пустынной).

Камень учился и творил также и в Самарканде, и в Ташкенте. Отправившись в паломничество в Мекку, Камень при возвращении задержался на ряд лет в Тебризе. Золотоордынский хан Тохтамыш вторгся в этот город и в числе прочей добычи увёз Камоля в столицу, в город Сарай. Здесь четыре года узником томился Камень. Сохранилось его четверостишие, где он уподобляет свою жизнь в Сарае пребыванию в каменном узилище.

Потом Камолу удалось возвратиться в Тебриз, где он провёл остаток жизни в нужде, отдавшись целиком умственному созерцанию (он был сторонником мистической философии суфизма) и поэтическому творчеству.

Рассказывают о большей дружбе, существовавшей между Камолем и Хафизом. Эта дружба и безграничное взаимное уважение находят свое выражение в близости их творчества, в общих мотивах и особенностях его. Следом этой дружбы и существовавшей между ними поэтической переписки служит стихотворение «Друг сказал», которое по преданию посвящено Хафизу. Предание гласит, что Хафиз был так тронут этой газелью, что разрыдался, читая ее.

Другое предание гласит, что в лачуге Камоля после его смерти нашли лишь циновку и камень, который он во всё вре-

мя сна подкладывал под голову.

Но, кроме этого, Камоль оставил после себя и стихи, и они сделали бессмертной память о нем в таджикском народе. Сборник стихов (диван) Камоля содержит около 6 000 строк. Большинство его стихов – это газели, состоящие из 7 байтов (двустуший). В этих газелях многое прямо перекликается с таджикским фольклором. Может быть, и в этом одна из причин их широкого распространения в народе.

О других особенностях его поэзии говорилось выше.

Переводы газелей Камоля на русском языке еще ни разу не издавались.

Была лишь одна попытка воспроизвести стихи Камоля в виде вольного подражания им, которая принадлежит погибшему в Великой Отечественной войне поэту Б. Лапину. Это подражание очень удачно передает звучание и основной дух стихов и поэтому целесообразно ознакомить с этими перепевами Камоля советского читателя до того, как он начнет читать газели самого Камоля.

Подражание Камолу

*Когда красавица вошла в цветник,
Склонился лавр и остроцвет поник.
Ручей, струясь, припал к ногам подруги,
Я слышал пальм торжественный язык.
В сад или в рай проникли мы, – не знаю,
Но гурию я видел в этот миг.
О сердце, помни – розы быстро вянут,
Спеши – пока нас холод не настиг.
На каждом лепестке – скрижали рока
Читай их, нерадивый ученик...
Эй, лекарь, слушай, я опасно болен,
А ты моей болезни не постиг.
Ее глаза, как окна в темной башне,
Ее ресницы – лес подъятых пик.
Чем виноват Махмуд, что он свалился
В капкан, который сам Айёз воздвиг?*

*Вот ты пришла – прощай мечты о рае,
Вот ты пришла – и раем стал цветник.
В мой сад теперь и муха не проникает, –
Его заткал любовью крестовик.
Кто видел прядь волос твоих пушистых,
Тот стал рабом – юнец или старик...
О лекарь, слушай, я опасно болен...
Смутился лекарь. Головой поник.
Наверно, сглазили меня весною, –
Но жар от ядаразве так велик?
Когда-то я стремился на свободу,
Вот ты ушла... Нет у меня владык...
И мой очаг потух и пепел залит...
Кто виноват... Печальных слез родник.
И даже месяц катится к ущербу,
И в облаках погас его ночник.
Но вдруг опять в саду раскрылись почки,
Раздался громкий соловьиный крик.
И с новой силой нежность в нас проснулась,
О божье!... Я опять ее достиг.
И легкий ветер листья чуть колышет
И пальцами листвы ко мне приник.
Я бросил пост, молитвы и поклоны,
И лишь тогда стал подлинно велик.
Пусть говорят теперь «Камол безумен»
– Носить чалму я навсегда отвык.*

Всего в настоящий сборник «Избранной лирики» Камоля включено 40 газелей, дающих более или менее полное представление о творчестве Камоля.

Переводы всех газелей принадлежат А. Е. Адалис, кроме одной («Чужбина»), переведенной И. Л. Сельвинским.

В примечании указаны названия (первые строки) в подлиннике.

Иосиф Самуилович БРАГИНСКИЙ

КАМОЛЬ ХУДЖАНДИ²⁰

Камоль Худжанди (г. рожд. неизв.-ум. 1390) – выдающийся таджикский поэт-лирик 14 в. Родился и провёл юность в Ходженте (ныне Ленинабад), учился в Самарканде. Взятый в плен, долго находился в заточении у золотоординского хана Тохтамиша. Умер в Тебризе в большой нужде. По содержанию своей поэзии К. Х. был близок к Хафизу (см.); ему посвящена известная газель (см.) К. Х. «Друг сказал». В своих мелодичных и предельно кратких (6-7 двустийших) газелях поэт воспевал чистую любовь. Своеобразный культ свободной личности в его стихах выражал чувство недовольства режимом, сложившимся после монгольского нашествия. Мотивы протеста в лирике К. Х. характерны для таджикской поэзии 14 в. По народному преданию, К. Х. не осквернил своих стихов употреблением двух слов: «собака» и «царь». На русском языке его газели впервые опубликованы в 1949.

Соч. К. Х.: [Стихотворения], в кн.: Антология таджикской поэзии, М., 1951; Камол Худжанди. Избранная лирика, [сборник], Сталинабад, 1949, 1953

²⁰ Большая советская энциклопедия. Второе издание. Том 19. Историзм-Канди. – Москва: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1953. – С. 544.

О ТВОРЧЕСТВЕ КАМОЛА ХУДЖАНДИ²¹

Достоверного и точного о жизни Камола Худжанди, как и о жизни большинства таджикских поэтов средневековья, известно очень мало, и это малое переплетается с преданиями и легендами, отражающими представления народа о своем любимом поэте.

Камолиддин Масъуд, известный в поэзии как Камоли Худжанди (Камол Ходжентский), родился в начале XIV в. в г.Ходженте (ныне Ленинабад, Таджикской ССР). Его земляки-ленинабадцы с гордостью показывают место, где по преданию стоял его дом – сейчас на этом месте расположено здание городской гостиницы.

При своем возвращении из паломничества в Мекку Камол проезжал через Тебриз и остался там проживать. Здесь его настигла беда.Золотоордынский хан Тохтамыш, напавший в 1385 г. на Тебриз и разграбивший его, в числе захваченной добычи вывез с собою пленённого Камола.

По преданию Камол длительное время находился в заточении в Кальаи Санг (Каменная крепость), о чем сложил четверостишие:

*Кай бошад аз ин танг бурун омаданам?
Ном аст аз ин нанг бурун омаданам,
Гӯй, магар аз санг бурун меояд
Парвонаи аз санг бурун омаданам?
Когда удастся из этой темницы мне выбраться?
Дело чести – из этого позора мне выбраться.
[Но] скажи, разве из камня изойдет
Приказ о том, чтобы из камня мне выбраться?²²*

²¹ Брагинский, И. С. Очерки из истории таджикской литературы / Ответст. редактор М. Турсун-заде. – Сталинабад: Полиграфкомбинат Главполиграфпром Министерства культуры Таджикской ССР, 1956. – С. 207-238.

²² См.: Садриддин Айни. Намунаи адабиёти тоҷик (на арабским алфавитом). – Москва, 1926, стр. 77-78.

Спустя четыре года Камол вернулся в Тебриз, где и прожил до конца своих дней, прославленный своими стихами и благочестивым образом жизни суфийского наставника. Он умер в 1400 году. Рассказывают, что кроме циновки, на которой он спал, и камня, на который он клал голову во время сна, никакого другого имущества после него не осталось. Но остались его стихи, диван его газелей.²³

Творчество Камола Худжанди заслуживает особого внимания еще и потому, что лирический жанр ранне средневековой народной поэзии нашёл в его газелях, вероятно, более яркое воплощение, чем в стихах какого-либо другого поэта того периода. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем: в такой же мере, как по «Шахнамэ» Фирдоуси можно судить о характере таджикского народного эпоса раннего средневековья, по газелям Камола можно судить о таджикской народной лирике эпохи феодализма.

В этой связи следует решительно опровергнуть одно ложное мнение, встречающееся в некоторых литературоведческих работах, о подражательном, якобы, характере стихов Камола. Ссылаются при этом иногда на сообщение Абдуррахмона Джоми в его книге «Бахористон» о том, что Камол подражал, якобы, Хасану Дехлеви.²⁴ Это – совершенно неверное мнение, и в этом легко убедиться, сравнив их газели между собой. Для начала достаточно воспользоваться изданным еще в прошлом веке сборником А. Блэнда.²⁵ В этом сборнике приводятся, среди других, по десятку газелей Хасана Дехлеви и Камола Худжанди. Нет слов, Хасан Дехлеви писал грациозно и ярко. Но разве могут его газели сравниться с

²³ См. статью А. Дехоти (составленную на основе неопубликованной статьи С. Айни) вкн. *Namuna hoji ada vijoti toçik*. – Сталинабад, 1940, стр. 127-130.

²⁴ На самом деле Джоми в «Бахористоне» (Раздел VII, Изд. Невил Кошур, стр. 105) очень высоко отзывается о Камоле («выше которого по содержанию и изяществу стиха трудно себе представить»).

Отмечая, что Камола и Хасана роднит стиль «сахли мумтанеъ» (неприступная простота), который сочетает ясные и простые метры со сложной рифмовкой, игрой словами и редирами, крайне затрудняющими понимание смысла, – Джоми, по существу, отвергает мнение, будто Камол подражает Хасану и подчеркивает, что «стихи Камола по своему изяществу и смыслу превосходят стихи Хасана».

²⁵ A. Bland. *A century of persian ghazals from unpublished divans*, 1851.

задушевыми и ясными газелями Камола?

Один лишь пример. Оба поэта прибегают к образу о кудрях возлюбленной, одно прикосновение к которым дарует силу поэту.

Как неестественно и грубо использует этот образ Хасан Дехлеви! Он умоляет возлюбленную спасти его кудрями своими из бездны: ухватившись за косы, он выберется из бездны. Только при иносказательном применении этого образа, при полном отвлечении от пластической реальности его, можно не почувствовать бессмысленности и грубости подобной мольбы в устах влюбленного. Своей поэтической душой это почувствовал в свое время в эпическом (не в лирическом, а в эпическо-монументальном) произведении великий Фирдоуси. Когда в эпизоде встречи Зола и Рудобы, последняя опускает с вершины башни свои косы, чтоб Зол мог по ним добраться до нее, – Фирдоуси не допускает подобного грубого зрелища. Богатырь Зол набрасывает петлю на зубец башни и одним прыжком, держась за аркан, оказывается рядом с Рудобой. А лирик Хасан Дехлеви позволяет себе применение подобного неуклюжего, нежизненного, противоестественного образа, обнаруживая отсутствие поэтического такта.

Насколько жизненное, нежнее, тоньше Камол, когда, даже говоря явно иносказательно, он рисует естественный образ, остроумно играя при этом словом. Он говорит, что ему не страшен Судный день, «если ожерелье кудрей возлюбленной находится в его длани» («гар икди зулфи ёр бувад дастгири мо»), используя двусмысленность слова «дастгир», – обозначающее также «помощник».

Много можно бы привести подобных примеров, которые начисто отбрасывают ошибочные утверждения о подражательности Камола.

Характеризуя идейное содержание газелей Камола, следует, прежде всего, повторить уже сказанное выше о содержащихся в них мотивах протеста, выступающего в индивидуальных формах бунта личности.²⁶ Как и у Хафиза,

²⁶ См. выше, очерк о Хафизе.

это— острое, часто сатирическое бичевание ханжей-святош, аскетов, мухтасиба и суфиев, противопоставление им образа бесшабашного, вольного гуляки-ринда, противопоставление действительной, земной любви сомнительному райскому блаженству, а любовного «рабства» – служению царям. И у Камола эти, наиболее, острые строки вкраплены в обычную любовную газель и словно прорываются наружу, как вздох из глубины бунтующего сердца, как протестующий призыв к отпору, к возмущению.

Примеров подобных строк можно привести множество. Ограничимся лишь несколькими.²⁷

* * *

- 1) *Зоҳид зи ту нӯшад назару зухд фурӯшад,
Ин беҳабаронро нигар, ин бебасаронро!*²⁸

*Аскет не глядит на тебя (закрывает на тебя глаза)
и торгует [бахвалится] аскетством
Взгляни-ка на таких невежд, на таких слепцов!*

* * *

- 2) *Зоҳидон камтар шиносанд он чи моро дар сар аст:
Фикри зоҳид дигару савдои ошиқ дигар аст.*²⁹

*Маловато смыслят аскеты в том, что [творится]
в моей голове:
[Ведь] размышления аскета – одно, а страсть
влюбленного – иное.*

* * *

²⁷ Ввиду отсутствия печатного издания дивана Камола примеры приводятся по использованному мною рукописному дивану XIX в. из частного собрания и обозначенному в дальнейшем: Ркп (рукопись). Обычно текст его мною сравнивался с текстом старых рукописей XV-XVI в. в ИВ АН СССР (С-100 и А-54). Хорошие старинные рукописи дивана имеются в собрании Института литературы и языка АН Таджикской ССР (старые инвентарные №№ Сталинабадской библиотеки: 1917, 967, 1207 и др.) и в Ташкенте №122 и др. (Отд. рукоп. ИВ АН Узб. ССР). [Недавно вышел составленный Ш. Хусейн-заде и Р. Джалилом (с предисловием первого) сборник: Камоли Хучандӣ. Мунтахабот. – Сталинабад, 1955].

²⁸ Ркп, л. 8-б.

²⁹ Ркп, л. 46-а.

3) Зоҳид чӣ ачаб гар кунад аз шиқи ту парҳез:
 Кас лаззати ин бода чӣ донад, ки нахӯрдаст?³⁰
 Что удивительного, если аскет воздерживается от
 любви к тебе:
 Как может знать вкус вина тот, кто не испробовал
 (не испил) его?

* * *

4) Зоҳид ба ҳамнишинии риндон касе нашуд,
 Камфаҳмро зи суҳбати доно чӣ фоида?³¹
 Не стал человеком аскет, если [даже] посидел
 рядом с риндами.
 Что за польза несмышленому от беседы со знатоком?

* * *

5) Махӯр, эй зоҳиди камхора, гамам,
 Гами худ хӯр ту, ки логар нашавӣ.³²
 О, недоедающий аскет, не [слишком] пресыщайся
 заботой обо мне,
 Пресыться-ка своими собственными заботами, а то
 как бы тебе не похудеть.

* * *

6) Муҳтасиби хумшикан тар кадуи май шикаст,
 Мешиканам ҳам сараи, гарчи кам аст аз каду.³³
 Если мухтасиб – виноборец (разбивающий сосуд)
 разбил мою тыкву с вином,
 Я разобью его голову, хотя она и не стоит тыквы.

* * *

7) Чаим агар ин асту абрӯ ину нозу ишва ин,
 Алвидоъ, эй зуҳду тақво, алфироқ, эй ақлу дин!³⁴
 Если таковы глаз[а] и такова бровь, [если] прелесть и
 негa таковы,
 То прощай аскетизм и богобоязненность, прощай
 разум и вера!

* * *

³⁰ Ркп, л. 52-б.

³¹ Ркп, л. 211-а.

³² Ркп, л. 223-а.

³³ Ркп, л. 304-б (Ср. Хафиз: «Гар мӯхтасиб бар кадуи бода занад санг, Бишкан ту кадуи сари ӯ низ ба хиште).

³⁴ Ркп, л. 203-а.

- 8) *Омад даруни дил гамат, дигар намеояд бурун,
Савдои он зулфи сияҳ аз сар намеояд бурун.*

*Шавқи бихишту ҳури он, савдои ону фикри ин,
Аз дил бурун омад ҳама, дилбар намеояд бурун.*³⁵

*Проникла в сердце мое печаль по тебе и оттуда
больше не уйдет,
Тоска [страсть] по черным кудрям из [моей]
головы не уйдет,
Вожделение к раю и его гуриям, стремление к
нему и мечта о них,
Всё изсердцамоего ушло, но [образ] милой не уйдет.*

* * *

- 9) *Гар ба майхона ҳарифи маю шоҳид бошам,
Беҳ, ки дар савмаъа бинишину обид бошам.
Вақти он шуд, ки иқомат ба харобот кунам,
То ба кай муътакифи гӯшаи масҷид бошам?*³⁶15

*Если в кабачке я стану наперсником вина и девы,
Это получше, чем сидеть в келии и быть благочестивым, —
Настало время поселиться мне навсегда в трактире,
Доколе уединяться мне для молитв в уголке мечети?*

* * *

- 10) *Дардмандему хабар медиҳад аз сӯзи дарун
Даҳани хушку лаби ташинаву чаими тари мо.
Муфлисоне, ки дар давлати савдои гамат
Ҳосили ҳар ду ҷаҳон ҳеч наярзад бари мо.*³⁷
*Мы больны, и о нашем внутреннем горении дают знать
Сухие уста, и жаждущие губы, и наши влажные глаза.
Мы нищие, но перед богатством горестной страсти
к тебе
Ни во что не ставим богатства (прибыль) обоих миров.*

³⁵ Ркп, л. 188-а.

³⁶ Ркп, л. 195-а.

³⁷ Ркп, л. 5-б.

* * *

(Мустазод)

11) *Аз ҳоли парешони Камолат хабаре нест, ҳайҳот, чӣ
тадбир?*

*Он кист, ки тақрир кунад ҳоли гадоро дар ҳазрати
шоҳе?*³⁸

*Тебе неведома печаль (расстройство) Камола,
Увы, что поделаешь!*

*Кто тот, что доложит о положении нищего
В присутствии шаха?*

* * *

12) *Чӣ суд аз нолаву зорӣ бар ин дар додхоҳонро,
Ки султон ҳоли мискинони бозорӣ намедонад...
Камол аз халқ натвонист пӯшидан назар боре,*³⁹
*Ки ӯ ринд асту чун зуҳҳод таррорӣ намедонад.*⁴⁰
*Что пользы истцам от жалоб и стонов у этой двери,
Ведь султан о положении базарных бедняков
[ничего] не знает...*

*Камол не смог ни на миг скрыть от людей своего взора,
Ведь он ринд и, подобно аскетам, жульничества не
знает.*

*Образцами подобных целостных газелей могут
служить две нижеприведенные:*

* * *

1. *Мо бисоти некномӣ боз тай хоҳем кард,
Хирқаву сачҷода раҳни нуқлу май хоҳем кард.*
2. *Навбаҳор асту ҷавониву замони оишқӣ,
Гар кунун нақм тарки тавба, кай хоҳем кард?*
3. *Гар ба зоҳид мастиву риндӣ намекардем фош,
Баъд аз ин ин корҳо дар пеши вай хоҳем кард.*
4. *Зуҳду тақво сар ба сар в-ин ному ин овозаро
Дар сари овози чангу бонги най хоҳем кард.*

³⁸ Рқп, л. 17-б.

³⁹ Вар.: «Пӯшидан назарбозӣ» и тогда перевод: «не смогу скрыть от людей (своей) игры глаз (кокотничания)»; вар.: мискинон ба озорӣ; «назарбозӣ» – символическое любование отроком.

⁴⁰ Рқп, л. 73-а.

5. *Май чу Лайлӣ гар шавад дар шаҳрҳо душворёфт,
Мо чу Мачнун ҷустуҷӯяш ҳай ба ҳай хоҳем кард.*
6. *Пеши мо пайке, ки орад муждаи иқболи ёр,
Номи он пайки муборак «некпай» хоҳем кард.*
7. *Чун бибинӣ номи мо дар дафтари зоҳид, Камол,
Он варақ гардон, ки мо ин нома тай хоҳем кард.⁴¹*

*Мы снова ковер благонамеренности (похвальной
репутации) свернём,
Рясу и молитвенный коврик ради сластей и вина
заложим,*

*Весна, молодость и время любви настали.
Если не сейчас, то когда же нарушить обеты?
Если [до сих пор] мы не разгласили аскету [наше]
пьянство и вольность,*

*То сейчас уж мы всё это ему покажем (сотворим).
И аскетизм, и набожность, само их название и их
выпячивание наружу [самый слух о них]
Мы за звуки чанга и мелодию флейты отдадим.
[А] если вино, подобно Лайли, будет трудно найти
в городах,
Мы исступленно, как Маджнун, будем искать его.
Вестника, который доставит нам известие о свидании
с любимой,*

*Мы этого славного вестника – «доброходом» назовём.
Если увидишь наше имя в списках аскета, Камол,
Переверни эту страницу, ибо мы этот список свернем.
— V V / — V V / — V V / — ~*

- Моро на гами нангу на андешаи ном аст,
Дар мазҳаби мо мазҳаби номус ҳаром аст.*
2. *Гӯ, халқ бидонед, ки пайваста фалонро
Рух бар рухи ҷононаву лаб бар лаби ҷом аст.*
 3. *Саҷҷоданишин орифи доно на, ки омист,*

⁴¹ Ркп, л. 81-а. Вар. в С–100, л. 79-б и А–54, л. 64-а: порядок байтов в обоих: 1, 4, 3, 2, 5, 6, 7; байт 3 в обоих: риндиву мастӣ; байт 4 в С–100 –он овоза буд; байт 7 в обоих: Чун расад дар дафтари зухход номи мо, Камол.

Модом ки дар банди қабулияти ом аст.
 4. Дар орзуи маҷлиси мо зоҳиди мағрур
 Чун уд ҳамесӯзаду ин турфа, ки хом аст.
 5. Соқӣ, майи дӯшина агар рафт ба итмом,
 Моро зи лаби лаъли ту як ҷуръа тамом аст.
 6-а. Савдозадаро гӯшаи сачҷода насозад,
 6-б. Эй мутриби раҳзан! Раҳи майхона кадом аст?
 7-а. Бархост Камол аз вараъу гӯшанишинӣ,
 7-б. То дид, ки майхона беҳ аз ҳарду мақом аст.⁴²21
 Нам нечего печалиться о сраме и думать о
 похвальной репутации,
 Для нашей веры культ благонамеренности запрещен.
 Скажи: – Знайте, люди, что навечно имярек
 Щекой [прильнул] к щеке любимой, а устами к
 краю чаши.
 Молещик? Нет, он не мудрец, а простофиля,
 Ведь он – в тенетах предрассудков черни.
 В мечтах о сообществе с нами аскет чванливый.
 Сгорит, как [сухое] алоэ, удивительно лишь то,
 что он [ведь сам-то] незрелый,
 Кравчий, если иссякло вчерашнее вино,
 То мне достаточно капли с твоих рубинов-уст.
 Тому, кто охвачен страстью, край молитвенного
 коврика не пригодится.
 О, разбойник-певец! Где путь [ведущий] в кабачок?
 Отпрянул Камол от воздержания и затворничества,
 Ибо увидел, что кабачок лучше их обоих.

Именно эту протестующую сторону и воспринял народ в поэзии Камола, и отсюда сложилась о нем легенда, будто он не осквернил своих стихов употреблением двух слов: «собака» (саг) и «царь» (подшоҳ, шоҳ). От того, что этот факт сам по себе, не отвечает действительности (Камол употребляет эти слова, а слово «собака» даже чаще многих других поэтов),⁴³

⁴² Ркп, 81-а. Варианты в С-100, л. 16-а и А-54, л. 51-б-52-а: Порядок байтов: С-100-1, 2, 3, 4, 5, 6-а, 7-б; 7-а. 6-б; байт – 5 в С-100 и А-54 – Як ишва тамом аст; байт 7-б в А-54 – Чун дид...

⁴³ 1. Сагро ба ситам шикор бурдем;

познавательное значение этой легенды не уменьшается. В ней выражена глубокая симпатия народа поэту за то, что он не посвящал своих стихов царям, а выражал в них живые чувства живых людей, за то, что не писал он панегирических касыд, а писал проникновенные газели.

Главное содержание газелей Камола – это человеческая любовь, а сила его как поэта состоит в мастерском тончайшем отображении самых разнообразных, оттенков любви.

*Дилам талабгори ёр асту бас,
Аз дил ҳаминам ба кор асту бас.
Сердце моё стремится к любимой, и всё тут,
Такое лишь сердце мне нужно, и всё тут.*

* * *

*Дорам ман аз ҷаҳон гами ёре, ҳамину бас,
Дар сар ҳаёли рӯи нигоре, ҳамину бас.
У меня в жизни лишь тоска по любимой, и всё,
А в голове мечта лишь об облике милой, и всё, –
решиительно заявляет поэт о своем символе веры.*

Порою кажется, что поэт не слагает стихов, а они словно сами собой изливаются из глубины любящей и страдающей души, откликаясь на тот или иной каприз его любимой.

Дилбари нозукдили ман ҳар замон ранҷад зи ман.

– Моя нежная красавица всё время обижается на меня, с затаенной тревогой восклицает он. Или в другой газели, преодолевая все тернии капризной любви, он словно самому себе вслух говорит:

*Гар ба ман ёр шавӣ в-ар нашавӣ,
Ту ҳамон ёриву дигар нашавӣ.*

2. Хандид ёру гуфт, ки саг устухон гирифт;

3. Саги кӯяш ба ман дар банди ёрист;

4. Чун гадо аз сагон гурехтаам;

5. Рамид аз мо – сагони кӯ чу оху;

6. Камол аз саги кӯяш (омӯз) афгон;

7. Пеши сагони кӯят ин устухон надидам;

8. Эй ман саги ту, афв кун ин худписандиям;

9. Натъи Камол хуштар аз фарши подшоҳон,

10. Шахи лашкаркаши мо бурд аз мо аклу хушу дин;

11. Подшоҳиву фароғ аз мани мискин дорӣ.

*Будеши ли любить меня или не будеши,
Ты одна моя любимая, и иной не будеши.*

Какая невероятная гамма чувств заключена в нескольких десятках газелей Камола, из которых ни одна не похожа на другую и не повторяет другую. Здесь и восторг обожания, и радость ответной любви, и тоска, и ревность, и тихая боль, и неистовство отверженного, отчаяние, надежда, самозабвение, безумие, и снова мечты и страсть, и шепот и мольбы, и слова любовного признания.

Классическим стихотворением Камола считается газель, начинающаяся словами: «Ёр гуфт: Аз гайри мо пӯшон назар», будто бы посвященная Хафизу и вызвавшая у последнего слезы восторга. Приводим один из нескольких ее вариантов (отличающихся, впрочем, лишь немногим один от другого):

* * *

1. *Ёр гуфт: Аз гайри мо пӯшон назар. – Гуфтам:*
Ба чаим
В-он гаҳе дуздида дар мо менигар. – Гуфтам:
Ба чаим
2. *Гуфт: Агар ёбӣ нишони пойи мо бар хоки роҳ,*
Барфишон он ҷо ба доманҳо гуҳар. – Гуфтам:
Ба чаим.
3. *Гуфт: Агар сар дар биёбони гамам хоҳӣ ниҳод,*
Ташинагонро муждае аз мо бубар. – Гуфтам:
Ба чаим.
4. *Гуфт: Агар гардад лабат хушк аз дами сӯзони оҳ.*
Боз месозаи ба оби дида тар. – Гуфтам:
Ба чаим.
5. *Гуфт: Агар бар остонам об хоҳӣ зад ба ашк,*
Ҳам ба мижгонат бирӯб он хоки дар. – Гуфтам:
Ба чаим.
6. *Гуфт: Агар гардӣ шабе аз рӯи чун моҳам ҷудо,*
То саҳаргоҳон ситора мешумар! – Гуфтам:
Ба чаим.

7. *Гуфт: Агар дорӣ хаёли дурри васли мо, Камол,
Қаъри ин даръё бипаймо сарбасар! – Гуфтам:*
Ба чашим.⁴⁴

*Сказала милая: Ото [всех], кроме меня, отвори
взор. Сказал: – Повинуюсь.
– А на меня ты лишь украдкою взгляни. – Сказал:
– Повинуюсь.*

*Сказала: – Если обнаружишь в дорожной пыли след
моих ног,
Осыпь его полной мерой [подолом] перлами. –
Сказал: – Повинуюсь*

*Сказала: – Если и ты держишь путь в пустыню
тоски по мне,
Томящимся от жажды [в ней] весть передай обо мне.
– Сказал: – Повинуюсь.*

*Сказала: – А если уста твои засохнут от палящего
дыхания вздохов,
Ты вновь их омочи слезами глаз: – Сказал:
– Повинуюсь.*

*Сказала: – Если мой порог ты зальёшь слезами,
То пыль порога (двери) подмети ресницами своими.
– Сказал: – Повинуюсь.*

*Сказала: – Если ночью разлучишься с моим
лунным лицом,
То до рассвета считай звёзды! – Сказал: – Повинуюсь.*

*Сказала: – Если мечтаешь о жемчуге свидания
со мной, Камол,
То глубь морскую всю от края до края измерь.
– Сказал: – Повинуюсь.*

Однако, образцом подлинно народной по своей ясности, глубине и силе чувства, искренности и бесхитростности может служить другая замечательная газель:

* * *

⁴⁴ Ркп, л. 187-а. Порядок байтов такой, как в А-54, л. 158-а, в С-100 эта газель отсутствует; байт 5 в А-54 – зи ашк; байт 4 в Ркп – отсутствует, байт 4 (у Айни: Намунаи адабиёти тоҷик): Боз месозаш чу шамъ аз гирия тар...».

Ҳаргиз суйи мо чашми ризоӣ накушодӣ,
 Гӯше ба ҳадиси мани бедил наниҳодӣ.
 Эй дурри гаронмоя, ки мисли ту кам афтод,
 Як рӯз ба дасти мани муфлис нафитодӣ.
 Дар дидаи ман ҷумла хаёланд, ту нақшӣ,
 Дар хотири ман ҷумла фаромӯш, ту ёдӣ!
 Бо он ки ба ҷуз меҳнату гам аз ту надидам,
 Шодам, ки ба ранҷи мани меҳнатзада шодӣ.
 Аз коми дили ман наравад, гар биравад ҷон,
 Ширинии он бўса, ки гуфтиву надодӣ...
 Никога ты не обращала на меня ласкового взора,
 Слухом не приникала к моему – безумца – рассказу,
 О, перл драгоценный, подобного которому не сыскать,
 И дня не бывало, чтобъв я, нищий, тебя отыскал.
 В моих глазах всё – мираж, лишь ты [одна] – [моё]
 виденье!
 Все забыто мною, лишь ты [одна] – – [моё]
 воспоминанье!
 И, хотя кроме страдания и горя я ничего не
 видел от тебя,
 Я рад уже тому, что радуешься ты, огорчая меня,
 страдальца.
 Из сердца моего не уйдет. хотя б покинула меня душа,
 Сладость того поцелуя, что ты мне обещала... и не дала.

Таково содержание газелей Камола, и именно в
 эиоти проявляется их народность, чуждая придворной
 напыщенности и мистическому ханжеству.

* * *

Кас бўйи риё нашинид аз хирқаи мо – риндон,
 Чун дур ба сад фарсанг аз зоҳиди мағрурем.
 Никто не заметил (не услышал) лицемерия в
 нашем рубище риндов,

Ибо вдали за сто фарсангов мы от кичливых аскетов, –
 говорит об искренности своих стихов Камол.⁴⁵

⁴⁵ С. Айни еще в 1926 г. писал в своей книге «Намунаи адабиёти тоҷик», стр. 80:
 یکی از خصوصیات کمالات آن است که هیچ چار بابدولر آمدن گفتنیهاست

Примечательны также художественные особенности газелей Камола. Прежде всего, их лаконизм. Спецификой их является наличие всего семи двустий (байтов), как об этом пишет он сам: «Маро хаст аксар газал хафт байт». Бывают и более короткие – в 6, 5, 4 байта. Часть газелей в шесть байтов представляет, вероятно, варианты, где опущен один байт (так, например, приведенная газель «Гуфт ёр» встречается в вариантах в 6 и 7 байтов). Однако большинство их и первоначально составляли – 5-6 байтов, как в одном случае об этом пишет сам Камол. В газели «Ман он бехтар, ки бошам ринду омӣ»:

* * *

*Камол, ин панҷ байт он «Панҷ ганҷ» аст,
Ки монда ёдгорӣ аз Низомӣ.
Камол, эти пять байтов – это пять сокровищ,
Которые остались на память о Низами.
Из 189 учтённых нами газелей –*

<i>газелей в</i>	<i>7 байтов</i>	<i>– 102</i>
«	6	« – 58
«	5	« – 16
«	8	« – 4
«	9	« – 4
«	4	« – 3
«	10	« – 1
«	11	« – 1

Чрезвычайно разнообразны метрические размеры газелей Камола. Взяв на выборку десяток газелей с окончанием на букву «д», мы обнаруживаем лишь в двух случаях, что повторяется один и тот же размер. Во всех других случаях каждая газель написана либо особым размером или вариантом какого-либо общего размера.⁴⁶30 Это можно

(Одна из особенностей Камола та, что он никогда не писал восхвалений кому-либо из властителей).

⁴⁶ Привожу список взятых на выборку 10 газелей и их размеры:

* * *

1. Пайваста абрӯят дили ин нотавон кашид.

* * *

обнаружить также при рассмотрении всего многообразия размеров приведенных выше отрывков.

Об особенностях метров Камола приводятся интересные наблюдения в книге Пэрвиза Натела Ханлери о метрике газелей.⁴⁷ Ханлери, опираясь на исследование рукописного дивана Камола, включающего 522 газели, определяет процентное соотношение большинства метров его газелей следующим образом (нумерация метров принадлежит Ханлери).

№1. Хазаџи мусаддаси ахраби маџбузи маџзуф

2. *Бар азизон гамзаишӯхитухорӣ мекунад.*

* * *

3. *Чаишаи раҳиақдусабру ҷонзад.*

* * *

4. *Бод гулрез шуду бар сари гул ҷола чакид.*

* * *

5. *Аҳли дил зулфи дарозат риштаи ҷон ғуфтаанд.*

* * *

6. *Бо орази ту зулф дам аз нақиш Чинзанад.*

* * *

7. *Боз гул доман ба дасти ошиқониҳудниҳод.*

* * *

8. *Аз бод сари зулфат як рӯзпарешонишуд.*

* * *

9. *Маро дилест, ки аз ёр ёр металабад.*

* * *

10. *Мар ёди ту уишиқ дилишоднаёбанд.*

Приводим названия размеров:

1. *Музореи мусаммани ахраби макфуфи мақсур.*

2. *Рамали мусаммаи маҳзуф.*

3. *Ҳазаџимусаддаси ахраби маџбузи маҳзуф.*

4. *Рамали мусаммани махбуни мақсур.*

5. *Рамали мусаммани мақсур.*

6. *Музореи мусаммани ахраби макфуфи маҳзуф.*

7. *Рамали мусаммани мақсур.*

8. *Ҳазаџимусамманиахраб.*

9. *Муҷтаси мусаммани махбуни маҳзуф.*

10. *Ҳазаџи мусаммани макфуфи мақсур.*

⁴⁷ Ханлери.

تحقیقاتی در عروض فارسی و چگونگی تحول و انغزل (پرویز ناتلخانلری)

Тегеран, 1327(1949), стр. 102 и сл.

-- V V / - V - V / --	3,25%
№2. Рамали мусаддаси махзуф	
- V -- / - V -- / - V -	4,02%
№3. Ҳазачи мусаддаси махзуф	
V -- -- / V -- -- / V --	7,27%
№4. Хафифи махбуни махзуф	
- V -- / V - V - / V V -	8,09%
№9. Музореи мусаммани ахраби макфуфи махзуф	
-- V / - V - V / V -- V / - V -	9,38%
№10. Рамали мусаммани махзуф	
- V -- / - V -- / - V -- / - V -	12,64%
№11. Мучтасси мусаммани махбуни махзуф	
V - V - / V V -- / V - V - / V V -	9,38%
№12. Рамали мусаммани махбуни махзуф	
- V -- / V V -- / V V -- / V V -	16,66%

Всего: 70,69%

Остальные 29,31% метров – это либо один из десяти других наиболее употребительных в газелях метров, либо какие-либо редкие метры. Из своего анализа Ханлери делает, однако, выводы, с которыми едва ли можно согласиться. Дело в том, что правильно называя поэта, слагавшего газели выразителем настроений и общественного мнения своей эпохи в доступной для широких слоев форме,⁴⁸ Ханлери, однако, уж слишком непосредственно связывает содержание газелей с метрами. Исходя из этого, Ханлери интересуется не столько индивидуальный почерк Камола, сколько среднее арифметическое метров, употреблявшихся поэтами 2-ой половины XIV века. Выведя это среднее и установив, что употреблялись преимущественно метры протяжённые (по списку Ханлери за №№10 и 12), якобы особенно пригодные для выражений скорбных настроений, сильного чувства, грусти, – Ханлери объясняет это тяготами монгольского ига. Вся искусственность этой гипотезы, – что чувствует, видимо, и сам автор её, судя по вопросам, которые он задаёт

⁴⁸ Ханлери. Указ. соч., стр. 201.

сам себе от имени читателя и которые тут же пытается – довольно произвольно – разрешать, – однако не снимает правильности самого подсчёта метров газелей, в данном случае – Камола. Вывод, однако, можно сделать совершенно иной. Камол, как мы видели, чрезвычайно разнообразил свои метры, не любил повторяться, употреблял некоторые сложные метры, требующие большой виртуозности, овладения всеми тонкостями поэтической техники. Однако большинство его газелей были сложены простыми ясными и наиболее популярными в народе мелодичными метрами. Именно к таким относятся разновидности метра «рамал», составляющие более 50 % всех метров Камола, и метры (по нумерации Ханлери) 3, 4, 9, 10, 11, 12, составляющие в совокупности с рамалом более 2/3 всех его метров. В своём большинстве эти метры основаны на силлабической народной песне. Недаром Джоми, не занимавшийся арифметическими подсчётами, очень метко и точно определил метрику Камола как простую, ясную, отметив вместе с тем сложность, мы бы сказали, богатство, его рифмы.

Действительно, богата рифма в газелях Камола. Кроме ярких и сильных редифов (рефренов), предредифная рифма включает, как правило, две-три буквы и более.

Вот характерный отрывок для образца:

Гуфтй: Кий ту? – Ман бандаи ту.

Бе чурм аз чаим афкандаи ту.

Гоҳе аз ин дар, гоҳе аз он дар,

Боре зи ҳар дар ҷӯяндаи ту.

Дар ҷустуҷӯят з-онам, ки бошад

Ҷӯяндаи ту ёбандаи ту.

Гуфто: Камолат баҳри чӣ гӯянд?

З-он рӯ, ки бошам ман бандаи ту.⁴⁹

Приведем ещё несколько примеров рифмовки в стихах Камола:

Эй дил, ин бечорагиву мустамандӣ то ба кай,

Чун надорӣ рӯйи дармон, дардмандӣ то ба кай?

⁴⁹ Ркп. л. 254-а, 254-б.

Далее рифмуется: давандй-худписандй-сарбаландй-чашмбандй.

*Гар коми худ аз лабат бигирам,
Чун Хизр ба солҳо намирам.*

* * *

*Маро дилест, ки аз ёр ёр металабад,
Ба сӯзи синаи афгор ёр металабад.*

* * *

*Печидан гирифт-ларзидан гирифт-галтидан гирифт.
Ғамат дорам, маро шодӣ ҳамин аст.*

Далее:

Озодӣ ҳамин аст-ободӣ ҳамин аст-устодӣ ҳамин аст.

Отмечают обычно виртуозность камоловского стиха. Действительно, Камол любит игру слов, ассонансы, двусмысленности. Один образец привел С. Айни в «Намунаи адабиёти тоҷик»⁵⁰:

گفتم دواى درد دلمراخى نويس!
گفتا: دوا تچون بنويسم «دوات» نيست

Вот ещё несколько примеров:

*Дил надорад бе лаби лаълат намак,
Бенамак завқе намеёбад кабоб.*

* * *

Ба холат нисбати мушки Хито кардан – хато кардан.

* * *

Рӯзе, ки дар вафо-т бимирам, вафот нест...

* * *

*Гарчи буд аввал гадои шаҳри ёр, акнун Камол
Чун ба он маҳ кард ёрӣ, шаҳриёри мекунад.*

Но не в виртуозности сила его изобразительных средств. Их сила опять-таки в народности, в том, что Камол отбирает и шлифует те элементы народного стиха, которые придают его образам особую пластичность, особую выразительность, душевность и наивную прелесть.

Он любит упоминать, как бы невзначай и с оттенком изумления о том, что он ходжентец, что в его родном

⁵⁰ См.: С. Айни. Указ. соч., стр. 78.

Ходжете вырос такой поэт, который может состязаться с прославленными поэтами Ширази.

*Дар лутфи табъи Саъдии Шерозӣ аз Камол
Бовар намекунамд, ки гӯӣ хуҷандиям.
При одаренности (такой как у) Саади Ширазского,
Камолу не поверят, если скажешь, что я ходженец.*

* * *

*Гар бичӯянд, ба сад қарн наёбанд, Камол,
Булбуле чун ту хушалхон ба чаманҳои Хуҷанд.*

* * *

*Если поискать, то и в течение ста веков, Камол,
Не найдут такого сладкоголосого соловья в цветниках
Ходжента.*

Он придает своему стиху интимное звучание тем, что включает в него популярные пословицы, иногда несколько переделывая их:

Камол, гуфт: «Ту ангур хӯр, мапурс аз бог»!

* * *

«Ҷоми нозук чу шикастанд, нагирад пайванд».

* * *

Мардумон гӯянд: «Некӯӣ куну афкан дар об».

* * *

*Ё дӯст гузин, Камол, ё чон:
«Як хона ду меҳмон нагунҷад».*

Таковую же роль играют и «простонародные» выражения, нарочитые «прозаизмы».

Дӯсттар дорам зи хубонаш, ҳама донед-ку.

* * *

Маломатам чӣ кунӣ? К-аз азал нигоштаанд.

* * *

Ба номи аҳли назар нақши рӯйи зеборо.

Риторическим вопросом, восклицанием, введением диалога Камол умеет придавать своим стихам своеобразную разговорную интонацию. Неожиданным ответом он приковывает внимание читателя и делает свой стих исключительно впечатляющим.

*Дорї лабу даҳоне ширин, вале чї ширин!
Ба рух хатеву холе мушкин, вале чї мушкин!
Горатгарест зулфат, золим, вале чї золим!
Пешат Камоли бедил мискин, вале чї мискин!*

* * *

*Чониби мо хуб меояд. Кї меояд? Ҳабиб.
Дар пайи ӯ зишт меояд. Кї меояд? Рақиб.*

* * *

*Гуфтам: Эй симзақан! Гуфт: Киро мегӯй?
Гуфтам: Эй аҳдишкан! Гуфт: Чиҳо мегӯй?
Гуфтам: Эй он ки надорї сари як мӯй вафо.
Гуфт: Маълум шуд акнун, ки маро мегӯй.*

* * *

*Он чї сарвест, чї хушрафторест!?
Он чї тӯтї, чї шакаргуфторест!?
Он чї шӯхеву, чї шахрошӯбест!?
Он чї хуш ёреву хуш айёрест!?*

Отсюда такие шедевры, как газель о ветреной красавице, передающая, помимо всего прочего, тонику народной песни:

— / V — / — / V —

- 1. Ошӯби чонї, шӯхи чаҳонї,
Безътиқодї, номехрубонї!*
- 2. Гоҳам навозї, гоҳам гудозї,
Гоҳе чунинї, гоҳе чунонї!*
- 3. Аз ту сабурї кардан, нигоро,
Натвон, валекин ту метавонї.*
- 4. 3-ин сон, ки дорї аз хеш дурам,
Гар мирам аз гам, ҳолам надонї.*
- 5. Гуфтам: — Нисорат созам дури ашк:
Гуфто: — Чї гӯям? Дур мечаконї?*
- 6. — Гар аз Камол, эй мӯнис, малулї,
Рафтам зи пешат, бурдам фигоне.*

*Смятение души — ты, насмешница вселенной, — ты,
Неверная, безжалостная — ты!
То меня ласкаешь, то меня сжигаешь (расплавляешь),
То ты такая, а то — иная!*

*Вытерпеть всё от тебя, о кумир,
Нельзя, но ты умеешь.
Из-за того, что ты гонишь меня от себя,
Ты и не узнаешь, когда умру я с тоски.
Я сказал [ей]: – Я рассыплю перед тобой в дар
жемчуг [моих] слез,
Она сказала: – Что ж, покапаешь жемчугом!
– Если, друг мой, ты огорчаешься из-за Камола,
То я уйду от тебя и унесу [с собою свою] печаль.*

Дух этой газели удалось передать в поэтическом переводе
А. Адалис:

*О беспокойство, снова и снова,
Дерзкая шутка мира земного.
Где твоя жалость, ветреный идол?
Кто ты – не может выразить слово.
Камень не мог бы вытерпеть столько,
Нет, не знавал я в жизни такого...
Боль причиняешь, вновь покидаешь,
К выходкам резвым вечно готова.
Если умру я в горькой разлуке,
Ты и не вспомнишь смеха бывшего...
Слёз моих жемчуг топчешь ногами,
– Что ж, – отвечаешь, – в этом дурного?
– О, не печалься из-за Камола:
Быть одиноким – вовсе не ново!*

И потому, что Камол, как никто из его предшественников и современников, сумел отобразить в своих стихах дух, стиль и метрику народной лирики, его газели так популярны в таджикском народе, настолько, что они буквально стали анонимной, народной песней, в которую народом вносятся свои вариации. Такова, например, его газель.

* * *

*Лаъли ҷонбахшат зи ҷон нозуктар аст
Қаддат аз сарви равон нозуктар аст...
Барги гул чандон ки дорад нозукӣ,
Хотири булбул аз он нозуктар аст.*

*Гарчи нозук нуктае гуфтӣ, Камол,
3-ин ҳикоят он даҳон нозуктар аст.
Животворный твой рубин [твой уста] – [самой]
души нежнее,*

Твой стан – кипариса стройного нежнее...

Сколь не нежен лепесток розы,

Чувство соловья и того нежнее.

Хоть ты и нежную, мысль (остроту) высказал,

Камол,

Ее уста (рот) и слов твоих нежнее.

На Памире её поют так, как рубои:

Ёри ман аз ҷони ман ширинтар аст.

Қадди ӯ аз барги гул нозуктар аст

Барги гул ҳарчанд дорад нозукӣ,

*Хотири ёрам аз он нозуктар аст.*⁵¹ 35

Моя любимая – души моей слаще,

Стан ее – лепестка розы нежнее,

Сколь ни нежен лепесток розы,

Душа любимой и того нежнее.

Несколько слов о суфизме Камола Худжанди.

В том, что он был по своим убеждениям суфием, можно не сомневаться, но в его стихах, посвященных живой человеческой любви, суфизм присутствует преимущественно в иносказательном комментарии подтекста, в переосмыслении его полнокровных, земных образов. Не повторяя того, что было сказано в другом месте о наличии оппозиционных, антифеодалных моментов в творчестве иных суфийских поэтов,⁵² отметим здесь более существенное для оценки Камола.

Когда воспринимаешь его стихи такими, какие они есть, т.е. без суфийских комментариев и без переосмысления, а именно так, как в них воплощены народные мотивы любви, то никакого суфизма и ничего потустороннего в них и нельзя

⁵¹ Namuna hoji folklori toci... 1938, стр. 262. Впервые на это обратил внимание Ш. Хусейн-заде.

⁵² См. выше стр. 63 и сл.

ощутить.

Хотел ли поэт выразительней использовать те формы и образы, которые были близки народу, лишь для большей доходчивости его скрытого смысла, либо, прибегая к этим образам, выражая то, что он реально чувствовал и переживал, он был настолько охвачен нахлынувшим на него потоком страстей и сердечной тоски, что «забывал» о своей «миссии» суфийского проповедника, – так или иначе, но непредубежденный читатель найдет в его газелях выражение огромного человеческого чувства, ощутит в отдельных строках пульсирующую кровь израненного сердца поэта, но даже и не догадается о суфийском смысле его намёков и умолчаний.

Когда мы говорим о народных элементах в творчестве Камола, речь идет об их прямом смысле и восприятии, а не об иносказательном. Народ любил живой любовью, и о ней он пел в своих песнях, служивших источником вдохновения для поэта, а вовсе не занимался суфийской проповедью.

О том, что именно так воспринимались стихи Камола таджикским народом, и в этом смысле его стихи могли вторгаться в жизнь, в современность, может быть, лучше всего свидетельствует восприятие газелей Камола родоначальником таджикской советской литературы Садриддином Айни.

Повторю то, что мною уже было высказано один раз в очерке об Айни.⁵³

Музыка, как и поэзия не была для Айни – тихой пристанью, предметом «кейфа», блаженного безделья. Подобно тому, как в юнкерской Германии накануне революции передовая мысль, по выражению К. Маркса, уходила не в политику и экономическую науку (как это было во Франции и в Англии), а в философию, так и в среде таджикского народа, в условиях феодализма, ищущая мятежная мысль находила себе убежище преимущественно в поэзии и в музыке. Светский характер лучших поэтических произведений на родном, таджикском языке как бы

⁵³ Труды Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР, т. XXIV, Сталинабад, 1954, стр. 30-31.

противостоял правоверной религиозной арабщине, мотивы любви и человеческих, страстей – жестким канонам страха божьего. В поэзии и музыке сохранились и связи с народным творчеством, с народным духом, совершенно выветрившиеся из богословской литературы и панегирического виршикропательства.

Вот почему любовные строки газелей, часто кажущиеся нам сейчас обычными, воспринимались здесь тогда по-особому. Они зачастую казались намёком, направленным против установленных норм «благонамеренности», неким призывом к уходу из застоявшегося уклада, а порой даже мятежным кличем, по которому узнавали друг друга все те, кто не примирился с окружающей темнотой, кто стремился к чему-то новому, иному, светлому.

Очень хорошо передает эти настроения С. Айни в своём очерке «Выдающийся мастер». В очерке он рассказывает, как впервые в 1900 г. встретился с прославленным дутористом и певцом Ходжи Абдулазизом из Самарканда. На пиру у местного богатея, куда был приглашен Ходжи Абдулазиз, С. Айни не удалось послушать певца: богач не захотел, чтобы Ходжи Абдулазиз играл в присутствии «всякого сброда». Лишь когда разошлись все «бедные родственники» и несостоятельные гости (в числе их и С. Айни), бай разрешил музыканту играть. Тем радостнее было С. Айни услышать музыканта на скромной вечеринке студентов мадрасы, где Ходжи Абдулазиз играл не ради денег, а «ради искусства». Он пел стихи Камола Худжанди.

И навсегда запомнились С. Айни слова песни:

*Пусть грозит мечом враг и пусть укоряет друг,
Отрешишься от тебя, от страсти к тебе, – решительно
нельзя!*⁵⁴

Да, будь, что будет, но он не порвет с теми новыми, пусть еще смутными мечтами о лучшем, о светлом, которые

⁵⁴ Гар тег кашад душману в-ар таъна занад дӯст,
Катъ аз тую савдои ту катъо натавон кард.
(Ср. «Ёддоштҳо», ч. IV, стр. 66 исл.)

обуревали его. Эти слова врезались в его сознание, как присяга на верность ещё неопределившемуся, но уже волновавшему его идеалу.

Спустя 17 лет, в июне 1917 г., С. Айни в Самарканде вновь встретился с певцом. Это было после страшного избиения С. Айни в бухарской тюрьме за антиэмирскую деятельность, за верность идеалу свободы. В Самарканде, спасаясь от преследования агентов эмира, он залечивал тяжелые раны. Ещё больной, с обескровленным лицом, шатаясь, добрался он до дома, где должен был выступать Ходжи Абдулазиз: так велика была жажда услышать его пение. Старый музыкант встретил его молча. Он бросил на него, больного и израненного, взгляд, полный любви и сочувствия, и запел из той же газели Камола Худжанди:

*Твое лицо увидеть таким глазом [в таком виде] нельзя,
В груди моей, кроме жажды свидания с тобой, другого
желания найти нельзя...*⁵⁵

И потом

*«Пусть грозит мечом враг и пусть укоряет друг,
Отрешишься от тебя, от страсти к тебе, – решительно
нельзя».*

Они поняли друг друга...

Тогда же после этой встречи, взволнованный и потрясенный, написал Айни свое признание музыке:

*Я страстно люблю музыку.*⁵⁶

Очень важно, чтобы советская молодежь поняла особое, протестующее, бунтарское восприятие искусства в тогдашних условиях, когда один только намёк приравнялся к государственному преступлению.

Еще убедительнее и ярче говорит о силе и неувядаемости стихов Камола Худжанди другой факт из последних лет жизни С. Айни.

Когда 27-го апреля 1953 г. отмечался юбилей С. Айни,

⁵⁵ *Рӯят ба чунин дида тамошо натавон кард.*

Чуз васли ту дар сина таманно натавон кард.

⁵⁶ См. его очерк в журнале «Baroji adabyoti sotsialistj», №2, 1936.

он был прикован к постели и не мог присутствовать в помещении театра, где происходило его чествование. В комнате, где он лежал, был установлен репродуктор и слова его ответа на приветствия были переданы в зал театра по радио. Своё выступление, опубликованное позже в печати, С. Айни назвал: «Я безгранично признателен партии и правительству». Основным его содержанием было признание того, что Коммунистическая партия сделала его писателем для народа, что он до последнего вздоха будет верен идеям партии. Когда эти, идущие от глубины сердца слова, эту присягу на верность коммунизму и Коммунистической партии старого мастера, чувствовавшего, что он живет последние дни, С. Айни хотел выразить так, как ему подсказывало его взволнованное сердце, он обратился к кристальной чистоте камоловской газели:

То ҳаст ба чонам рамақе, кори ман ин аст.

Пока есть в душе моей хотя бы последний вздох,

таким я буду!

Как прекрасно и современно звучат эти слова, написанные великим лириком более 500 лет тому назад.

ЛИРИК КАМОЛ ХУДЖАНДИ И ЕГО ДРУГ, ПОЗДНЕЕ «ЛИЧНЫЙ ВРАГ» МИСТИК МАГРИБИ⁵⁷

Несколько позднее в том же Тебризе работали поэт «праведник» Камолиддин Масуд Худжанди (Шейх Камол) *, умер, очевидно, в 1400-401 годах, и его друг Мухаммад Ширин Магриби (умер в 1406-407 гг.), небольшой диван которого проникнут пантеизмом в духе Мухйиддина ибн ал-Араби. Он содержит идею «единства бытия» (вахдат-и вуджуд) в качестве единственной, хотя и множество раз варьируемой темы. Лирика Камола, согласно Джами, свидетельствует о таком влиянии Хасана Дихлави (умер в 1327 г.), что некоторые обвиняют Камола, разумеется несправедливо, в плагиате. А. А. Хикмат указывает, что большая часть его газелей выдает тщательное изучение Саади; Суди утверждает, что не в пример Хафизу его трудно понимать. Это, однако, противоречит фигуре сахл-и мумтани («необычайной простоте») – черте, обычно приписываемой поэзии Камола. Тонкий лирик Камол любит легкие и плавные размеры, но использует сложные рифмы и редифы, всему предпочитая гиперболу, столь гармонирующую с взволнованностью содержания. Он оказал большое влияние на весь XV век.

К его школе принадлежат не только Мухаммад Ширин Магриби, сначала друг, а позднее его враг, но и Бисоти Самарканди, Хилоли и многие другие, а также узбекские поэты Атои, Лутфи и др., писавшие в первую половину XV века и следовавшие художественно-стилистическим особенностям

⁵⁷ Рипка, Я. История новоперсидской литературы (от возникновения до начала XX века) // История персидской и таджикской литературы / Под ред. Яна Рипка / Перевод с чешс. Н. А. Кондрашова и П. А. Клейнер / Редактор и автор предис. И. С. Брагинский. – Москва: «Прогресс», 1970. – С. 253-254.

мастерства Камола. Сам Камол Худжанди учится у великих поэтов прошлого и современника Хафиза. Особенно его влечет Моулави. И. Брагинский считает Камола значительным лириком, протестовавшим, подобно Хафизу и Насиру из Бухары, против светских властей и духовенства, — явление весьма странное у человека в его положении (шейх-ул-ислам), но все-таки понятное, ибо, именно будучи им, поэт мог глубже представить нравы, господствовавшие в духовных кругах. Вольнолюбием и в немалой степени народностью поэзии Камола можно объяснить ее необычайную популярность среди таджиков. Газель Камола, состоящая обычно из 7 (часто 6, реже 5) стихов, как указывает И. Брагинский, близка народной песне, а количественная структура его стиха часто создает впечатление простонародного слогового построения. Его тематика всегда связана с ишк (любовь), под которой, по мнению того же советского ученого, скрывается тоска по личной свободе и жажда жизни. В мастерском изображении всех нюансов любви заключается сила Камола как поэта. Согласно тазкире, Хафиз и Камол так тепло относились друг к другу, что часто обменивались только что написанными газелями. Однако отличие Камола в том, что он не восхвалял сильных мира сего. Он является первым из современных Хафизу поэтов, о которых тот упоминает.

ПОЭЗИЯ И ЕЕ ФОРМЫ

1. Лирические виды⁵⁸

...б) Та же схема рифмовки, но с числом двустиший от пяти до пятнадцати (Камол Худжанди, Джами, Убайд Закани, Шах Ниматаллах, Шах Касим-ул-Анвар и Катиби выступают обычно с семью двустишиями — любопытное сходство с сонетом!) образует газель, основную и самую прелестную форму лирики, в особенности любовной и мистической, но также рефлексивной и даже панегирической (Хафиз).

2. Поэтические стили в трактовке

М. Бахара, С. Нафиси

Поэзия усложняется арабской научной терминологией, затрудненными тропами, гиперболизацией. Поэты экспериментируют, но поэзия от этого скорее проигрывает. Мухаммад Бахар подчеркивает, что усложнение поэзии — знамение времени, а не влияние центра, ибо современные хорасанские поэты Имами из Герата, Камол из Ходжента, Шамс из Табаса, Сайф из Исфары, Низари и др. не отличаются от своих сверстников в Ираке, Фарсе и Азербайджане, подобно тому как прежде Газаيري из Рея, Катран из Тебриза и Мансур Мантики из Дамгана не отличались от Унсури и Фаррухи, хотя некоторые и отдают предпочтение Манучихри из Дамгана перед хорасанцами или Газаيري перед Унсури. Это направление сохраняется до разрушительного монгольского нашествия на Хорасан. Оставшиеся в живых ученые и литераторы бежали в Исфахан, Шираз, Багдад и другие области, материальный уровень и духовная культура которых не пострадали от монгольского вторжения. После

⁵⁸ Рипка, Я. История новоперсидской литературы (от возникновения до начала XX века) // История персидской и таджикской литературы / Под ред. Яна Рипка / Перевод с чешс. Н. А. Кондрашова и П. А. Клейнер / Редактор и автор предис. И. С. Брагинский. – Москва: «Прогресс», 1970. – С. 105; 119; 264-265.

падения Багдада арабское влияние ослабевает, областные властители, персы или тюрки, способствуют развитию уже персидского языка и литературы. Поэзия, переселившись на запад с развалин Хорасана, обрела новое выражение в «иракском стиле». Но необходимо понять, что отличие от хорасанского стиля обусловлено не местом, не вкусом, а только временем. Это — известная литературная техника, которую перенимает Ирак, не затронутый монголами, от опустошенного Хорасана, чтобы возродить и далее развивать персидский стих и прозу. От монгольского вторжения отсчитывают новый литературный период.

3. Окружение в Ширазе. Сатирики: Убайд-и Закани. Бусхак (позднейший), Кари. Последователи Хафиза в Средней Азии: Насир, Исмат

Хафиз начинал творить не на пустом месте: его родной Шираз переживал политические бури, однако там не произошло ничего, что бы серьезно нарушило многостороннюю культурную жизнь с давними традициями. Монгольское нашествие этой области почти не коснулось. В Ширазе работают старое и молодое поколения известных ученых, литераторов и поэтов, и, естественно, Хафиз был связан с ними более или менее сердечными отношениями. Не только Рукнабад и Мусалла, но и эта дружба – источник любви поэта к родине. Почитатели у него, очевидно, были повсюду, где знали персидский язык. Он уважал современных поэтов, не говоря уже о старых мастерах, как Саади; об этом, бесспорно, свидетельствуют многочисленные мотивы их творчества, используемые Хафизом в различных риторических комбинациях, и не менее частые истикбалы, «параллели к газели другого поэта».

У него были свои соперники и враги. К ним принадлежал – хотя бы по данным некоторых тазкире – Ходжа Имадиддин Факих из Кирмана (умер в 1371-72 гг.)⁵⁹, настоятель местного

⁵⁹ Это отвергает «Meṡykhāna», 163: враждебно относится к Хафизу не Имад Факих, а шейх Зайниддин Али Галах Шираз» (умер в 1378-79).

монастыря, панегирист Музафарридов, лирик и автор пяти суфийских маснави, из которых следует отметить замечательное «Мухаббатнаме-и сахибдилан» («Книга чистых сердцем о любви») (1132). Он употребляет в газели слог Ходжу, тот же, который любили Хафиз, Салман и Камол. Не удивительно поэтому, что, несмотря на вражду (а в это, учитывая положение Имада – он был пиром и факихом-юристом, – можно поверить), в диване Хафиза много общего с поэзией Имада. Очевидно, они оба черпали из общего источника – Салман, Камол и др...

Иосиф Самуилович БРАГИНСКИЙ

СХЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

II. Период преобладания суфийского мировоззрения⁶⁰1

4. Этап паразитического суфизма – 1375-1600 гг. (Сарбадары, Музаффарида, Джалаирида, Курты, Тимурида). Углубление литературного упадка, снижение содержания, предпочтение словесного оформления содержанию, развитие формалистических элементов (фигур). На западе Ирана прекращается развитие пехлеви и усиливаются различия между разговорным и литературным языками (каковым остается один дари). В большинстве мест функция языка как средства общения постепенно переходит от отверженного пехлеви к распространяемому тюрки (представители этапа: Салман, Камол Худжанди, Хафиз, Али Язди, Хусейн Кашифи, Катиби, Лутфаллах Нишапури, Джами).

* * *

XIV в. – кульминация газели. В сатирическом и лирическом жанрах преобладают идеи протеста, «бунта личности», отражающие в преломленной форме нарастание народного протеста (творчество Ибн Ямина непосредственно связано с народным движением «сарбадаров»). Выдающиеся представители века – Ибн Ямин, Хафиз, Камол Худжанди, Убайд Закани.

⁶⁰ Брагинский, И. С. О проблеме периодизации истории персидской и таджикской литератур [XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР]. – Москва, 1960; Брагинский, И. С. Из истории персидской и таджикской литератур: Избранные работы [Отв. ред. Б. Гафуров]. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 16, 28.

З. В. ПОНОМАРЕВА и З. А. ЧЕРНЫХ

КАМОЛ ХУДЖАНДИ⁶¹

(год рождения неизвестен – умер в 1400 г.)

Камолиддин Масъуд, прозванный по месту своего рождения Камол Худжанди (т. е. Камол Ходжентский), родился в начале XIV века в городе Ходженте (ныне Ленинабад). В этом городе поэт написал свои первые стихи. В молодости он ходил на поклонение в священный город мусульман Мекку, был в плену у золотоордынского хана Тохтамыш, напавшего в 1385 году на Тебриз, где тогда жил поэт. После освобождения из плена провёл остаток жизни в Тебризе, где и умер в 1400 году.

О жизни Камола Худжанди мы знаем мало достоверного. Легенда говорит, что после смерти поэта в его доме нашли только коврик, на котором он спал, и камень, служивший ему подушкой. Но таджикскому народу поэт оставил прекрасное поэтическое наследство. Сборник его стихов (диван) содержит около 6000 строк газелей.

Камол Худжанди был певцом любви и дружбы. Но не следует забывать, что в средние века в стихах о любви часто выражался своеобразный бунт против религиозного аскетизма, против ханжества духовенства. Эти мотивы бунта сильны и у Камола Худжанди. Поэт готов служить своей возлюбленной, но не царям:

*Камол султанам не слуга: им дела нет до бедняков,
Ты ж озаряешь все вокруг и мир – могила без тебя!*

(«Ты – сердцу лекарь и недуг...»)

Камол Худжанди с большим мастерством отобразил в газелях все разнообразные проявления человеческой любви («Глазами ты знак подала...», «Скажите друзьям, что я болен», «От тебя вдалеке...», «Так жестока любимая», «Сумасшедшим я стал от того, что любовь жестока», «Нежная, ты огорчишься», «Лицом зарывшись в пыль...»)

⁶¹ Пономарева З. В., Черных З. А. Таджикская литература: Рекомендательный указатель. – Москва, 1961. – С. 50-51.

и др.). в его стихах мы слышим слова признания, мольбы отверженного, видим счастье взаимной любви, здесь тоска, ревность, надежда. Кажется, будто из глубины страдающей души вырываются слова:

Однако я хочу: погляди на меня, погляди!

Обожги меня взглядом и душу мне разбери.

* * *

Бросишь под ноги голову вместе с душой своей –

Все ей мало, и нечего ждать – пустота впереди...

(«Я хочу»)

На творчестве Камола Худжанди отразились многолетняя дружба с поэтом Хафиза. Темы их газелей одинаковы. Как и Хафиз, Камол зло высмеивает святош, аскетов:

Мы, винопийцы, отреклись от злого отречения снова!

Ханжам урок преподадим без нетерпенья и с уменьем.

(«Тропою мужества, друзья...»)

Камол воспевал в газелях свою родину, город Ходжент («Плодами с давних пор прославился Ходжент» и др.). Будучи на чужбине, Камол писал:

О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына,

Если ты над собой не видал чужеземного неба.

Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины!

Незнакомый язык. Непонятное пение птицы.

Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина!

* * *

Я изгой. Я брожу и мечтаю о родине милой,

О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!

(«Эта шумная улица»)

Поэзия Камола Худжанди очень близка устному народному творчеству, в его стихах часто звучат темы и мотивы народных песен.

Литература:

1. Брагинский И. Очерки из истории таджикской литературы. Ташикгосиздат, 1956, стр. 239-263.
2. Стихотворения. Пер. с. таджик. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1959.–106 с.

Иосиф Самуилович БРАГИНСКИЙ

ПЕРИОД НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПОДЪЕМА (XIII-XV вв.)⁶²

Монгольское завоевание в 1220-1223 гг. задержало развитие культурной и литературной жизни в Средней Азии и на большей части Ирана.

Только в трех княжествах, избежавших страшного опустошения, – румско-сельджукском в Малой Азии, салгуридском в Фарсе со столицей в Ширазе и в Делийском султанате на севере Индии – сохранились очаги культурной жизни фарсиязычного мира. В Ширазе и в Индии нашли убежище литераторы и ученые, бежавшие из других городов перед наступающими отрядами Чингисхана. В этих очагах в 50-х годах XIII в. и начался в области литературы новый подъем, который постепенно привел к восстановлению и дальнейшему развитию всех жанров домонгольской эпохи как светского, так и суфийского характера. Развитие традиций вызвало к жизни труды, обобщающие культурные и литературные традиции прошлого. Так, в дополнение к ранее составленной антологии Ауфи появился им же написанный в 1223 г. в Индии новеллистический сборник «Ожерелья рассказов и блестящие преданий». Около 1231 г. в Ширазе литератор Шамс-и Кайс закончил и наиболее полную поэтику фарсии дари – «Разъяснение о пробных камнях стихов персов».

В резиденциях монгольских правителей Ирана и Средней Азии сложилась в качестве замены панегирической поэзии риторическая проза, примененная в некоторых

⁶² Брагинский, И. С. Соображения о периодизации классической персидско-таджикской литературы (совместно с А. Н. Болдыревым) // Народы Азии и Африки. – 1965. – №2; Брагинский, И. С. Из истории персидской и таджикской литератур: Избранные работы. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 40-42.

историографических сочинениях, посвященных прославлению монгольских завоевателей и их предков, в частности и двух ценнейших исторических источниках – «История Завоевателя мира» Джувайни (1260) и «История» Вассафа (1312).

1) В Иране поэтами, восстановившими традицию светской хвалебной оды (касыды) и лирической газели после монгольского вторжения, были Имамы в Кирмане (ум. в 1277 г.) и Маджди Хамгар (ум. в 1287 г.) в Ширазе. Они ограничились, однако, лишь искусным подражанием мастерам XII в. В дальнейшем касыды писали многие придворные поэты Ирана и Индии, как, например: Хумам Тебризи (ум. в 1314 г.); Амир Хусроу Дохлави (1253-1325) и его продолжатели, поэты индо-персидского круга; Ибн Ямин (1286-1368) и, наконец, наиболее известный среди них, едва ли не последний крупный мастер касыд классического типа – Салман Саваджи (ок. 1300-1375). Позже, с упадком касыды, ее панегирическую функцию во многом принимают на себя газель и четверостишие.

Уже у некоторых домонгольских поэтов XII в., например у Адиба Сабира, а затем в творчестве Саади и Хафиза касыда как средство восхваления полностью уступает место панегирической газели.

На рубеже XIII-XIV вв. по-новому осмыслиется прием творческого подражания (таклид, назира). Начатки его наблюдаются еще в серии подражательных «дописываний» «Шахнаме». Новое осмысление этого художественного приема состоит в том, что как самостоятельный творческий акт рассматривается не только создание нового литературного факта (например, новой идеи, темы, сюжета, характера, системы образных средств или отдельного образа), но и создание нового варианта к уже имеющемуся, предложенному кем-то другим литературному факту. Амир Хусроу Дехлави (1253-1325) и Ходжу Кирмани (1281-ок. 1352) принадлежит заслуга формального восстановления в послемонгольское время дидактического и романического эпоса по образцу, установленному Низами в его «Пятерице»;

2) всеобщее настроение подавленности и пессимизма, преобладавшее в мусульманских странах после монгольского нашествия, благоприятствовало развитию суфийской поэзии. Этому способствовала и деятельность в XIII в. в Малой Азии суфийского поэта Джалалиддина Руми, в творчестве которого сквозь мистическую форму прорывается гуманистическое обожествление Человека.

В Кашане суфий старшего поколения Баба Афзал (ум. ок. 1265 г.) в большом сборнике четверостиший попытался соединить проповедь суфийского смирения с вольнодумством, отчасти близким Омару Хайяму.

В Иране было несколько младших современников этих двух виднейших суфийских поэтов, и прежде всего Фахриддин Ираки (ум. в 1289 г.).

Его многочисленные газели и поэма «Ушшоқнома» («Книга влюбленных») посвящены экстатическому воспеванию мистико-пантеистической любви.

Еще дальше пошел крайний пантеист Аухадиддин Кирмани (ум. в 1298г.) в поэме «Мисбоҳ-уль-арвоҳ» («Светильник душ»), в которой резко осуждал произвол светских властей. К нему близок его ученик Аухади из Мараги (ум. в 1337 г.), прославившийся главным образом своей дидактической поэмой «Ҷоми Ҷам» («Чаша Джамшида»), призывающей повелителей к милосердию. Однако и Фахриддин Ираки и Аухади одновременно были и исправными панегиристами.

По мере распространения и приближения к обычным религиозным верованиям суфизм терял свою идейную глубину и еретическую замкнутость, растворялся в ходячем религиозном правоверии, превращаясь в общепринятую норму благочестия. Соответственно и в поэзии суфийская символика и образность сохраняют в основном значение литературного приема, изящной литературной формы, ставшей общепринятой, распространившейся и на несуфийскую тематику. Возникает своеобразный литературный стиль, который можно назвать

«суфийствующим», т. е. суфийским только по форме, но многообразным и часто различным по содержанию;

3) высшим выражением подлинного литературного подъема была гуманистическая поэзия, содержащая часто идеи социального протеста и выросшая на базе массовых антимонгольских народных движений XIV в. Таково творчество Саади (XIII), Ибн Ямина, Убайда Закани, Хафиза и Камола Худжанди (XIV)...

ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА⁶³

...Завершающий период классической персидской литературы (XIII-XV вв.) протекал в условиях послемонгольского завоевания, роста сил сопротивления и народных движений. Хотя деспотическое господство Чингисхана и Чингизидов нанесло неисчислимый ущерб культуре, привело к ликвидации литературных центров и их перемещению, однако персидская литература не только не остановилась в своем развитии, но под вдохновляющим воздействием народного сопротивления пережила даже новый подъем и своеобразное воскрешение предшествующих течений. Панегирическая поэзия имела ярких представителей в лице Имами Герати (ум. в 1277 г.), Хумама Тебризи (ум. в 1314 г.) и особенно Салмана Саваджи (ок. 1300-1375). Касыды писались в рафинированном стиле, зарождалась прециозная поэзия (ее стиль позже был назван индийским), укоренялся прием «творческого подражания» (назира, джаваб, таклид), который становится нормой. Это еще не означало эпигонства, каким «творческое подражание» в известной мере стало позднее, по мере угасания классической персидской литературы. Напротив, прием назира представлял собой творческое соревнование, состязание поэта с предшественниками. Оригинальность, новаторское мастерство проявлялись при этом не в новизне сюжета, жанра или поэтики (по условиям назира эти компоненты должны были строго повторяться); решающей была манера выражения и углубления одних и тех же компонентов, и тем самым выявление индивидуальной поэтической изобразительности. Выдерживал это состязание

⁶³ Брагинский, И. С. Персидская литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. – Москва: Советская энциклопедия, 1968; Брагинский, И. Из истории персидской и таджикской литератур: Избранные работы [Отв. ред. Б. Г. Гафуров]. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 484-493. – С. 490-491; 492.

и побеждал в нем только выдающийся поэт, который был в силах, добровольно сковывая свои творческие возможности, создать произведения, наиболее созвучные своему времени и превосходившие творчество предшественника.

Поэты Амир Хусроу Дехлави (1253-1325) и Ходжу Кирмани (1281-ок. 1352) воскресили дидактический и романтической эпос по образцу Низами и его «Хамсы», а также расширили тематический диапазон газели, передали ей в некоторых случаях функции панегирика – касыды, переживавшей после апогея у Анвари и Хакани свой закат. Не случайно, что именно поэта Ходжу Кирмани признает своим учителем Хафиз» с чьим творчеством связана, как известно, кульминация газели. Суфийская поэзия, поднявшая темы пантеизма и обличения произвола, кроме менее выдающихся поэтов [Баба Афзал (ум. ок. 1265 г.), Фахриддин Ираки (ум. в 1289 г.), Аухадидди Кирмани (ум. в 1298 г.), Аухади (ум. в 1337 г.) и др., выдвинула такого знаменитого дидактика и лирика, как Джалалиддин Руми (1207-1273), который поднял человеческую личность до высот обожествления. Со временем суфийская поэзия, разработавшая свою поэтику и символическую стилистику, становится «модой» и под пером многих авторов-подражателей теряет свою обличительную остроту и страстность личности, взыскующей истины. Остается лишь форма, превращающая поэзию в суфийствующую. Однако у многих талантливых поэтов эта форма становится средством прикрытия мировоззренческого и социального радикализма. Двусмысленность, иносказание, зашифрованная символика, заимствованные у суфийской поэзии, начинают господствовать в вольнодумных сочинениях. Это особенно свойственно оппозиционно-гуманистическому течению, которое выдвинуло сатирика Убайда Закани (ум. в 1370 г.); певца народного движения сарбадаров, мастера философской миниатюры – кыт ‘а – Ибн Ямина (ум. в 1368 г.); всемирно пакостных Саади (1203-1291) и Хафиза (1300-1389). Лирика протеста, бунта личности, составляющая суть творчества последнего и в известной мере

его современников Камола Худжанди (ум. между 1380-1405 гг.), Масира Бухори и др., является апогеем этого периода персидской литературы, типологически сопоставляемого с высшим Ренессансом Запада....

...Концепция человека в классической поэзии являет собой принципиально новую ступень развития в осмыслении достоинства и самоценности личности. Вместе с тем классика сохранила и синтезировала образы героической личности и человека-брата, разработанные в предшествующую литературную эпоху. Тема борьбы Света с Тьмой и Добра со Злом, лишившись своего первобытного примитивизма, стала содержанием всей этической системы классиков (у Низами, у Ибн Ямина, Хафиза, Джами и др.). Тема похвалы разуму, не только в прямой форме, выражена была и у Рудаки и у Фирдоуси, но выросла в стройную идеологию рационализма, концепцию «власти разума», пронизывающую поэзию таких корифеев, как Ибн Сина, Хайям, Саади и др. Наряду с ней классики выдвинули универсально-философскую идею любви как движущей силы общественного развития, концепцию «власти сердца» (Низами, Джалалиддин Руми, Хафиз, Камол Худжанди и Джами). Тема порицания приверженцев зла и лжи выросла и поднялась до высот социальной сатиры (Закани) и лирики социального протеста (Ибн Ямин, Хафиз и др.). Большое место в классике заняла тема высокой миссии и неограниченных потенций самой поэзии, тема вдохновенного изреченного слова и роли поэта-пророка (наиболее выразительно у Низами)...

Иосиф Самуилович БРАГИНСКИЙ

ОЧЕРК О ХАФИЗЕ, ЕГО ЭПОХЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

*Художественная литература*⁶⁴

В области художественной прозы в этот период не было создано ничего выдающегося. Однако поэзия достигла высокого уровня, выдвинув великого Хафиза.

Как и во все времена, эта поэзия не была единой. Значительная ее часть – восхваление тех монархов, которые сами или вместе со своим окружением покровительствовали тому или иному стихотворцу; часто стихи выражали мистическую отрешенность от мира, свойственную официальному суфизму. Однако немало произведений той поры вносили в литературу народные настроения и чаяния, хотя и не всегда это осознавалось самими поэтами. Остановимся на передовой поэзии, которая способна волновать спустя много веков и нынешнее поколение.

Восстание сарбадаров было лишь открытым, наиболее ярким и организованным проявлением народного возмущения против иноземных, монгольских захватчиков и местных эксплуататоров. Дух протеста и возмущения народа вызывал отклик в сердцах поэтов. Но если поэзия XIII в. содержала лишь мотивы недовольства и душевного смятения, вызванных чингисхановским нашествием, то в литературе XIV в. проявляются уже подлинное возмущение и горячий протест. Однако стихия народного волнения причудливо преломляется в сознании поэта, выступая преимущественно в виде бунта личности и облекаясь обычно в философскую (суфийскую) форму.

⁶⁴ Брагинский, И. С. Из истории персидской и таджикской литератур: Избранные работы / [Отв. ред. Б. Г. Гафуров]. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 342-348.

Мотивы протеста проявляются в литературе этого периода в двух основных жанрах. Менее резко они выражены в лирическом (газель и кыт'а), более остро – в эпическом (сатира). Самыми яркими представителями первого жанра были Хафиз, Камол и Ибн Ямин, а сатирического – Убайд Закани. Их творчество, столь различное по форме, перекликается по содержанию, по основным идеям, а частично и по стилистическим особенностям.

Острая сатирическая струя свойственна многим газелям Хафиза и часто роднит его с Убайдом.

Таковы, например, насмешки Хафиза над «ослом-шейхом», над городским «мухтасибом» («надзирателем за нравственностью»), чью «тыкву-голову нужно разбить, если он разобьет бутылку с вином», или язвительная концовка, направленная против святош-проповедников.

*Субҳдам аз ариш меомад хурӯше, ақл гуфт:
«Қудсиён»-ро гӯй шеърӣ Ҳофиз аз бар мекунад.*

[Хафиз. Х., 64]

*На заре с небесного престола раздался глас,
и разум повелел:*

«Святошам» придется стихи Хафиза заучить наизусть.

В свою очередь кыт'а Убайда Закани очень напоминает мотивы газелей Хафиза:

*Вақти он аст дигар бора, ки май нӯш кунем,
Рӯзаву витру таровех фаромӯш кунем...
Сар чу гул дар қадами лоларухон андозем,
Ҷон фидои қади ҳурони қабонӯш кунем.
Шайхакон гар ба насиҳат ҳазёне гӯянд,
Мо ба як чуръа забони ҳама хомӯш кунем.
Чанд рӯйи туруши зоҳиди нокас бинем,
Чанд бар қавли парокандаи ӯ гӯш кунем?*

[Зокони, 204-205]

*Время настало, и снова мы пьем, как хотим;
Пост, и молитву, и четки оставим другим,
Словно цветы – свои головы гуриям бросим,
Души красавицам стройным навек отдадим.*

*Пусть же ничтожные шейхи твердят поученья,
Мы, поднеся им вина, болтовню прекратим.
Долго ли видеть еще проповедника рожу?
Долго ли будет нас мучить он вздором своим?*

(Перевод М. Дьяконова)

Нельзя забывать, что лирика протеста звучала по-особому в мрачных условиях средневековья, когда многие слова, образы и понятия, кажущиеся нам ныне беспредметными, наивными, вызывали живой отклик у аудитории. Не случайно Хафиз, будучи величайшим лириком XIV в., возглавляет, по существу, школу, целую плеяду лириков: Ибн Ямин, Камол Худжанди, Насир Бухори.

Уже самый факт составления газелей – стихотворений, воспевающих в простонародной форме человеческие страсти, а не восхваляющих Аллаха, царей и вельмож, — был своеобразной формой протеста против господствовавшего режима и вызовом ортодоксальному, официальному исламу, так сказать протестом в форме умолчания. Однако, конечно, еще большее значение имели мотивы и образы, разрабатывавшиеся в газели.

Когда газель была выражением благочестивого суфийского мистицизма, она звала к созерцанию, к покорности Аллаху и предопределению. Но в газелях хафизовского типа культ вина прямо противопоставляется мусульманскому запрету питья (иногда жестоко и ханжески осуществлявшемуся такими святошами-тиранами, как Мубаризиддин) и звучит богохульно; воспевание человеческой любви противоречит ортодоксальной проповеди «ишқи илоҳӣ» (amor dei) и безропотной подчиненности царю небесному; идея служения возлюбленной приходит в столкновение с идеей служения царю земному. Мусульманское правоверие и официальный суфизм звали к послушанию, а некоторые газели великих лириков воспринимались как своеобразные манифесты вольности. Хафиз заключал свою газель словами:

*Айби Ҳофиз, гӯ, макун, воиз, ки рафт аз хонақоҳ,
Пои озодӣ чӣ бандӣ? Гар ба ҷое рафт, рафт.*

[Хафиз. X., 94]

Не упрекай, проповедник, Хафиза за то, что он ушел из часовни!

Разве можно ногу, [стремящуюся] к свободе, привязать? Раз ушел, то и ушел.

Камол выражал свое отрицательное отношение к ортодоксальной набожности в газели «Мо бисоти нежномъ боз тай хоѣм кард»:

*Мо бисоти нежномъ боз тай хоѣм кард,
Хирқаву саччода раҳни нуқлу май хоѣм кард.
Навбаҳор асту ҷавониву замони оишқӣ,
Гар кунун нақнем тарки тавба, кай хоѣм кард?
Гар ба зоҳид риндиву мастӣ намекардем фош,
Баъд аз ин ин корҳо дар пеши вай хоѣм кард.
Зӯҳду тақво – сар ба сар ин ному он овозаро
Дар сари овози чангу бонги най хоѣм кард.
Май чу Лайлӣ гар шавад дар шаҳри мо душворёфт,
Мо чу Маҷнун ҷустуҷӯяш ҳай ба ҳай хоѣм кард.
Пеши мо пайке, ки орад муждаи иқболи ёр,
Номи он пайки муборак «некпай» хоѣм кард.
Чун бубинӣ номи мо дар дафтари зоҳид, Камол,
Он варақ гардон, ки мо ин нома тай хоѣм кард.*

[Камол, 219]

*Мы снова ковер благонамеренности свернем,
Рясу и молитвенный коврик ради сластей и вина
заложим,*

*Весна, молодость и время любви настали, —
Если не сейчас, то когда же нарушить обеты?
Если [до сих пор] мы не разгласили аскету [факт]
нашего пьянства и вольности,
То сейчас уж мы все это ему покажем.
И аскетизм, и набожность, само название*

и самый слух о них

*Мы за звуки чанга и мелодию флейты отдадим.
[А] если вино, подобно Лейли, будет трудно найти
в нашем городе,
Мы исступленно, как Маджнун, будем искать его,*

*Вестника, который доставит нам известие
о свидании с любимой,*

Мы этого славного вестника «доброходом» назовем.

Если увидишь наше имя в списках аскета, Камол,

Переверни эту страницу, ибо мы этот список свернем.

Очень откровенно и резко писал об этом Насир Бухори:

Моро ҳаваси суҳбати ҷонпарвари ёр аст

В-ар на гараз аз бода на мастӣ на хумор аст.

Дар мадраса касро нарасад даъвии тавҳид,

Манзилгаҳи муридони мавҳид сари дор аст.

Тасбеҳ чӣ кор ояду саҷҷода чӣ бошад,

Бар маркаби бе тоқати рух ин ҳама бор аст.

Носир, агар аз ҳаҷр бинолад, аҷабе нест,

Маҳҷур зи ёр асту, парешон зи диёр аст.

[Айни С., 86]

Беседа с другом на пиру — вот радостная цель,

Затем и льет вино в фиал, затем и нужен хмель.

Единобожье? Что за спор? На виселицу б тех,

Кто уши все про этот вздор нам прожужжал,

как шмель.

Зачем нам коврик для молитв и четки для чего?

Зачем томить коня души — не ведаю досель.

Не удивляйтесь, что скорбит в чужом краю Насир:

Далёко друг, а без друзей унынье не везде ль?

(Перевод В. Звягинцевой)

А некоторые кыт'а Ибн Ямина напоминают короткие прокламации, зовущие к действию. Например:

Набувад меҳтарӣ ба рӯзу ба шаб,

Бодаи шаҳгӯвор нӯшидан,

Ё таоми лазизро хӯрдан,

Ё либоси латиф нӯшидан.

Ё бад-он кас, ки зери даст бувад,

Ҳар замон бесабаб хурӯшидан,

Ман бигӯям, ки меҳтарӣ чӣ бувад,

Гар бихоҳӣ зи ман ниюшидан:

*Гамгинонро зи гам раҳонидан,
Дар риоёти халқ кӯшидан!*

[Хекмат, 62-63]

*Не в том величье состоит, чтоб днем и ночью
Царственные вина распивать,
Или лакомые блюда поедать,
Или тонкие одежды надевать,
Или на угнетенного беднягу
Беспричинно целый день орать.
Расскажу я, в чем величье состоит,
Если хочешь ты словам моим внимать!
Опечаленных от горя избавлять,
Для служения народу – жизнь отдать!*

Мотив гуманистического протеста в творчестве великих лириков органически сросся с жанром газели, стал ее традиционным содержанием, даже нормой. Любой лирик, складывая газель, был как бы вынужден придерживаться этой нормы, включать в газель подобные строки протеста, по меньшей мере недовольства и жалобы на время (замона). Даже в газелях такого прославленного современника Хафиза, как панегирист Салман Саваджи, мы находим подобные строки и бейты. Впоследствии именно эта канонизация и лишила газель остроты, поскольку повторяемые в подражательном рвении одни и те же формулы превратились в штампы. Однако в XIV в., когда мотивы и идеи, только вводимые Хафизом и Камолом в поэзию, не успели еще омертветь, застыть, отлившись в бессодержательные словесные украшения, они, несомненно, производили на читателя неизгладимое впечатление, будили в его душе ответное эхо протеста и гнева.

Эта лирика протеста в наибольшей мере соответствовала настроениям городских трудовых слоев, в частности ремесленничества. Фирдоуси давно характеризовал городских ремесленников как самую «беспокойную», т. е., по существу, самую оппозиционную, группу общества.

Уже в XII в. в организациях ремесленников типа «Ахи» («Мой брат») проявляется идеология этой социальной

группы горожан. Она находит свое выражение и в разных, и особенно таких радикальных формах суфизма, как тарикат Хасана Джури. С XIV в. в связи с ростом значения города все большую роль, особенно в народных движениях, играют городские элементы – ремесленники и беднота, которых придворные историки так пренебрежительно именовали «рунуд ва авбош» («бродяги и смутьяны»). У значительной части ремесленничества, в которой были распространены грамотность и образование, высоко ценилась суфийская поэзия. Город особенно тяжело переносил экономическую опеку, насильственное вторжение в частную собственность и прямой грабеж со стороны феодальных властителей, ибо это все давило и задерживало экономический рост наиболее деятельной части средневекового общества. Требования «свободного хозяйствования», экономической самостоятельности и ограничения феодального произвола были в городской среде особенно популярны. В области идеологии этот протест выражался в культе свободной жизни, в вольнодумстве. Лирика протеста и была одним из проявлений этой идеологии.

Не случайны черты сходства этой идеологии с воззрениями Возрождения на Западе: одна и та же социальная, городская, среда питала гуманистические идеи на Западе и на Востоке.

Более того, как показывают исследования советских ученых, гуманистическая волна в идеологии и литературе, зародившаяся в условиях развитого феодального общества, особенно в городских кругах, распространилась по мере созревания общественно-экономических условий на Запад, проявляясь в поэзии так называемого мусульманского Востока, особенно классической арабской и иранской. Она достигла своего высокого уровня в послемонгольский период XIII-XV вв. в иранской и тюркоязычной литературе и примерно с этого же времени воплотилась в европейском Возрождении. Именно начиная с XIV в. в лирике протеста наиболее ярко дали о себе знать ренессансные тенденции.

С ними связаны и сатирические мотивы. Внедряя их в поэзию, Убайд Закани был неодинок; к нему примыкает в XIV в. Бу Исхак, а позже и Кари.

Было бы неверным считать, что эта характеристика охватывает всю поэзию второй половины XIV в.

Поэзия никогда не представляла собою «единого потока». Вовсе не перестала существовать панегирическая поэзия, хотя вряд ли можно считать, что в ней были достигнуты новые высоты. Анвари настолько усовершенствовал касыду по форме, что был признан последующими поколениями недостижимым образцом, а он, чувствуя, видимо, что исчерпал сам себя, разочаровался в панегирической поэзии и резко осудил ее в своих последних творениях. Саади придал касыде дидактический характер, превратив ее в своеобразное зеркало, поучение царям: он, видимо, еще верил в возможность воздействовать на них силою слова. Что оставалось поэтам второй половины XIV в.?

Еще больше усложнить стиль касыды, ее словесное убранство, пользуясь приемами: сложившегося иракского стиля и уже возникавшего индийского? Но в этом отношении панегиристы-прозаики, последователи Вассафа, уже обогнали поэтов: сказать напыщеннее, непонятнее, мудреней было нелегко.

Развивать морализирующую линию Саади в касыде? Конечно, это можно было делать и это делалось. Однако трудно представить в условиях феодальной раздробленности, когда поэт должен был переходить от восхваления одного правителя к славословию в адрес его противника, чтобы поэт-панегирист вкладывал, подобно Саади, свою душу в касыду. Даже такой благородный поэт, как Ибн Ямин, писал поочередно панегирики и сарбадарским владетелям, и их исконным врагам – Куртам. Поступали так и Салман Саваджи и другие одописцы, а также Ходжу Кирмани, Имад Факих, Убайд Закани и даже Хафиз, рассматривая эти свои стихи как вынужденный жанр, необходимый для заработка на жизнь, как «нони халол» («неоскверненный хлеб»), разрешенную

профессию. В этих условиях можно говорить лишь об упадке касыды, уступавшей место газели.

Продолжались и поэтические переклички, то дружественные, когда поэты соревновались друг с другом, то недоброжелательные, порою даже враждебные. Так, например, «Девони Хайдар» содержит сатиры на Ходжу Кирмани, обвиняемого в плагиате, Бу Исхак пародирует многих поэтов, иной раз довольно зло. Магриби выступает против своего прежнего друга Камола (интересно, что оба они не писали панегириков, а лишь газели суфийского характера). У большинства поэтов мы найдем и традиционные строки самовосхваления – фахрия и сатиры – хаджвия.

Вероятно, самым разнообразным в смысле применения многих жанров был в тот период Ходжу Кирмани, сыгравший в развитии газели роль промежуточного звена – между Саади и последующей хафизовской газелью.

Самым ярким представителем века был, конечно, Хафиз. Поскольку ему посвящен данный очерк, то здесь следует осветить, хотя бы кратко, кроме творчества таких выдающихся поэтов, как старшие предшественники Хафиза – Ибн Ямин и Убайд Закани, также его современника – Камола, и поэзию еще двух поэтов меньшего «ранга» – Абу Исхака (Бу Исхак) и Магриби.

Поэзия социального протеста XIV в. не может быть правильно понята и оценена без знакомства с их творчеством.

* * *

Камолиддин Мас‘уд⁶⁵, известный в поэзии как Камол Худжанди (Камол Ходжентский), родился в начале XIV в. в г. Ходженте (ныне Ленинабад Таджикской ССР). Его земляки-ленинабадцы с гордостью показывают место, где, по преданию, стоял его дом, – сейчас на этом месте расположено здание городской гостиницы.

При своем возвращении из паломничества в Мекку

⁶⁵ Брагинский, И. С. Из истории персидской и таджикской литератур: Избранные работы / И. С. Брагинский [Отв. ред. Б. Г. Гафуров]. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 354-357.

Камол проезжал через Тебриз и остался там жить. Однако вскоре его настигла беда. Золотоордынский хан Тохтамыш, напавший в 1385 г. на Тебриз и разграбивший его, в числе захваченной добычи вывез с собою плененного Камола.

По преданию, Камол длительное время находился в заточении в «Кальаи санг» («Каменная крепость»), о чем сложил четверостишие:

Кай бошад аз ин танг бурун омаданам?

Ном аст аз ин нанг бурун омаданам.

Гӯй, магар аз санг бурун меояд

Парвонаи аз Санг бурун омаданам? [Айни С., 77-78]

Когда удастся из этой темницы мне выбраться?

Дело чести – из этого позора мне выбраться.

[Но] скажи, разве из камня изойдет

Приказ о том, чтобы из камня мне выбраться?

Спустя четыре года Камол вернулся в Тебриз, где и прожил до конца своих дней, прославившись своими стихами и благочестивым образом жизни суфийского наставника. Он умер в 1400 г. Рассказывают, что кроме циновки, на которой он спал, и камня, на который он клал голову во время сна, никакого другого имущества после него не осталось. Но остались его стихи, диван его газелей.⁶⁶

Творчество Камола Худжанди заслуживает особого внимания еще и потому, что лирический жанр раннесредневековой народной поэзии нашел в его газелях, вероятно, более яркое воплощение, чем в стихах какого-либо другого поэта того периода. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем: в такой же мере, как по «Шахнаме» Фирдоуси можно судить о характере иранского народного эпоса раннего средневековья, по газелям Камола можно судить о персидско-таджикской народной лирике эпохи феодализма.

В этой связи следует решительно опровергнуть одно ошибочное мнение, встречающееся в некоторых литературоведческих работах, – о подражательном якобы характере стихов Камола. Ссылаются при этом иногда на

⁶⁶ м. статью А. Дехоти (составленную на основе неопубликованной статьи С. Айни) в Намунахо, 127-130.

сообщение Абдуррахмана Джами в его книге «Бахористон» о том, что Камол подражал Хасану Дехлави.⁶⁷ Это – совершенно неверное мнение, и в этом легко убедиться, сравнив их газели между собой.

Характеризуя идейное содержание газелей Камола, следует прежде всего повторить уже сказанное выше о содержащихся в них мотивах протеста, выступающего в индивидуальных формах бунта личности. Как и у Хафиза, это – острое, часто сатирическое бичевание ханжей-святош, аскетов, мухтасиба и суфиев, противопоставление им образа бесшабашного вольного гуляки – ринда, противопоставление действительной, земной любви сомнительному райскому блаженству, а любовного «рабства» – служению царям. И у Камола эти наиболее острые строки вкраплены в обычную любовную газель и прорываются наружу, словно вздох из глубины бунтующей души, как протестующий призыв к отпору, к возмущению.

Примеров подобных строк можно привести множество. Ограничимся лишь несколькими.

*Зоҳидон камтар шиносанд он чи моро дар сар аст,
Фикри зоҳид дигару савдои ошиқ дигар аст.*

[Камол, 103]

*Маловато смыслят аскеты в том, что [творится] в
моей голове:*

*[Ведь] размышления аскета – одно, а страсть
влюбленного – иное.*

⁶⁷ На самом деле Джами в «Бахористоне» (раздел VII; изд. Душанбе, 1966, стр. 107) очень высоко отзывается о Камоле: «Вай дар латофати сухан ва диққати маонӣ ба мартабаест, ки беш аз он мутасаввир нест» – «В изяществе речи и утонченности образов он достиг такой степени, превзойти которую немислимо» (Джами, Весенний сад, Душанбе, 1966, стр. 180).

Отмечая, что Камола и Хасана роднит стиль «сахли мумтанеъ» (недоступная простота), который сочетает ясные и простые метры со сложной рифмовкой, игрой словами и редирами, крайне затрудняющими понимание смысла, Джами, по существу, отвергает мнение, будто Камол подражает Хасану, и подчеркивает, что «он кадар маонии латиф, ки дар ашъори вай аст, дар ашъори Ҳасани Дехлавӣ нест» («такого изящества образов, которое имеется в его [Камола] стихах, нет в стихах Хасана Дехлави»).

Чаши агар ин асту абрӯ ину нозу ишва ин,
Алвидоъ, эй зуҳду тақво, ал-фироқ, эй ақлу дин.
[Камол, 290]

Если таковы глаза и такова бровь, [если] прелесть
и негатаковы,
То прощай аскетизм и богобоязненность, прощай
разум и вера!

Гар ба майхона ҳарифи маю шоҳид бошам,
Беҳ, ки дар савмаъа бинишину обид бошам, –
Вақти он шуд, ки иқомат ба харобот кунам,
То ба кай муътакифи гӯшаи масҷид бошам?
[Камол, 276]

Если в кабачке я стану наперсником вина и девы,
Это получше, чем сидеть в келье и быть
благочестивым, –
Настало время поселиться мне навсегда в трактире,
Доколе уединяться мне для молитв в уголке мечети?

Чӣ суд аз нолаву зорӣ бар ин дар додхоҳонро,
Ки султон ҳоли мискинони бозорӣ намедонад...
Камол аз халқ натвонист пӯшидан назарбозӣ
Ки ӯ ринд асту чун зуҳҳод таррорӣ намедонад.
[Камол, 221]

Что пользы истцам от жалоб и стонов у
этой двери,
Ведь султан о положении базарных бедняков
[ничего] не знает...
Камол не смог скрыть от людей своей игры глаз
(кокетничанья),
Ведь он ринд и, подобно аскетам, жульничества
не знает.

Образец целостной газели приводился выше.

Именно эту протестующую сторону и воспринял народ в поэзии Камола, и отсюда сложилась о нем легенда, будто он не осквернил своих стихов употреблением двух слов: «собака» (сар) и «царь» (подшоҳ, шоҳ). От того, что этот факт сам по

себе не отвечает действительности (Камол употребляет эти слова, а слово «собака» даже чаще многих других поэтов), познавательное значение этой легенды не уменьшается. В ней выражена глубокая симпатия народа к поэту за то, что он не посвящал своих стихов царям, а выражал в них живые чувства живых людей, за то, что он не писал панегирических касыд, а писал проникновенные газели.

Главное содержание газелей Камола – это человеческая любовь, а сила его как поэта состоит в тончайшем отображении самых разнообразных оттенков любви.

Какая невероятная гамма чувств заключена в нескольких десятках газелей Камола, из которых ни одна не похожа на другую и не повторяет другую. Здесь и восторг обожания, и радость ответной любви, и тоска, и ревность, надежда, самозабвение, безумие, и снова мечты и страсть, и шепот и мольбы, и слова любовного признания.

Классическим стихотворением Камола считается газель, начинающаяся словами: «Ёр гуфт: Аз ғайри мо пӯшон назар», – будто бы посвященная Хафизу и вызвавшая у последнего слезы восторга.

Однако образцом подлинно народной по своей ясности, глубине, силе и искренности чувства может служить другая замечательная газель:

*Ҳаргиз суи мо чаими ризоӣ накушодӣ,
Гӯше ба ҳадиси мани бедил наниҳодӣ.
Эй дурри гаронмоя, ки ҳамчун ту кам афтад,
Як рӯз ба дасти мани муфлис нафитодӣ.
Дар дидаи ман ҷумла ҳаёланду ту нақийӣ,
Дар хотири ман ҷумла фаромӯшу ту ёдӣ!
Бо он ки ба ҷуз меҳнату дарди ту надидам,
Шодам, ки ба ранҷи мани меҳнатзада шодӣ.
Аз коми дили ман наравад, гар биравад ҷон,
Ширинии он бўса, ки гуфтиву надодӣ.*

[Диван Камола, 373]

*Никогда ты не обращала на меня ласкового взора,
Слухом не принимала к моему, безумца, рассказу.*

Магриби) земным, натуралистическим языком. К такому выводу можно прийти по преданию об их ссоре.

Камол писал (как уже выше отмечалось):

*Чашим агар ин асту абрӯ ину нозу шива ин,
Алвидоъ, эй зуҳду тақво, алфироқ, эй ақлу дин!*

[Камол, 290]

*Если таковы глаза и такова бровь, [если] прелесть
и не таковы,
То прощай аскетизм и богобоязненность, прощай
разум и вера!*

Магриби считал, что такой натурализм не поддается мистическому истолкованию, против чего Камол возразил: «Чашм» – на фарси соответствует «айн» по-арабски, а это слово означает по-арабски – не только «глаз», но и «сущность», равно как «абрӯ» (арабское «хачиб») – не только «бровь», но и «покрывало», т. е. атрибуты божественной сущности, следовательно, приведенный бейт – вполне религиозно-мистический (с. 360).

* * *

Он (Хафиз) воздавал дань уважения своим предшественникам и современникам. Из числа поэтов он многих признавал своими учителями. А в дружбе с Камолом, если верить преданиям, он был настолько восторженно привязан к «ходжентскому соловью», что (как выше отмечалось) когда получил его газель «Гуфт ёр» («Сказал друг») и дошел до последних бейтов, то был растроган, разрыдался и не находил слов, чтобы воздать должное своему собрату по перу (с. 374).

* * *

Шибли Ну’мани, а за ним и Э. Браун приводят некоторые газели Хафиза, весьма похожие на газели его предшественника Ходжу, а также газели старшего современника Хафиза – Салмана Саваджи. Позже Халхали составил длинный список совпадений газелей Хафиза по рифме, метру и многим образам с газелями других авторов: Саади – в 17 случаях; Захир Фарьяби – 1; Ходжу Кирмани – 20; Имад Факих – 16;

Салман Саваджи – 13; Риязи Самарканди – 1; Джалал – 5; Мир-и Кирмани – 1; Убайд Закани – 1, Сайид Азудид-дин – 1; Шамсиддин Махмуд – 1; Шейх Джунайд – 1; Джахан-малик Хатун – 312; Рух ул-Амин – 1; Ираки – 3; Абдулмаджид – 2; Шахабиддин – 1; Низари – 1; Ифтихор Дамгани – 1; Атики – 1 [Хафиз. X, Пред., 28-35]. Добавим также: Камол Худжанди – не менее 4-х случаев, в том числе известное «Дил мукими кӯи чонон асту ман ин чо ғариб» (по рифме, метру и некоторым образам совпадает с приведенной выше хафизовской газелью III).⁶⁸

Если некоторые из этих поэтов, в частности Имад Факих, Салман Саваджи, Камол Худжанди и другие, являются современниками Хафиза и поэтому совпадение в газелях может быть понято как взаимовлияние, то, что касается Саади и особенно Ходжу, Хафиз, бесспорно, пишет под их влиянием. Так возникла проблема взаимоотношения Ходжу и Хафиза.

Необходимо прежде всего отметить, что по нормам восточной поэтики следование образцу предшественника, доходящее до заимствования рифм, размера и образов, было узаконенной традицией, а ни в коем случае не плагиатом (как это могло пониматься в западной поэзии). Формы такого следования предшественнику, воспроизведение в видоизмененном виде его стихов были различными: цитирование отдельных бейтов (тазмин), соревнование типа «джаваб», «назира» и др. (с. 393).

Сокращённые источники:

1. Айни С.– Айни С. Бухоро икилобий таърихий учун материаллар.–Москва, 1926.
2. Зокони. – Убайди Зоконӣ. Куллиёти мунтахаб / Тартибдиханда ва муҳаррир Х. Мирзозода.–Душанбе, 1963.
3. Камол. – Камолӣ Хучандӣ. Ашъори мунтахаб / Тартибдиханда ва муҳаррир Ш. Ҳусейнзода.–Сталинобод, 1959.

⁶⁸ В статье М. J. Borah, The life and works of Amir Hasan Dihlavi (JA of Bengal, 1941, VII) приводится пять случаев совпадений бейтов Хасана и Хафиза, но при этом нет совпадений по метру, и потому добавить их к настоящему списку нельзя.

4. Хафиз. Х. – Девони Хоча Ҳофизи Шерозӣ / Бо эҳтимоми Саид Абдурахими Халхолӣ.–Тегеран, 1306/1927.
5. Хекмат – Хекмат А. Р. Рассказ о персидском поэте: Жизнь и творчество Ибн Ямина.–Москва, 1965.

ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА⁶⁹

В «Шахнаме» Фирдоуси есть ссылка на устную передачу традиций, на слова «старого дихкана» как на источник отдельных поэм грандиозной эпопеи. Фольклорное начало особенно сильно в газелях и рубайятах выдающихся поэтов Хайяма, Хафиза, Камола, Хилоли, во многих притчах и новеллах Саади, Джалалиддина Руми и др. Вместе с тем многие газели классиков стали народными песнями, передававшимися устно из поколения в поколение и неотразимо влиявшими на поэтику фольклорного творчества (с. 498).

* * *

В XIII в. на Среднюю Азию обрушилось великое бедствие – нашествие орд Чингисхана. Творческая деятельность в старых литературных центрах ослабела. Многие одаренные поэты, творившие на фарси, были вынуждены жить вдали от родины, но оставались верны родному языку (Джалалиддин Руми в Малой Азии; Амир Хусроу – в Северной Индии; Камол Худжанди – в Азербайджане и др.).

Хотя суфийский характер поэзии свойствен большинству таджикских писателей средневековья (особенно начиная с XIII в.), однако огульная оценка всей литературы этого периода как суфийской не верна и не раскрывает ее сущности. Вместе с тем философская окрашенность действительно была свойственна поэзии XIII—XIV вв., двух ее направлений – философско-дидактического, апеллировавшего преимущественно к рассудку, и философско-лирического, обращавшегося к чувству.

Первое направление, преобладавшее в XIII в., выдвинуло

⁶⁹ Брагинский, И. С. Таджикская литература // Краткая литературная энциклопедия. Том 7. – Москва: Советская энциклопедия, 1972; Брагинский, И. С. Из истории персидской и таджикской литератур: Избранные работы [Отв. редак. Б. Г. Гафуров]. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 494-507.

таких поэтов, как Саади и Амир Хусроу. XIV век в Средней Азии был преисполнен всех ужасов монгольского гнета, вначале наследников Чингисхана, потом Тимура. Начиная с XIII в. народ поднимал восстания против монгольского ига (мятежи Махмуда Тараби в 1238 г., сарбадаров в 1365 г.). Литература долго не могла оправиться от удара, была исполнена лишь мотивов недовольства и душевного смятения. Подлинное же возмущение и протест проявились в литературе лишь в XIV в.; стихия народного возмущения выступала преимущественно в форме бунта личности. Для этого времени и характерна своеобразная поэзия протеста, намеком, иносказательно выраженного в лирике (газель) и более открыто – в сатире. Лирический жанр представляли Саади, Ибн Ямин, Хафиз и Камол Худжанди. Сатирой прославился Убайд Закани. Не случайно их творчество, столь несходное по форме, перекликается по содержанию, по основным идеям, а часто и по стилистическим приемам и образности (с. 504).

КЕМАЛ ХУДЖАНДИ⁷⁰

Кемал Худжанди (литературное имя; настоящее имя Камоллодин ибн Масуд) (год рождения неизвестен – умер между 1391 и 1400), таджикский поэт. Родился в Ходженте (ныне Ленинабад), жил в Тебризе. Умер в нищете. Диван Кемала Худжанди насчитывал 14 тыс. бейтов; сохранилось около 8 тыс. бейтов. В его стихах часты жалобы на одиночество и бедность на чужбине. Нередко поэт критикует духовенство с позиций суфизма. Большое место в его творчестве занимает тема любви. Для газелей Кемал Худжанди характерны приёмы омонимии, каламбурная рифмовка.

Соч.: Мунтахабот, [Душанбе], 1960: в рус. пер. – Избранная лирика, [Душанбе], 1949; Стихотворения, [Душанбе], 1958.

Лит.: Braginski I. Zum Studium des Schaffens Kamol Hudshandis, Moskau, 1957; Сатторов Н. С., Камоли Хучанди, [Душанбе], 1960.

⁷⁰ БСЭ. – 3-ое издание. Том 12. – <http://bse.uaio.ru/BSE/1201.htm>

КАМОЛ ХОДЖЕНТСКИЙ И САИДО НАСАФИ⁷¹

Камоля Ходжентского можно назвать поэтом «малой формы». Блестящий лирик, он писал вдохновенные изящные газели, выражал в музыкальных певучих строках свою безграничную любовь к природе и неутолимую жажду жизни.

Ветер цветенье ветвей сорвал, бросил цветочный град.

Стала зеленой вода, надев тонкий, как пар наряд.

Роза открыла свое лицо, очи открыл нарцисс,

Тянутся ввысь кипарис и бук, петь соловей рад!

Беспокойное время XIV века наложило свой отпечаток на поэзию Камоля. Шаткое благополучие немногих, страдание и слезы, ставшие достоянием большинства, наконец, собственная бедность и нищета приводят Камоля к печальным выводам. Жизнь кажется ему мимолетной, счастье – неверным, борьба – бесполезной.

На лепестках я желал писать, – вихрь изорвал листки.

Сторож розу убрал с куста – кто теперь виноват?

Ветер и воздух – убийцы роз: жизнь такова, Камоль!

Край одеянья ушел из рук, пусть и желанья спят.

Но сквозь нотки пессимизма и суфийские мотивы «проходящей жизни» порывается настоящий голос поэта, голос утверждающий любовь как великое и вечное жизненное начало.

Нищими сделала нас любовь, но не хотим богатств,

Бросив сокровища двух миров, не оскудеем мы.

Воспеванию неизмеримой силы любви посвящены лучшие газели Камоля. В них тончайшими нитями переплетаются восторг, нежность и грусть, охватывающие поэта при воспоминании о прекрасной возлюбленной.

В поэзии Камоля нет выпренности и витиеватости

⁷¹ Цитир. из статьи: Камол Ходжентский и Саидо Насафи // Коммунист Таджикистана. – 1946. – 6-го апреля.

образов и выражений свойственных восточной литературе. Его стихи отличаются простотой, лиричностью и напевностью. И сейчас на родине поэта – Ходженте – современном Ленинабаде звучат его меланхолические строфы.

В течение шести столетий живут песни Камоля. На русский язык книгу его газелей к предстоящей декаде таджикской литературы перевела поэтесса А. Е. Адалис. В ее переводе стихи сохранили свежесть, звучность, богатство мелодии. Варьируя необычные для русского языка размеры, Адалис передает присущие Камолю напевный строй речи, тонкий аромат Востока, которым окутаны его стихи.

В своей работе над переводами тов. Адалис добилась редкой удачи. Сохраняя большую близость к оригиналу, она сумела найти для выражения стихов адекватную форму в русском языке. Такова газель:

*О, беспокойство снова и снова!
Дерзкая шутка мира земного!
Где твоя жалость, ветреный идол?
Кто ты – не может выразить слово,
Камень не мог бы вытерпеть столько!
Нет, не знавал я в жизни такого...
Боль причиняешь, внов покидаешь
К выходам разным вечно готова!
Если умру я в горькой разлуке,
Ты и не вспомнишь смеха бывшего...
Слез моих жемчуг топчешь ногами:
«Что ж, – отвечаешь, – в этом дурного?»
О не печалься из-за Камоля:
Быть одиноким – вовсе не ново!*

* * *

На днях в отделе пропаганды ЦК КП (б) Таджикистана состоялось совещание поэтов, писателей, партийных и научных работников республики. На совещании присутствовали: Секретарь ЦК КП (б) тов. Гафуров, заместитель председателя Совета Министров тов. Дворников, зав. школьным отделом ЦК КП (б) Таджикистана тов. Княжев, зам. зав. отделом

пропаганды ЦК КП (б) Таджикистана тов. Граник, зам. председателя ТФАН Толмачев, поэты Пеньковский, Дехоти, Миршакар, председатель Союза советских писателей Улугзаде, директор издательства Нигматуллаев и другие.

Поэтесса А. Адалис прочитала сделанные ею переводы стихов Саидо Насафи и Камоля Ходжентского.

В своих выступлениях присутствующие отметили высокое качество сделанных переводов, исключительную их близость к подлинникам, поэтическую выразительность, что делает переводы одними из лучших переводов восточных поэтов на русский язык.

Субхон АЪЗАМЗОД (Аъзамов Субхонжон)

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ИССЛЕДОВАНИЙ О КАМОЛЕ ХУДЖАНДИ

(Послесловие)

Начало знакомства Запада с Камолом Худжанди относится к концу XVII века и связано с изданием книги “Восточная библиотека”, подготовленной европейским востоковедом Бертелеми Д’Эрбло. Позже исследованием жизни и творчества и переводом его стихов занялся известный немецко-австрийский ученый Иосиф Хаммер-Пургшталь. Западные исследователи и читатели ознакомились с Камолом Худжанди благодаря его трудам “Изящная словесность Персии на основе антологии двухсот персидских поэтов” (*Geschichte der schönen Redekünste Persiens mit einer Blüthenlese aus zweyhundert persischen Dichtern*, 1818), “Благовония, избранные из персидской поэзии” (*Die Duftkörner aus den persischen Dichtern gesammelt*, 1836) и “История Золотой Орды” (Pesth (Budapest). Hartlebens Verlag, 1840). О научной ценности и значении этих и других работ исследователей Европы можно получить более подробную информацию по статье Александра Хайзера [17].

Отдельные сведения о Камоле можно исчерпать из послесловия известного западного востоковеда XIX в. Иоганна Фридриха Козегартена о книге “Тутинома” Зиёуддина Нахшаби в переводе Карла Якоба Людвиг Икена (*Eine Sammlung persischer Märchen von Nechschebi*, 1822), седьмой части ежеквартального издания “*Deutsche Viertel-Jahrschrift*” (1838), “Информационного бюллетеня о зарубежной литературе” (*Blätter zur Kunde der Literatur des Auslands*, 1838), “Страницы” еженедельного издания “За рубежом” (*Das Ausland. Ein Tagblatt für Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker...*), “Литературной хроники” Австрии (1838), книги путешествий Арминия Вамбери “История Бухары” (*Geschichte Bocharas: Oder, Transoxaniens von frühen Zeiten*),

в которых так же имеются материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта.

Эти работы также представляют интерес в камоловедении Европы. В том числе украинский востоковед Агафангел Крымский в своей книге “История Персии, её литературы и дервишеской теософии” (1914-1917) даёт должную оценку сочинениям востоковеда Аусли (Ouseley) и библиографа Рьё, называя последнюю “особой библиографической заметкой о Камоле Худжанди” [12, с. 101, сноски] и впервые заговорив об их значении для восточных и западных ориенталистов: “Biogr. Notices” (1846, с. 192-194); Рьё, Опис. перс. рукоп. Брит. муз. II (1881), с. 632-633 [12, с. 101, сноски]. Достойную оценку работ Аусли дали и иранские камоловеды [см: примечания А. Хикмата к книге Э. Брауна – 8, с. 440].

В камоловедении XIX в. имеются интересные сведения о списках “Диванов” Камола Худжанди, хранящихся в западных библиотеках, в том числе о поэтических сборниках поэта в Государственной библиотеке Берлина. Один из важных источников назван в «Описании публичной библиотеки королевства Дрездена» (Beschreibung der königlichen öffentlichen Bibliothek zu Dresden, 1838), где описывается очень ценная рукопись дивана поэта, хранящаяся под номером E-55. А. Е. Крымский в своем труде сообщает также о наличии дивана «мистико-эротической лирики» Камола в Институте Лазарева под номером №6778, на полях дивана Салмона Соваджи (страницы 1-294) [12, с. 101].

Обращаясь к трудам А. Е. Крымского, мы узнаем и о европейских изданиях творчества Камола Худжанди. Согласно этим сведениям, Хаммер-Пургшталь один из первых, кто перевел 12 стихов в “Истории изящной словесности персов” (1818, с. 255-258), немецкий ориенталист Натаниэл Бланд перевел десять стихов в сборнике “Сто лет персидской газели” (A Century of persian ghazals, 1851, с. 9-12) и Итальяно Пицци – несколько стихов в книге “Storia Della Poesia Persiana” (VI, 1894, с. 175-176) [12, с. 101]. Следовательно, уже в первых исследованиях дана достойная оценка изданиям переводов этого восточного поэта в Европе. Заслуживают внимания и исследования о Хафизе. В этом плане

следует упомянуть работу Доминик Брукшоу – “Hafiz and His Contemporaries: A Study of Fourteenth-century Persian Love Poetry”, в которой можно найти сведения и о Камоле. Кроме того, следует отметить, что предметом изучения известных исследователей проблем литературных взаимосвязей А. Хайзера и С. Вохидовой стали немецкие переводы, а М. Мирзоюнус – русские переводы газелей Камола Худжанди [17; 14]. Тем не менее, есть надежда, что более глубокие поиски могут привести к новым находкам относительно европейских изданий Камола Худжанди на Западе.

По трудам Германа Эте [21] и Эдуарда Брауна [8] о персидско-таджикской литературе можно узнать о том, что впервые сведения о Камоле Худжанди вошли в новые книги по истории литератур, и это начинание было поддержано в работах последующих восточных, русских и европейских историков литературы – Шибли Нуъмони, Саида Нафиси, Забехуллоха Сафо, Евгения Бертельса, Яна Рипки, Иосифа Брагинского и других. Следует отметить, что в самом начале создания подобных книг по разным причинам Камолу Худжанди и ему подобным поэтам было уделено незначительное место, и они оставались вне поля зрения составителей. Об отсутствии должного внимания со стороны известных востоковедов Германа Эте и Эдуарда Брауна к Камолу Худжанди неоднократно писали литературоведы. Так, таджикские исследователи Ш. Хусейнзода, Б. Максудов, С. Асадуллоев и другие подвергли критике позицию Г. Эте представить лицо поэта в числе подражателей и последователей Хафиза Ширази и его современников в “Истории персидской литературы”.

Ведутся споры и о позиции автора четырехтомной “Истории персидской литературы” Э. Брауна о Камоле Худжанди, хотя в этой книге уделено поэту относительно больше внимания в западном востоковедении. Работа Э. Брауна является одной из первых на Западе, однако, оценка советских и постсоветских исследователей в основном критическая. По данному вопросу читатели могут обратиться к сочинениям ряда таджикских камоловедов. Необходимо подчеркнуть и то, что критика позиции Э. Брауна в основном

касается методов и принципов исследования западного ученого и вполне естественно, что его исследования не соответствуют марксистской позиции камоловедения. Точка зрения персидского переводчика “Истории литературы Ирана” А. Хикмата, высказанные в примечаниях, в основном касаются отношения Брауна к персидским источникам о Камоле Худжанди и неверным выводам западного автора по персидским текстам [8]. Другим источником критической оценки позиций европейских и русских востоковедов, в том числе Э. Брауна о Камоле Худжанди является предисловие Ираджа Гулисурхи к Дивану поэта в Иране [10, с. 28-29].

Примечательно, что Э. Гулисурхи рассматривает и вопрос о духовном познании Камола профессором Рипкой и в своем предисловии говорит о том, с какой любовью, рвением и с каким великим трудом этот известный чешский ученый добивается своих достижений в камоловедении. В своей “Истории персидско-таджикской литературы” (1956) Ян Рипка сначала рассматривает лирику Камола Худжанди в связи с “другом”, затем с его “личным врагом”, поэтом-мистиком Магриби, высказывая при этом свой собственный взгляд по отношению к Камолу Худжанди и его поэзии, следом, в главе “Поэзия и ее формы” в том числе говорит о лирических жанрах, стиле поэзии, литературной среде Ширази и т.п., что представляет для нас большой интерес [16, с. 253-254, также: с. 105; 119; 264-265]. Критические высказывания Э. Гулисурхи о позиции трех известных востоковедов Я. Рипки, Е. Бертельса и И. Брагинского позволяют вникнуть в проблемы познания творчества Камола: “Основной и общей проблемой всех трех ученых является то, что о самом поэте они не дают никаких комментариев. Однако у них была возможность на основе анализа газелей Камола узнать и о нем самом. Думается, такой подход ученых стал причиной появления чувства насилия над ним у персоязычных любителей поэзии Камола, тем более что пострадавших мы любим больше чем могучих” [10, с.32].

О первых упоминаниях имени Камола Худжанди в русском научном и литературном мире можно прийти к интересным размышлениям. В России XIX в. появление имени Камола было особым явлением. Прежде всего, в

статье известного русского ориенталиста В. В. Григорьева “О местоположении Сарая – столицы Золотой Орды” в журнале Министерства внешних дел России (1845) и в следующем ее издании в книге “Россия и Азия” (1876) Камол Худжанди признан главным лицом своей эпохи среди мистиков в Сарае [20, с. 270]. Современные исследования татарских и славянских ученых В. Гулевича, М. Якубовича, Х. Миннегулова также подтверждают этот взгляд востоковеда первой половины XIX века о влиянии в Сарае Камол Худжанди как высокочтимой личности суфийского течения в Центральной Азии [9, с. 124; 13, с. 42; 22, с. 73-74].

“Шейхъ Кямаледдинъ Ходжендскѣй” – так называется одно из первых наиболее глубоких и серьезных исследований, вошедших в книгу украинского востоковеда Агафангела Крымского “История Персии, ее литературы и дервишеской теософии”. Этот труд является серьезным исследованием Института восточных языков им. Лазарева и был издан в 1914-1917 гг. в г. Москве. Заметки о Камоле Худжанди размещены в разделе “От эпохи монголов Джингиз-хана до водворения Сефевидов в Иране и «Великих моголов» в Индии ХУІ-ХУІІІ вв.”. Основным источником для автора в был “Бахористон” Абдурахмана Джами. В этой книге впервые в востоковедении речь идет о литературе эпохи Камол и его взаимоотношений с Хафизом, Салмоном Соваджи, Ассором Табрези, Шейхом Магриби, а также дополнительно в параграфе “Основные поэты, как Тебриза, так и Шираза” в XIV веке. В сочинении есть важные сведения о проникновении поэзии Камол в европейскую литературу.

При всем этом, на наш взгляд, имя Камол Худжанди прочно вошло в русское востоковедение в конце 20-х годов XX века благодаря ряду сочинений по истории литератур, в том числе “Очерков истории персидской литературы” известного русского востоковеда Евгения Бертельса (Ленинград, 1928). Имя Камол Худжанди в этом труде упомянуто при описании известного поэта и автора антологии в XIX в. Ризокулихона Хидоята как “прославленного поэта” XIV века и предка этой иранской личности [2, с.110], однако основной причиной того, что автор не обращается к жизни и творчеству

этого среднеазиатского поэта было давление идеологии однобокого подхода к “персидской литературе”, связанное с подходом к географической территории современного Ирана и отрицанием вклада центральноазиатских поэтов в создании единой персидской литературы [в том числе см.: 1; 19; 20].

В других сочинениях Е. Э. Бертельса, написанных в период с конца 30-х до начала 50-х годов XX века – “Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV века н. э.” (1939), “Литература на персидском языке в Средней Азии” (1948), “Тюркская поэзия эпохи тимуридов”, монографии “Навои. Опыт творческой биографии”, 1948) также находим заметки и рассуждения о Камоле и особенностях его поэзии. Эти труды при всех спорных моментах все же являются основным источником при знакомстве с личностью и творчеством поэта в России.

В первом названном нами сочинении Е. Э. Бертелс высказывает мысль о том, что “стихи его не богаты содержанием», и они как бы дублируют тематику Хафиза – любовь, дружбу, красоту и ее прелести. Тем не менее, этот востоковед, следуя высказанному мнению С. Айни в «Намунаи адабиёти тоҷик» по поводу бейта «Гуфтам: давои дарди диламро хате навис, Гуфто: даво-т чун бинависам? Давот нест» эту оригинальную форму и игру слов считает отличительной чертой поэзии Камола от Хафиза.

В сочинении “Литература на персидском языке в Средней Азии” автор, называя Шейха Камола Худжанди основоположником тонкой лирики, и с учетом сведений тазкире “Хафт иклим” перечисляет особенности поэтического творчества Камола. Дальше речь идет о значении Камола в литературе XV века, в том числе о его влиянии на Бисоти Самарканди.

В книге Е. Э. Бертельса “Навои” – “Тюркская поэзия эпохи тимуридов” речь идет о влиянии Камола Худжанди на тюркоязычную литературу, особенно связи Лутфи с Камолом.

Среди работ русских востоковедов труды Иосифа Самуиловича Брагинского имеют особое место, как по количеству, так и по значимости исследований. Уже в своих

первых работах, начиная с 40-х годов XX века, в том числе в “Предисловии” к “Намунаҳои адабиёти тоҷик” (1940), в статьях “Тысяча лет таджикской литературы” (1941), “О проблеме периодизации истории таджикской литературы” (1947) он имеет ряд замечаний по этому вопросу. О его интересных рассуждениях и стремлении создать литературный портрет Камола Худжанди можно узнать из его статей о Хафизе Ширази, в частности из его предисловия “Освобожденные строки Хафиза”, написанному к сборнику “Пятьдесят газелей” (на русском языке, 1949). Это предисловие позже было напечатано в книге “Очерки из истории таджикской литературы” (1956) и стало одним из основных источников в последующих исследованиях ученого по камоловедению [4]. Другой труд И. Брагинского “Камолуддин Масъуд” в “Очерках о Хафизе, его эпохе и творчестве” также представляет интерес в изучении жизни и творческого наследия поэта [7]. В целом ряде статей “12 миниатюр” (Москва, 1976), “От Авеста до Айни” (Душанбе, 1981) также высказаны важные мысли о Камоле Худжанди.

И. С. Брагинский в те годы стремился воссоздать реальный портрет и творческую личность Камола Худжанди и выявить его достойное место в истории таджикской литературы и все больше совершенствовать свои предыдущие сочинения по этому вопросу. В этом плане он относится к числу тех востоковедов, которые на основе анализа социальных мотивов и поэтического мастерства выявляли роль и значение творчества поэта. Статьи “Камол Худжанди” в “Избранной лирике” (1949), “Камол Худжанди” в “Большой советской энциклопедии” (1953), “О творчестве Камола Худжанди” в “Очерках о таджикской литературе” (1956) являются первыми, привлекающими внимание, образцами социального анализа творчества этого славного поэта в литературоведении и востоковедении, составляющими квинтэссенцию научных поисков в советской стране. Выведенные итоги по наследию Камола Худжанди, дали возможность этому исследователю высказать и теоретические концепции на почве общих проблем истории персидско-таджикской литературы. В ряде сочинений этого

востоковеда по общим и актуальным проблемам истории литературы, ее периодизации, тематике и стиле поэзии XV в., в том числе в работах “О проблеме периодизации истории персидской и таджикской литературы” (1960), “Рассуждения о периодизации классической персидско-таджикской литературы” (1965), “Персидская литература”, “Таджикская литература” (в книге “Краткая литературная энциклопедия”, 1968) также высказаны основные положения о личности Камола Худжанди, его поэзии и поэтическом мастерстве. Доклад И. С. Брагинского на XXIV международном конгрессе востоковедов (Мюнхен, 3-го сентября 1957 г.) “К изучению творчества Камола Худжанди” [6] свидетельствует о том, что подготовка научно-критического издания дивана поэта уже в середине 50-х годов XX века представляла особую актуальность в советском камоловедении. Именно эта статья выявила научно-теоретические основы подготовки дивана в советском пространстве и стала основополагающей в создании относительно полного научно-критического издания, составителем которого был ведущий текстолог К. А. Шидфар, издавший диван в 1975 году [11]. Это был результат первых трудов и достижений советского востоковедения по вопросам поддержки научно-критического издания поэтического наследия Камола Худжанди.

В статье “О творчестве Камола Худжанди” [5] впервые появилась более подробная биография и творческие особенности поэзии Камола Худжанди. Эта статья отличается от предыдущих трудов автора, прежде всего тем, что в ней уделяется особое внимание поэтическому мастерству, метрике газелей Камола, при рассмотрении которой он в основном опирается на труды иранского ученого Парвиза Нотила Хонлари. Значение этой статьи можно оценить как результат камоловедения в середине 50-х годов XX века, в котором впервые даётся объективная оценка спорам о взаимоотношений Камола Худжанди и Хасана Дехлави, почерпнутым из рассуждений великого поэта XV в. Абдуррахмана Джами в “Бахористоне”. Следовательно, на наш взгляд, труды И. С. Брагинского по таджикскому и русскому советскому камоловедению после работ С. Айни

и Ш. Хусейнзода заслуживают признания как сочинения, позволившие рассматривать вопросы камоловедения более глубоко и всесторонне. Сочинения этого прославленного востоковеда, несмотря на некоторые ограничения социальными проблемами, допущенных ошибок в тексте и повторений, имеют большую ценность в разработке теоретической концепции камоловедения.

В статье И. С. Брагинского “О периодизации истории персидской и таджикской литературы” (1960) научные выводы автора о наследии Камола Худжанди способствовали изложению теоретической концепции на базе общих проблем истории литературы.

На исследования русских камоловедов оказали влияние и сочинения чешского востоковеда Яна Рипки о Камоле в его «Истории персидско-таджикской литературы» (1956). Эта книга была переведена на ряд языков мира, в том числе на русский и персидский. На русском языке она вышла в 1970 году под редакцией И. С. Брагинского. В ней привлекает внимание собственный взгляд автора на Камола Худжанди и его поэзию, кроме того его рассуждения в разделе “Поэзия и ее формы”, где речь идет о лирических жанрах, стиле поэзии в трудах Бахора и Нафиси, о литературной среде Шираза. О взглядах Я. Рипки о Камоле интересны рассуждения иранского ученого Эраджа Гулисурхи.

Сочинения других советских литературоведов, связанные с таджикской литературой и написанные в период до 60-х годов XX в., в том числе А. Н. Болдырева [3], Л. И. Климовича [18], З. В. Пономаревой, З. А. Черных [15] и других также имеют значение в общем потоке камоловедения.

Таким образом, знакомство с жизнью и творчеством великого персидско-таджикского лирика XIV века Камолом Худжанди, отзывы о нем во всем мире и, в частности в русской литературе имеют давнюю и интересную историю и продолжают в течение двух веков. Войдя в этот великолепный мир поисков ученых Европы и России, можно исчерпать ценные сведения о жизни и творческой деятельности поэта и тем самым проложить путь к еще более серьезным поискам в этом направлении.

Использованная литература:

1. Аъзамзод, С. Баҳси Камоли Хучандӣ ва воқеияти илмӣи солҳои 20-40-уми садаи бист // Маводи конфронси байналмилалӣ “Камоли Хучандӣ: Ташаккули адабиётшиносӣ ва равобити адабӣ” (Хучанд, 28-29-уми октябри соли 2016). – Хучанд: Ношир, 2016. – С. 55-63.
2. Бертельс, Е. Очерки истории персидской литературы. – Ленинград: Издание Ленинградского восточного института имени А. С. Енукидзе, 1928. – 205 с. С. 110.
3. Болдирев, А. Н. Муқаддима // Ҳофизи Шерозӣ. Мунтахабот. – Сталинобод, 1940. – С. 3-8 (ба хати лотинӣ).
4. Брагинский, И. С. Раскрепощенные строки (Несколько штрихов к портрету подлинного Хафиза) // Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад, 1956. – С. 207-238.
5. Брагинский, И. С. О творчестве Камола Худжанди // Очерки из истории таджикской литературы. – Сталинабад, 1956. – С. 239-263.
6. Брагинский И. С. К изучению творчества Камола Худжанди: В связи с подготовкой критического издания его Дивана // КСИВ. – Москва, 1958. – №27. – С. 82-87.
7. Брагинский И. С. Камолуддин Масъуд (Из сочинения “Очерк о Хафизе, его эпохе и творчестве”) // Из истории таджикской и персидской литературы: Избранные работы. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 354-357.
8. Браун, Э. Камол Худжанди – Камолуддин Ибни Масъуд // Аз Саъдӣ то Ҷомӣ: Таърихи адабии Эрон аз нимаи қарни ҳафтум то охири қарни нухуми ҳиҷрӣ. Асри истилои муғул ва тотор [Тарҷума ва ҳавошӣ ба қалами Алӣ Асғар Ҳикмат]. Чопи дувум. – Техрон: Чопхонаи Донишгоҳ, 1339 ш. / 1960 м. – С. 423-444.
9. Гулевич, В. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 492 с.
10. Гулисурхӣ, Э. Муқаддима // Девони Камол Худжандӣ : Ибборат аз ду ҷилд / Бо эҳтимоми Эраҷи Гулисурхӣ. – Ҷ. 1. – Техрон: Суруш, 1374. – С. 3-154.
11. Девони Камоли Худжандӣ. В двух томах / Критический текст подготовлен К. Шидфар. – Москва: Дониш, Отделение восточной литературы, 1975. – 1062 с.

12. Крымский, А. Шейхъ Кямаледдинъ Ходжендскъй // Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософии: Отъ эпохи монголовъ Джингизъ-хана до водворенія Сефевидовъ въ Иранъ и «Великихъ моголовъ» въ Индѣи XVI-XV III в.: Труды по востоковѣдѣнію издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Т. III, №1-2.–Москва, 1914-1917.–С. 83; 97; 98; 101-102; 113. – X + 504 с.
13. Миннегулов Х. Ю. Литература улуса Джучи и постзолотоордынских татарских ханств // Туркология. – 2016. – № 3 (77). – С. 41-63.
14. Мирзоюнус, М. Перомуни тарчумаҳои русии ғазалиёти Камол Худжанди // Номаи Донишгоҳ. – 2016. – №3(48). – С. 70-77 – <https://cyberleninka.ru/article/n/on-russian-translations-of-kamoli-khujandi-ghazals/viewer>
15. Пономарева З. В., Черных З. А. Камол Худжанди // Таджикская литература: Рекомендательный указатель.–Москва, 1961.–С. 50-51.
16. Рипка, Я. Лирик Камол Худжанди и его друг, позднее «личный враг» мистик Магриби // История персидской и таджикской литературы / Под ред. Яна Рипка / Пер. с чешс. Н. А. Кондрашова и П. А. Клейнер. – Москва: «Прогресс», 1970. – С. 253-254.
17. Хайзер, А. Камоли Хучандӣ дар Аврупо // Фаслномаи илмӣ-адабии “Камол Худжанди”. – 2015. – №1(1). – С. 10-17.
18. Хрестоматия по литературе народов СССР / Составитель Л. И. Климович. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 830 с.
19. Шакурӣ, М. Хуросон аст, ин чо! Маънавият, забон ва эҳёи миллии тоҷикон. Нашри 2. – Душанбе, 2005. – 362 с.
20. Шакурӣ, М. Равшангари бузург: Ба 80-умин солгарди нашри “Намунаи адабиёти тоҷик”. – Душанбе: Адиб, 2006. – 340 с.
21. Эте, Ҳ. Ғазалсароӣ ва воқасин садаи шеърӣ форсӣ // Таърихи адабиёти форсӣ [Тарҷумаи Р. Шафак]. – Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва нашри китоб, 1337. – 368 с. С. 188.
22. Якубович, М. ФӢлософська думка Кримського ханства. – Киев, 2016. – С. 73-74.

1

Эта шумная улица кажется мне пустынной.
Нет друзей у меня, и разлука тому причиной.

Всё брошу, мечтая о милой отчизне...
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына.

Если ты над собой не видал чужеземного неба,
Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины!

Незнакомый язык... Непонятное пение птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина!

Как бесстрастны мы были к страданиям чужеземца,—
Ибо домом казалась любая родная долина.

Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой...
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!

Перевод И. Сельвинского

Дил муқими кӯи ҷонон асту ман ин ҷо ғариб,
Чун кунад бечораи мискин тани танҳо ғариб.

Орзуманди диёри хешаму ёрони хеш,
Дар ҷаҳон то чанд гардам бесару бепо ғариб?

Чун ту дар ғурбат наҷфтодӣ, ҷӣ донӣ ҳоли ман?
Меҳнати ғурбат надонад ҳеч кас, илло ғариб.

Ҳаргиз аз рӯи қарам рӯзе напурсидӣ, ки чист
Ҳоли зори мустаманди монда дур аз мо ғариб?

Чун дар ин даврон намеафтад касе бар ҳоли худ,
Дар чунин шаҳре, ки мебинӣ, кӣ афтад бо ғариб?

Дар ғарибӣ ҷон ба саҳтӣ медиҳад мискин Қамол,
Во ғарибӣ, во ғарибӣ, во ғарибӣ, во ғариб!

2

О, беспокойство снова и снова!
Дерзкая шутка мира земного!

Где твоя жалость, ветреный идол?
Кто ты – не может выразить слово.

Камень не мог бы вытерпеть столько!
Нет, не знавал я в жизни такого...

Боль причиняешь, вновь покидаешь,
К выходкам резвым вечно готова!

Если умру я в горькой разлуке,
Ты и не вспомнишь смеха бывшего...

Слез моих жемчуг топчешь ногами;
«Что ж, – отвечаешь, – в этом дурного?»

О, не печалься из-за Камола:
Быть одиноким – вовсе не ново!

Перевод А. Адалис

Ошӯби ҷонӣ, шӯхи ҷаҳонӣ,
Безътиқодӣ, номехрубонӣ.

Аз пеши хешам то чанд ронӣ,
Заҳри фироқам то кай чашонӣ?

Ман меҳр варзам, оре, ман инам,
Ту кина варзӣ, оре, ту онӣ.

Гоҳам навозӣ, гоҳам гудозӣ,
Гоҳе чунинӣ, гоҳе чунонӣ.

Бе ҷурм куштан ҳар дам якеро
Натвон, валекин ту метавонӣ.

З-ин сон, ки дорӣ аз хеш дурам,
Гар мирам аз ғам, аз ман надонӣ.

Гуфтам: Нисорат созам дури ашк.
Гуфто: Чӣ гӯям? Дур мечаконӣ!

Бо ту чӣ монад Хизру Масеҳо,
Умре ту ҳаргиз бо кас намонӣ.

Гар аз Камол, эй муънис, малӯлӣ,
Рафтам зи кӯят, бурдам гаронӣ.

3

Едва подует ветер с гор – он лепестки цветов сорвет,
Вода в арыках забурлит – роса на розу упадет.

Расцвета розы ждет нарцисс – он тоже расцветет тогда,
Молчат самшит и кипарис, лишь соловей поет тогда.

Хвала тому, кто услышал дыхание садов весной,
Познал благоуханье роз и соловьиный зов ночной.

Придет красавица в луга сказать, что я недаром жду,
Что плод желания созрел, и роза расцвела в саду.

Но каждый, кто хоть раз видал ее лицо в тени волос.
Теряя разум, забывал и кипарис, и запах роз!

Уста затмить своей красой напрасно пожелал цветок,
С куста садовник рвет цветы, и ветер к лепесткам жесток.

Камол, пусть вянет жизнь твоя, как вянут от ветров цветы.
Обрел ты счастье на земле – цветенье розы, видел ты!

Перевод А. Адалис

Боз гул доман ба дасти ошиқони худ ниҳод,
Гунча лаб бикшуду булбулро ба боғ овоз дод.

Абр дурҳои Адан пеши гулу савсан кашид,
Бод дарҳои чаман бар рӯи гулбӯён кушод.

Сарви мо барқард ногаҳ сар зи сахни бӯстон,
Пеши ӯ ҳар ҷо дарахте буд, бар по истод.

Гул ҳикоят карду сарв аз нозукиву лутфи ёр,
Об гирён омаду дар пои ину он фитод.

Дар биҳишту боғ хуш бошад майи чун Салсабил,
Хоса аз дасти бутони гулрухи ҳуринаҷод.

Ҳар баҳореро, ки ҳаст, эй дил, ҳазоне дар пай аст,
Хуш баро рӯзе ду чун гул бо рухи хандону шод.

Бар варақ дорад гули рангин бихон ин хат, Камол,
Шод зӣ, чун умр бод аст, эй бародар, умрбод!

4

Тропою мужества, друзья, направимся назло сомненьям,
На щедрый дастархан с вином молитвенную утварь
сменим!

Весна и молодость теперь, пора для радостей настала!
Дать бой когда, как не сейчас – благословенным
днем весенним?

Мы, винопийцы, отрелись от злого отречения снова!
Ханжам урок преподадим без нетерпенья и с умением.

«Закон» и «вера» – звук пустой – на звуки лютни переложим
В живую воду превратим слова, подобные камням!

Мы, словно ищущий Лейли, неуловимого желаем:
Меджнуны в поисках бредут с неутомимым
исступлением...

Нам птицы с пиршества небес приносят вести о
любимых:
Найдут ли постники приют, взбираясь к небу по
ступеням?

– Камол, ты в книгах у святош видал божественное имя...
Забудь! Не надо этих книг: И в грош мы ханжества
не ценим!

Перевод А. Адалис

Мо бисоти неқномӣ боз тай хоҳем кард,
Хирқаву сачҷода раҳни нуқлу май хоҳем кард.

Зухду тақво сарбасар в-ин ному он овозаро
Дар сари овози ҷангу бонги най хоҳем кард.

Навбаҳор асту ҷавониву авони ошиқӣ,
Гар кунун нақнем тарки тавба, кай хоҳем кард?

Гар ба зоҳид риндиву мастӣ намекардем фош,
Баъд аз ин ин корҳо дар пеши вай хоҳем кард.

Май чу Лайлӣ гар шавад дар шаҳри мо душворёб,
Мо чу Мачнун ҷустуҷӯяш ҳай ба ҳай хоҳем кард,

Пеши мо пайке, ки орад муждаи иқболи ёр,
Номи он пайки муборак неқпай хоҳем кард.

Чун расад дар дафтари зуҳҳод номи мо, Камол,
Он варақ гардон, ки мо он нома тай хоҳем кард.

5

Когда б еще желать я мог, уста твои узнать я мог,
Как Хизр, в благоговении в них жажду б утолять я мог!

С тех пор, как о тебе одной я думаю, беда со мной!
Как за одно мгновение все годы потерять я мог?

Неизлечимого лечить твоим бы косам поручить, –
По их обыкновению себя я усмирять бы мог!

Себя вот так же за тобой хотел бы по пятам влачить –
Быть может, исступление, смиряясь, обуздать я мог?

В Ходжент иди и удостой сказать, друзей моих собрав,
Что плен и притеснение в Китае испытать я мог.

Ты нищему, как я, – урок, что знатную любить не в мочь,
Как горько объяснение, – не сразу рассчитать я мог!

Перевод А. Адалис

Гар коми худ аз лабат бигирам,
Чун Хизр ба солҳо намирам.

З-он дам, ки ту омадӣ ба хотир,
Фикри ҳама рафт аз замирам.

Дорам зи ғами ту бар дили реш
Дарде, ки даво наменпазирам.

Чун зулфи ту гирд оям аз пой,
Ҳам зулфи ту бод дастгирам!

Эй боди баҳор, к-аз ту хушбӯст
Маҷлис ба равоеҳи абирам,

Бигзар ба Хучанду гӯ ба ёрон
Аз ман, ки ба шаҳри Чин асирам.

З-он бурд Камол, ҷавр аз он шӯх,
К-ӯ мухташам асту ман фақирам.

6

Эти брови арканом взвились, чтобы сердце мое
притянуть, –
Чьей-то волей заброшен аркан, чтобы крепче меня
притянуть!

В мире каждая тянется тварь к соответствию своему,
Ты арканом своих волос можешь всякого притянуть!

Вырубал на камне Фархад образ милой своей, но твой
Все чертил бы он на воде, чтобы время грез протянуть...

Улыбнись! Продавец сластей уберется с базара прочь,
Если сахар темнее зубов, чем же лакомок притянуть?

Как упорный, большой муравей тащит найденное зерно,
Так и родинка милой моей, может сердце мое утянуть!

Как посмею тебя воспевать, если голос от плача охрип?
Я могу лишь стоять у дверей, надоедливый стон тянуть...

День прошел, и звезда зажглась для соперника моего!
Если ранен в сердце Камол, сколько может он протянуть?

Перевод А. Адалис

Пайваста абрӯят дили ин нотавон кашад,
Мардум камон кашанду маро он камон кашад.

Ҳар чинсро, ки ҳаст, кашад дил ба чинси хеш,
З-онат каманди мӯ тарафи он миён кашад.

Фарҳод нақши ёри худ ар мезадӣ ба санг,
Нақши рухи ту дида бар оби равон кашад.

Бикшой лаб ба ханда ту пеши шакарфурӯш,
То рахти худ ба хона зи пеши дукон кашад.

З-он сон, ки сӯи хеш кашад мӯр донаро,
Хатти ту донаҳои дили мо чунон кашад.

Овози мо зи гиряи бисёр нам кашид,
Ошиқ дигар чӣ гуна бар он дар фиғон кашад?

Сӯзад дубора ахтари баргаштаи ракиб,
Шабҳо Камол оҳ чу бар осмон кашад.

Ветер цветенье ветвей сорвал, бросил цветочный град,
Стала зеленой вода, надев тонкий, как пар, наряд.

Роза открыла свое лицо, очи открыл нарцисс,
Тянутся ввысь кипарис и бук, петль соловей рад!

Благо сердцу тому, о друг, что благо другим дарит:
Слышит оно соловья весной, слышит роз аромат!

Друг мой пришел ко мне и принес сердцу благую весть:
Розу желающую расцвести, принял желанный сад!

Всем пожертвует, кто видал стан и лицо любви, –
Бросит и розу, и кипарис, вихрем ее объят...

На лепестках я желал писать, – вихрь взорвал листки
Ветер розу убрал с куста – знаю, он виноват!

Буря и ветер – убийцы роз; жизнь такова, Камол!
Край одеянья ушел из рук, пусть и желанья спят...

Перевод А. Адалис

Бод гулбез шуду бар сари гул жола чакид,
Об дар чӯву зи пиромуни чӯ сабза дамид.

Гул зи рух пардаву наргис ба чаман чашм кушод,
Сарви шамшод қаду мурғи чаман нола кашид.

Хуррам он дил, ки баҳорон паи тартиби димоғ
Бонги мурғи чаману бўи гули тоза шунид.

Бод сӯи чаман омад, ки диҳад мужда, ки боз
Гул ба бустону ба гул меваи мақсуд расид.

Ҳар ки дид он қаду ораз, зи чаман оҳзанон
Аввал аз чону сар, он гаҳ зи гулу сарв бурид.

Бо ту гул дафтари худ хост, ки гирад ба ҳисоб,
Боғбон он варақу бод ба гул дарпечид.

Умр чун даври гул аз боди ҳаво рафту Камол
Доман аз ёру ба доман гули мақсуд начид.

8

Ты – сердцу лекарь и недуг: спокойным было без тебя,
Но ты – спасение от мук, и все постыло без тебя!

Водой Ефрата стал бы яд, полученный из милых рук,
Но ключ живой воды – рассол, где жизнь застыла без тебя!

Мой прах с кудрей твоих стряхни! Увы, базарная толпа
В Китае мускуса, о друг, не оценила без тебя!

В бутылки спрятав, сохранить светильник огненный нельзя, –
И в сердце в горестях разлук свой пыл открыло без тебя!

Да будет пыль твоих следов венцом на голову мою!
Венчала б худшего из слуг какая сила без тебя!

Камол султанам не слуга: им дела нет до бедняков!
Ты ж озаряешь все вокруг, и мир – могила без тебя!

Перевод А. Адалис

Дил, ки шуд з-он зулф савдоимизоч,
Несташ ғайр аз ту маъчуне илоҷ.

Заҳри ноб аз дасти ту азби Фурот,
Бе ту оби зиндагӣ милҳи учоҷ.

Зулфат аз доман фишонд он хоки по,
Нест, оре, мушкро дар Чин ривоҷ.

Рози хуснат чун бипӯшонад дилам,
Кай шавад мисбоҳ пинҳон дар зучоҷ!?

Он рух аз хубон барад шатранчи хусн,
Гарчи бошад ҳар якеро рух зи оч.

Хоки поят бар сарам тоҷи Кай аст,
Инчунин сар кай бувад муҳтоҷи тоҷ?

Дасти султонон намебӯсад Камол,
Нест султонро ба дарвеш эҳтиёҷ.

Глазами ты знак подала – путь пожару открыть!
Разбойничьи пальцы кудрей мне грозят – все горит!

Что бедный Махмуд виноват, ставший узником страсти?
Лишь кудри Айёза – причина всех мук и обид!

Лучи красы – виновники роста желаний,
До звезд им расти твой безжалостный образ велит!

Терпением был я – бродяга – и смолоду беден,
А нынче безумен, а завтра и богом забыт!

О рае мечтал я, покуда тебя не увидел,
Но стройных, как ты, кипарисов мне рай не сулит!

Пошел я к врачу попросить от мучений лекарства,
Но лекарь сбежал, потому что я плакал навзрыд!

Камол! Даже муха сухой твоей плоти не тронет:
Ты стал паутине подобен и страшен на вид!

Перевод А. Адалис

Чашмат ба саъйи ғамза дари фитна боз кард,
Зулфат ба зулм дасти татовул дароз кард.

Маҳмудро чӣ ҷурм, ки шуд пойбанди ишқ?
Он фитнаҳо ҳама сари зулфи Аёз кард.

Гӯянд, ноз сард кунад меҳру ишқи ман
Шуд бештар ба рӯи ту, чандон ки ноз кард.

Ман дар замона появу кадре надоштам,
Савдои қомати ту маро сарфароз кард.

Рӯи ту бурд аз дилам андешаи бихишт,
Нози ту аз наим маро бениёз кард.

Рафтам бари табиб, ки пурсам илочи дард,
Чун нолаам шунид, равон дар фароз кард.

Наншаст бар вучуди заифат магас, Камол,
Аз тори анкабут магас эҳтироз кард.

10

Словно вечная молодость, старость моя – от любви!
Сиротою души не осталась ничья от любви!

Славлю щедрость твою за обещанный мне поцелуй,-
Отдал сто своих душ, ничего не тая от любви!

Нет ни атома в сердце моем, что не дышит тобой,
Капли я не сберег своего бытия от любви!

Днем и ночью молюсь этим гнутым, как луки, бровям,
Мимо цели стрела! Пьяны ты или я, от любви?

Вызволь душу из тела, иль тело от духа избавь,
Не скрывайся, молю тебя, слезы, лия от любви...

Как бедны мы терпением, – страстью богаты зато,
Нам и скрыться нельзя ни в какие края от любви.

В день Суда, не рыдай, веселись, как безгрешный, Камол!
Кудри друга в руках, и пришел Судия от любви!

Перевод А. Адалис

Аз ошиқӣ ҳамеша ҷавон аст пири мо,
Холӣ мабод ишқи бутон аз замири мо.

Бо он ки чун чароғи сахар шуд ҷавонамарг,
Ҳам дер зист муддаии зудмири мо.

Сад ҷон зи мо ситонду ба як бўса ваъда дод
Бисёрбахш дилбари андакпазири мо.

Дар дил ба кадри зарра нағунчад ҳаёли ғайр,
К-аз меҳри ӯ пур аст замири мунири мо.

То кай дуои васли камонабрувон кунем,
Чун бар нишона ҳеч наҷфтод тири мо?

Ҷонро чу нест аз тану танро зи ҷон гузир,
Аз мо чудо машав дигар, эй ногузири мо!

Дорем сабр андаку беш аз шумор шавқ,
Пӯшида нест аз ту қалилу касири мо.

Рӯзи ҳисоб ғам нахӯрем аз гунаҳ, Камол,
Ғар икди зулфи ёр бувад дастгири мо.

11

Счастья без этих слов и мук пусть не имеем мы!
Только оплакивать скорбь разлук и разумеем мы...

Влажными стали у нас глаза и запеклись уста,
Высохли наши и плоть и кровь – так пламенеем мы!

Нищими сделала нас любовь, но не хотим богатств,
Бросив сокровищедвух миров не оскудеем мы!

Сердце покинуло грудь мою, кто же теперь мой друг?
Ветер, несущий слова любви, – слушать умеем мы...

Если в кадилънице горя ты сердце мое сожжешь.
Скажут, что твой аромат в золе вечно лелеем мы...

Радостно мне, что другого ты спрашиваешь обо мне:
«Нищего гнать от своих дверей разве не смеем мы?»

Перевод А. Адалис

Бе ғамат шод мабод ин дили ғампарвари мо,
Ғам хур, эй дил, ки ба чуз ғам набувад дар(х)вари мо.

Дардмандему хабар медиҳад аз сӯзи дарун
Даҳани хушку лаби ташнаву чашми тари мо.

Муфлисонем, ки дар давлати савдои ғамат
Ҳосили ҳар ду чаҳон ҳеч наярзад бари мо.

Гар ту дар мичмараи ғам дили мо сӯзонӣ,
Ҳамчунон бӯи ту ёбанд зи хокистари мо.

Мекунам шоҳӣ аз он рӯз, ки гуфтӣ ба рақиб,
К-ин гадоест, ки ҳаргиз наравад аз дари мо.

Дили мо гум шуду чуз бод наёбем касе,
Ки шавад ранҷаву орад хабари дил бари мо.

Қимати суҳбати мо дон, ки ҳамин дам бошад,
Ки барад ҳаҷри ту аз кӯи ту дарди сари мо.

Узри соҳибназаронат шавад он дам равшан,
Ки бубинад маҳи рӯи ту маломатгари мо.

Сифати рӯи ту то дар қалам овард Камол,
Гул барад нусхаи ҳусн аз варақи дафтари мо.

12

Где Кааба моя? – Улица та, где она живет?
Мне дождаться её, господи, дай у ворот!

Виноват ли я, если сердце мое заблудилось там?
Виноват ли я, что пустым словам я теряю счет?

Обезумел я, по ночам бродя по дурным местам!
Здесь не роща роз – только лес шипов для меня растет!

Власяница на мне – шелк и парча, если ты со мной,
Но парчовый шелк, если нет тебя, мои плечи жжет!

От полы твоей золотой лоскут на шипах повис, –
Пусть к одежде своей дервиш-бедняк лепесток пришьёт!

Я взглянуть на нее ненароком шел, а теперь в плену...
Кто еще, как я, изучить сумел их бесовский род?

Не тревожь простаков и невежд не тронь, о Камол!
И зерно ты жемчужное птицам не сыпь, сумасброд.

Перевод А. Адалис

Каъбаи кӯяш мурод аст ин дили овораро,
Бо муроди дил расон, ё Раб, мани бечораро.

Дил дар он кӯ рафту шуд овора, ман ҳам меравам,
То аз он оворатар созам дили овораро.

Дар миёни хору хоро гар туй ҳамроҳи ман,
Гул шиносам хорро, дебо шуморам хораро.

Гар аз он доман бад-ин дарвеш васле мерасид,
Васлае медӯхтам ин ҷони пора-пораро.

Сӯи зулфаш рафтаму дидам, ки дар банди дил аст,
Ҷуз мани шабрав кӣ донад макри ин айёрано?

Пеши ноаҳлон чӣ ҳосил зикри пурдонӣ, Камол,
Донаи гавҳар чӣ резӣ мурғи арзанхораро?

13

Где солнце дневное проходит, там ночью луна,
Где атом кружится, там солнца природа видна!

Привратник уйди! Я – под сенью заветной стены,
Светило придет – и свиданий придут времена!

Увидело солнце красавицы утренний лик –
С тех пор и попытка надеть покрывало – смешна:

Сквозь щелку врываясь, ликующий луч говорит:
«С тобой не расстанусь!» – и ты его гнать не должна.

Давно уже солнце за тучей волнистых волос, –
Распутай скорее, мне света улыбка нужна!

И молвил Камол: «Голова закружилась, болит!»
Сказала: «Не надо, при солнце гулять допьяна!»

Перевод А. Адалис

Бо рухи он маҳ ба даъво гар барояд офтоб,
Кай намояд зарра, ҳар ҷо рух намояд офтоб?

Сӯхтам аз ҳасрат, эй абр, афкан он ҷо сояе,
То дигар бар хоки пояш рух насояд офтоб.

Ту рав, эй дарбон, ки ман дар сояи девори ӯ
Менишинам мунтазир чандон, ки ояд офтоб.

Баъд аз он, к-он рӯи равшан офтоб аз дур дид,
Гар бар ӯ бандӣ дар, аз равзан дарояд офтоб.

Офтоб ар гӯядат: Ман бо ту мемонам. Маранҷ!
Худ ба худ гарм аст, худро меситояд офтоб.

Дар сари зулфат гирифтаст офтоб аз дер боз,
Ҳалқае бикшо аз он мӯ, то кушояд офтоб.

Мекашад баҳри ту, гуфтам, дарди сар доим, Камол,
Гуфт: Нашнидӣ, ки дарди сар фазояд офтоб?

14

Та, что вечно ускользала, где она теперь?
Добрым людям не сказала, где она теперь...

Над бессонным изголовьем ранний ветерок!
От отчаянья спасала... где она теперь?

В ней одной – недуг и лекарь, а спасенья нет!
Исцеляла и терзала, где она теперь?

Сердце приняло царицу в келью бедняка,
Удержать ее дерзало, – где она теперь?

В мир разрушенный из храма жить ушла душа,
Как жестоко наказала! Где она теперь?

Не найдешь Камола в келье, нет и в кабаке...
Та, что плакать приказала, где она теперь?

Перевод А. Адалис

Он шӯх, ки рафт аз бари мо, боз кучо рафт?
Дур аз назари аҳли вафо боз кучо рафт?

Чон тозакунон бар сари болини заифон
Ноомада, чун боди сабо боз кучо рафт?

Дарди дили ранчури маро з-он лаби чонбахш
Нодода башорат ба шифо, боз кучо рафт?

Он шоҳ, к-аз ӯ хонаи дил шоҳнишин буд,
Аз кулбаи аҳзони гадо боз кучо рафт?

Шаҳбозсифат кард бaсе сайд дилу боз
Бигрифт ба тарки ҳама, то боз кучо рафт?

Дил рафт ба бўи ту зи масҷид ба харобот,
Бечора, назар кун, зи кучо боз кучо рафт?

Ҳам майкада, ҳам савмаъа холӣ зи Камол аст,
То аз ту ба зориву дуо боз кучо рафт?

15

Где базилик растет с подобным ароматом?
Есть мускус ли такой в Китае тароватом?

Слова не так нежны, как шелк ее волос,
И мысль не так длинна в умишке небогатом.

С луной тебя сравнить? Нет родинок у ней,
Лишь пятна на луне, подобные заплатам...

Сказать: «Ты – кипарис?» Но лишь с тобой сравню –
И тут же кипарис мне кажется горбатым...

Мой одинокий сон – мучение и бред,
Подушкам я не рад, ненужным и помятым...

И взор моих очей, что был открыт на мир,
Вмещает лишь тебя... Кто будет мне вожатым?

Не ради похвалы усердствует Камол,
И клетка не нужна словам его крылатым...

Плодами с давних пор прославился Ходжент, –
Всех слаще красота на пиршестве богатым!

Перевод А. Адалис

Инчунин мушк дар ҳама Чин нест
В-ин ҳама атр дар раёҳин нест.

Ин сухан шаммаест з-он сари зулф,
Гарчи фикре дарозтар з-ин нест.

Гар бигӯям ба моҳ мемонӣ,
Моҳро хатту холи мушкин нест.

Агарат сарви бўстон хонам,
Бар сари сарв себи симин нест.

Бо хаёли ту хобро шаби ҳачр
Қой дар дидаи ҷаҳонбин нест.

Ройи болин намекунад сари мо,
Сари ошиқ барои болин нест.

Мевае, к-аз Хучанд меоранд,
Инчунин обдору ширин нест.

Офарин бар иборати ту, Камол,
Худ туро эҳтиёҷи таҳсин нест.

Фиалка – лишь опора для древа аргуван,
А гиацинт тюльпану – быть опахалом дан!

Ведь ларчик из коралла – уста твои, дитя,
А в нем – набор жемчужин, и это не обман!

Есть в небе полумесяц, но у тебя их два
При полном свете солнца!... А я попал в туман.

Лицо, глаза и брови – собрание светил,
А каждый длинный локон – из их лучей аркан!

Помешанному снится идущий кипарис,
Не я ли с кипарисом твой сравниваю стан?

Я спутал – это волос иль талия твоя?
Как властвует, однако, над разумом дурман!

Болтливым попугаем, красавица, я стал!
За сахарное слово дай сахару! Я пьян...

О, страх перед разлукой! Тебя увозит вдаль
Восходов и закатов бредущий караван...

О, идол безмятежный, безумца не дразни!
Он – самоистязатель, сгорающий от ран.

Пойми –пока ты шутишь, неистовствует он,
Как зверь, еще грызущий в отчаяньи капкан

Освободи Камола!... На волю отпусти!...
Увы, и ты не в силах спасти его, тиран!...

Перевод А. Адалис

Бунафша дастае бар аргувон аст,
Ғарат бар лола сунбул соябон аст.

Лаб аст он, ё ақиқ он дурчи ёкут,
Ки дар вай луълуи лоло ниҳон аст?

Ҳилолат абрӯву хуршед талъат,
Изорат моҳу қад сарви равон аст.

Дилам зулфи парешонат чу бирбуд,
Маро ошуфтагии кор аз он аст.

Миёну мӯи ту фарқе надоранд,
Кӣ медонад, ки он мӯй, ин миён аст?

Будо, ҳар дам макун қасди равонам,
Агарчи ҳукми ту бар ман равон аст.

Маҷӯ аз ман ҷудой, эй дилором,
Ки дидорат маро ороми ҷон аст.

Наям аз ғамзаат эмин замоне,
Чу чашмат фитнаи охирзамон аст.

Камол аз шавқи лаъли шаккаринат,
Бағоят тӯтии ширинзабон аст.

17

Скажите друзьям, что я болен, а целебного зелья нет!
Скажите, что лекаря-друга над печальной постелью нет!

Ресницами стрел я ранен и пламенем глаз обожжен,
А той, что лечила бы смехом, полным веселья, – нет!

Ах, в городе гурий красивых – чужестранец совсем один,
Как будто бы правоверному здесь новоселья нет!

Пусть розы в садах не найдется – соперницей быть твоей,
И мне соловья – соперника с волшебной свирелью – нет!

– Не плачь, о Камол, – советуешь? Ослеп я уже от слез,
А здесь ни лекарств, ни лекаря в горестной келье нет!

Перевод А. Адалис

Дарди ман гӯед бо ёрон, ки дармон ёфт нест,
Ёр дармон аст, дармон чист, чун он ёфт нест?

Бар ҷароҳатҳои пайкон хастаи он ғамзари
Нӯшдорӯ ҷуз дар он лабҳои хандон ёфт нест.

Дил Сикандарвор хоҳад ташналаб
 чон барфишонд,
 Аз даҳонаш чун нишони оби ҳайвон ёфт нест.

Кас намеёбам, ки раҳме бар ғарибон оварад,
Гӯиё, дар шаҳри хубон як мусалмон ёфт нест.

Пеши болоят ҳадисе рост гӯему равон,
Инчунин сарви равон дар ҳеч бустон ёфт нест.

Дар чаманҳо гар намеёбанд чун рӯят гуле,
Андалебе низ чун ман дар гулистон ёфт нест.

Гуфтай: Бе хоки поям чанд мегирӣй, Камол?
Чун нагирам, чун илочи чашми гирён ёфт нест?!

18

Твой стан – поэта сердце, уста – его душа,
Поэтому – и только! – ты дивно хороша!

Я в сердце ранен взглядом – какой глубокий шрам
Отдай-ка мне другое, понравиться спеша!

Я сердце птицей вещей, бахвальствуя, назвал...
– Зато охотник ловок! – сказала госпожа...

Знак мастерской Камола – изящество стиха,
А все, что будет после, – не стоит ни гроша!

Перевод А. Адалис

Сарви қаддат равон, лабат чон аст,
Чони ман ин, равони ман он аст.

Ҳалқа-ҳалқа агар на масти туанд,
Дурри гӯши ту аз чӣ ғалтон аст?

Ёдгорам зи тири ғамзаи ту,
Бар дили хаста доғи пайкон аст.

Ишқи мо бар хатат, ки нест ҳанӯз
Сӯзи пайдову дуди пинҳон аст.

Дида дар илми гиря дарёест,
Ин маъонӣ на ҳадди борон аст.

Гуфтамаш: Мурғи зирак аст дилам.
Гуфт: Сайёд низ пурдон аст.

Гуфтам: Он миму ҳост, рӯй битофт,
Бингаредаш, ки чун сухандон аст.

Хатм шуд бар Камол лутфи сухан,
Ҳар чӣ баъд аз камол, нуқсон аст.

19

Пусть горем я охвачен, печаль – моя отрада,
Мне, пленному, спасенья от плена и не надо!

Бесчинство этой жизни, разрушенной тобою,
Стократ благополучней спокойного уклада!

Ты судишь незаконно, казнишь несправедливо,
Но лучше я не знаю закона и обряда!

«Мне раб такой не нужен, ступай, – твердишь, – на волю»,
Но рабство у любимой – от вольности ограда!

Душа твоя изменам глаза твои учила, –
Теперь ты ловкий мастер убийственного взгляда?

Ты знаешь, сердце стало затравленную дичью,
Таков закон охоты! Где ловчему преграда?

Камол, оставь надежды! Тяжка твоя дорога,
Но, не пройдя пустыни – добраться ли до сада.

Перевод А. Адалис

Ғамат дорам, маро шодӣ ҳамин аст,
Зи бахтам ҷои озодӣ ҳамин аст.

Зи бедодат харобобод шуд дил,
Дар ин вайрона ободӣ ҳамин аст.

Агар бедод натвон кард гуфтӣ,
Маро дод аз ту, бедодӣ ҳамин аст.

Туро дар дил зи мо, гуфтӣ, чӣ шодист?
Ғуломи туст дил, шодӣ ҳамин аст.

Накӯ омӯхт чашмат аз ту шева,
Дар ин шогирдӣ устодӣ ҳамин аст.

Зи ман пурсӣ дилат чун сайд кардам?
Чӣ гӯям, ҳадди сайёдӣ ҳамин аст.

Камол, аз худ бибур, он гаҳ рав ин роҳ,
Ки қатъи ин чунин водӣ ҳамин аст.

Почудилось розе благоуханье рубашки твоей –
И, ворот тугой разорвав на себе, вздохнула сильней.

Увидела тех, кто весной на полянах любит гулять, –
Атласным подолом коснулась ладоней людей!

Луна молодая редко в небе гуляет, стыдась:
Куда уж ей до совершенства твоих бровей?...

Когда ты напишешь об этих рубиновых алых устах,
Пусть кровь, а не киноварь каплет с каляма, о грамотей!

Стрела из колчана, полного стрел, поразила меня,
Но если бы сотня их в сердце вонзилась – и то не
больней!

Никем сотворенными быть не могли такие уста,
Лишь воле творящего из ничего – поклониться сумеи!...

С израненным сердцем Камол не твердит – пощади!
Увы, не надеясь, он молит о смерти кинжалы очей!

Перевод А. Адалис

Гул аз пероҳанат бӯе шунидаст,
Гиребон аз барои он даридаст.

Надидаст он даҳон ҳеч офарида,
Ба ҳукми он ки аз ҳеч офаридаст.

Маҳи нав бар фалак ҳам менамояд,
Магар аз дур абрӯи ту дидаст!?

Чу дид андар чаман доманкашонат,
Зи ҳусну лутфи худ доман кашидаст.

Ҳадисе аз лабат ҳар кас, ки бинвишт,
Зи килкаш бар варақ сурхӣ чакидаст.

Зи чандон тир, к-андар таркаши туст,
Мани бекешро тире расидаст.

Камол аз ғусса худро кушт, гӯй;
Умеди куштан аз теғат буридаст.

21

Душе уста – рубины милей самой души!
Стройней ты кипарисов – их славу сокруши!

Спроси смелее, сердце, у той, чей лик – любовь:
– Что красоты красивей? Загадку разреши!

Приходы и уходы внезапные твои
Приятней дуновенья в полуденной тиши...

Взгляни на сердце друга, душа моя, скорей:
О, как оно прекрасно, цветущее в глуши!

Хорош рассказ Камола, но милые уста,
Его передавая, стократно хороши!

Перевод А. Адалис

Лаъли чонбахшат зи чон нозуктар аст,
Қаддат аз сарви равон нозуктар аст.

Эй дили нозукмизоч аз рӯи хуб
Он талаб, к-аз ҳусн он нозуктар аст.

Омадан ҳар дам ба нозу рафтанат
Аз насими қонфишон нозуктар аст.

Алҳақ аз сарриштаи борик ҳам
Сад бирешим он миён нозуктар аст.

Ноз кам кун бо чунин дил, қони ман,
Худ чӣ дил, к-аз қони қон нозуктар аст.

Барги гул чандон ки дорад нозукӣ,
Хотири булбул аз он нозуктар аст.

Гарчи нозук нуктае гуфтӣ, Камол,
З-ин ҳикоят он даҳон нозуктар аст.

22

Едва родившись, плачем... как этот мир свиреп!
Безумен, пьян и мрачен запущенный вертеп.

Утешимся, коснувшись возлюбленных кудрей, –
Лишь так, а не иначе для смерти ты окреп!

С обманом равнозначен законников обряд, –
Любовь разбила чашу благочестивых треб!

Ни сказочного древа, ни рая не хотим...
Мир сплетней одурачен, и слух о нас – нелеп!

Здесь лик любимой – правда, а все иное ложь.
Тот не указчик зрячим, кто безнадежно слеп!

Камол – не грешник, – пленник в оковах красоты,
Удел ему назначен превыше всех судеб!

Перевод А. Адалис

Мо дар ин дайр фитодем ҳам аз рӯзи аласт
Ринду девонаву қаллошу хароботию маст.

Меҳнати мо-ҳама давлат, ғами мо-ҷумла нишот,
Ҳастии мо-ҳама не, нестии мо-ҳама ҳаст.

Як нафас дар ҳама олам нанишинем зи пой,
То наёрем сари зулфи дилором ба даст.

Обрӯе нашуд аз зухди риёи моро,
Соқии ишқ чу паймонаи номус шикаст.

Ишқро дар ҳарами Каъбаи мақсуд якест
Ринди майхонанишин, зоҳиди сачҷодапараст.

Нест моро сари тӯбову таманнои бихишт,
Шеваи мардуми ноаҳл бувад ҳиммати паст.

Зоҳидон ҷои нишаст арчи ба ҷаннат доранд,
Ошиқонро набувад дар ду ҷаҳон ҷои нишаст.

Ҳар ҷӣ дар чашм ба ҷуз сурати маъшук, хатост.
Ҳар ҷӣ дар даст ба ҷуз домани мақсуд, бад аст.

Гарчи зад сурати хубон раҳи ақли ту, Камол,
Нек буд он ҳама сурат чу ба маънӣ пайваст.

23

Дружить с божествами, чьи радостны лица, желаю!
Приди, виночерпий! – с вином подружиться желаю.

Где чанг полнозвучный – наставник с изогнутым станом?
Его красноречием вновь насладиться желаю!

Друзья упоения – лютня и сок винограда,
Как с единоверцами, с ними я слиться желаю!

Вчера еще песня мой слух опьяненный пленяла,
Пушай, о певец, это вновь повторится, – желаю!

Как меткие копья – ресницы играющей пери:
Дать собственной крови из сердца пролиться желаю!

Мир – тесная клетка, а воздух страны твоей сладок,
Туда улетела б души моей птица. Желаю!

Поменьше болтай, о Камол, с вожаком каравана,
От хитрых тавризцев в Шираз удалиться желаю!

Перевод А. Адалис

Васли бутони хонабарандозам орзуст,
Соқӣ, биё, ки бодаи дамсозам орзуст.

Чанги хамидақомати бисёргӯ кучост,
К-он пири хушкмағзи таровозам орзуст?!

Май хуш ҳарифи мастнавоз асту чанг низ,
Инҳо ба як ду маҳрами ҳамрозам орзуст.

Дӯшам ба як-ду нағма чӣ хушвақт сохт чанг,
Эй мутриб, он ду нағмаи хуш бозам орзуст.

Дар қалби найзабозии мижғони он ҳариф
Хунрезии ду чашми назарбозам орзуст.

Бар мурғи ҷон фазои ҷаҳон аст чун қафас,
То дар ҳавои кӯи ту парвозам орзуст.

Аз баҳри поси хотири Табрезиён, Камол,
Бо сорбон мағӯй, ки Шерозам орзуст.

От тебя вдалеке – влаги в жаждущем теле не стало,
Силы в сердце, стучащем во сне еле-еле, – не стало!

Что ты в памяти бродишь? Клянусь я своими глазами:
Сна в глазах у меня, что тебя разглядели, не стало!

Ночью ветер развеял твои цветоносные кудри,
И блеснуло лицо, и луны в самом деле не стало!

Утром ветер случайно повеял твоим ароматом, –
Ничего у цветов, чем когда-то владели, не стало!

Я надежды оставил, – и мне осчастливиться нечем:
Колдовского орудия дивных веселий не стало!

Прогоните Камола от двери питейного дома:
Мне не нужно вина: Но тебя неужели не стало?

Перевод А. Адалис

Бе лабат дар чигари ташнадилон об намонд,
Бе сари зулфи ту дар риштаи чон тоб намонд.

То хаёли рухат афтод ба хотир моро,
Ба ду чашми ту, ки дар дидаи мо хоб намонд.

Бар сари зулфи ту бигзашт шабе бод вазон,
Гирахе боз шуду равнаки маҳтоб намонд.

Дар чаман боди сабо бӯи ту оварду зи шарм
Ранг дар рӯи гулу лолаи сероб намонд.

Давлати васли ту рафт аз сару шуд айш ҳаром,
Комронӣ натавон кард, чу асбоб намонд.

Мухтасиб, гӯ, дари масҷид ба гил имрӯз барор,
Ки зи абрӯи ту моро сари меҳроб намонд.

Гӯ, бубандед дари майкада бар рӯи Камол,
К-аш зи савдои лабат завқи майи ноб намонд.

25

Капли от полного сердца, как ни стенай, – не убавить!
Не обещай мне бальзамом боль этой раны убавить...

Собственным жертвам внимая, ты их рыданиями ранен,
Что же их кровь не удержишь, пламя не хочешь убавить?

Как не смежаю ресницы, слез не становится меньше!
Черпая ситом усердно, реку Джейхун не убавить!

Если отдам за блаженство двести сокровищниц, – мало!
Жемчуга тонкий ценитель цену не в праве убавить ...

Славы твоей ни иоты мой поцелуй не отымет,
Разве богатства Коруна, нищих насытив, – убавить?

К тем, кто тебя лицезрели, – к праведным сим
не ревную:
Разве гармонию можно мелким разладом убавить?

Вроде свечи одинокой, молча Камол догорает, –
Чтоб рассказать о пылании, пламя пришлось бы убавить.

Перевод А. Адалис

Дил, ки аз дарди ту пур шуд, ноларо чун кам кунад?
Марҳаму дармон кучо ин дарди афзун кам кунад?

Аз хурӯши куштагон гар заҳмате бошад туро,
Ғамзаи беморро фармо, ки то хун кам кунад.

Оби чашмам кам нашуд, чандон ки мижгон баргирифт,
Кас ба парвезан чӣ гуна оби Ҷайхун кам кунад?

Бо дусад ганчи гуҳар гар кардамат қимат, маранҷ,
Муштарӣ низ аз баҳои дурри макнун кам кунад.

Гар ба ман бўсе бубахшӣ, кам нагардад з-он ҷамол,
Боз гӯӣ кай гадо аз ганчи Қорун кам кунад?

Рашкам аз зоҳид намеояд, ки гаҳ-гаҳ бинадат,
Таъби номавзун ҷу майли шакли мавзун кам кунад.

Гар ҷу шамъи хилватат сӯзад, забон макшо, Камол,
Қиссаи сӯзи дарун ошиқ ба берун кам кунад.

26

О, если по ее щекам, подобным розы лепесткам.
Алмазы чистых слез текут, – они тюльпану сердце жгут.

И солнце и луну смутит ее разящая краса,
В смущенье на ее цветник ложится по ночам роса.

К своим рубиновым губам подносит пиалу она...
Ах, слаще меда рот ее, хмельней старинного вина.

Малейший дунет ветерок – взлетает прядь ее волос,
Как будто ночь бежит с лица и утро на лице зажглось...

У милых ног ее, Камол, не золото и серебро,
И жемчуг слез ты рассыпай: лишь в них ведь все твоё добро.

Перевод А. Адалис

То зи гулбарги рухат сунбули тар мерезад,
Лолаи сӯхтадил хуни чигар мерезад.

Ҳар шаб аз шарми гулистони чамолат, санамо,
Об аз чехраи хуршеду қамар мерезад.

Бар лаби соғари ёкутнамо вақти сабух
Лаъли сероб бад-он pista шакар мерезад.

Зулфи туст он ки парешон шавад аз боди сабо,
Ё магар гарди шаб аз рӯи саҳар мерезад?!

Равшан аст ин ба ҷаҳон, к-оинаи бадри мунир
Ҳар шаб аз ҳасрати рӯи ту ба сар мерезад.

Мардуми чашми Камол арчи надорад зару сим,
Дар қадамҳои ҳаёли ту гуҳар мерезад.

Кровь из очей струится, на мир гляжу в упор –
Лицо твое исчезло, и нет луны с тех пор...

Твой облик – все, что в мире есть подлинно живого, –
А прочее – рисунок и мертвенный узор...

Весна и полнолуние над улицей заветной,
Над прочими – безлунный чернеется простор...

О сладостной улыбке слова мои несладки,
Меж праздною мечтою и правдою – раздор.

Кудрей твоих далеких впиваю дуновенье –
Особенно сегодня всему наперекор!

Но увядает, гаснет Камол в тоске по милой,
Как пленник, что жестокий слышал приговор.

Перевод А. Адалис

Дӯш чашмам зи фироқи ту ба хун тар мешуд,
Оҳи ман бе маҳи рӯят ба фалак бар мешуд.

Ашк меомаду мешуст зи пеши назарам
Ҳар чӣ чуз нақши ту дар дида мусаввар мешуд.

Маҳ ба кӯи ту шаби чорда худбин мегашт,
Чун ба оинаи рӯи ту баробар мешуд.

Ҳар кучо з-он лаби ширин суҳане мекардам,
Суҳани қанд нагуфтам, ки мукаррар мешуд.

Қадри васли ту дил имрӯз нақӯ медонист,
Агар он давлаташ ин бор муяссар мешуд.

Ҳар насиме, ки шаб аз зулфи ту дар маҷлиси мо
Мегузашт, аз дами ӯ шамъ муанбар мешуд.

Сифати орази чун оби ту дар дафтари хеш
Бештар з-он нанавиштам, ки варақ тар мешуд.

Он ки вақте нигарон буд ба рӯи ту, Камол,
Гар ҳамедид кунунаш, нигаронтар мешуд.

Непостоянный взор любви со мной играет в прятки!
Изнемогаю весь в слезах от вечной лихорадки.

Не убегай от этих слез! Они – весенний дождь.
То тише льётся, то сильнее в отрадном беспорядке...

Давно в могиле шах Махмуд, а очи шаха – прах,
Но плачут кровью: «Где Айёз? Как были встречи кратки!»

Твой закатился лунный лик, ночь без луны долга, –
Гляжу всю ночь на звездопад, не отгадав загадки...

На сердце раненое – соль твой непонятный смех!
Упреки горьки, но уста, что упрекают, сладки...

Огонь, огонь – твое лицо, Камола сердце – воск:
Слезами тает, как свеча, – и только свет в остатке...

Перевод А. Адалис

Зи ғамзаҳои ту чандон ки ноз меборад,
Маро зи ҳар мижа ашки ниёз меборад.

Сиришки мо зи ту борони навбаҳорон аст,
Ки лаҳзае наситодасту боз меборад.

Бирехт пайкари Маҳмуду чашми ӯ дар хок
Ҳанӯз хун ба фироқи Аёз меборад.

Зи дурии маҳи рӯят ду чашми бедорам
Ситораҳо ба шабони дароз меборад.

Чу хандаҳои, ки мерезадам намак ба чигар,
Малоҳат аз лаби он дилнавоз меборад.

Чу дурӣ аз рухи ӯ, бесафой, эй сӯфӣ,
Гар аз чабини ту нури намоз меборад.

Зи тоби оташи рӯест оби чашми Камол,
Ки ашки шамъ зи сӯзу гудоз меборад.

29

Чтобы ветер кудрями твоими играл, – не желаю!
Чтобы души рассеялись наши, – сказал: не желаю!

Чтобы головы наши к ногам нечестивых скатились
Край плаща красоты чтобы раб удержал – не желаю!

Стало мускусным слово мое о кудрях непреклонной
Сколько раз я, робея, впросак попадал? – не желаю!

Все старается небо указывать знаками время –
Год и месяц и век... но такой чтоб настал – не желаю!

«Наша тайна, – сказал я, – из сердца в слезах убежала!»
– «Нет, – сказала, – из глаз», но искать я не стал, не желаю.

Пламя жизни хотел отпустить, чтобы мир охватило!
Но любви недостойн, а плакать устал, не желаю...

У Камола не спрашивай, как прозябает в разлуке?
Жить от розы вдали, – соловей отвечал, не желаю!

Перевод А. Адалис

Сари зулфат намехоҳам, ки дар дасти сабо афтад,
К-аз он ҷонҳо равад барбоду сарҳо зери по афтад.

Рақиби беҳунар то чанд аз ҳад по ниҳад берун,
Мабодо домани давлат, ки дар дасти гадо афтад.

Ба чини зулфат ар гуфтам, ҳадиси мушк, маъзурам,
Парешонгӯйро аксар суҳанҳои хато афтад.

Фалакро бо ҳама кӯшиш, ки солу моҳ паймояд,
Чунин моҳе напиндорам, ки андар қарнҳо афтад.

Бад-ӯ гуфтам: Бурун афтод рози ишқи мо аз дил.
Бигуфт: Аз чашми хунафшон ханӯзат то чиҳо афтад.

Ҳамехоҳам, ки чун обаш равон ҷон дар қадам резам,
Вале бо ин ҳама мушkil, ки майли ӯ ба мо афтад.

Чӣ пурсӣ аз Камол охир, ки дур аз рӯи ӯ чунӣ?
Чӣ бошад ҳоли он булбул, ки аз гулшан ҷудо афтад?

Сумасшедшим я стал от того, что любовь жестока, –
Пусть и лекарем будет любовь, – не глядит свысока!

Говорят обо мне – я изгнанник из дальней страны?
Но влюбленные – всюду чужие, они – облака...

Ты не слушай меня, если розы веселый покой
Соловьиные стоны туманят хотя бы слегка!

О, господь мой! Скажи мне, кто нищий у этих дверей, –
Не соперник ли мой, утаивший надежду пока?

Слух наставника тонкий, нельзя никому обмануть, –
Он прекрасного требует, не потерпев пустяка!

«Другом буду тебе, – говоришь, – но вдали от тебя...»
Иль напрасно брожу, если вечная цель далека?

День придет, о Камол! На утеху и радость любви
Другу сердце твое не твоя ли доставит рука?

Перевод А. Адалис

Гар дарди ту аз ҳабиб бошад,
Дарди сарат аз табиб бошад.

Моро чӣ ғариби шаҳр хонӣ?
Ошиқ ҳама чо ғариб бошад.

Оҳам машунав, ки гул парешон
Аз нолаи андалеб бошад.

Ё Раб, ки бар он дар аз гадоён
Ман бошаму ё рақиб бошад.

Шоистаи гӯши воизи мо
Овози хуши хатиб бошад.

Гӯяд: Ба ту ёр бошам аз дур.
Хоҳем, ки анқариб бошад.

Бо ёр расӣ, Камол, рӯзе,
Аз умрат агар насиб бошад.

31

Земля весною ранней тобой благоухает,
Тебя едва увижу – печаль моя стихает...

И мне, и всем, и саду лицо твое приятно!
Нарцисс о кипарисе слезами истекает..

Я цветников не слышу: меня благоуханье
Той улицы заветной повсюду настигает...

Чем венчики нарциссов глаза твои живее!
Их пламя колдовское то жжет, то потухает...

Камол в лицо твое глядит, не отрываясь;
Тебя предпочитая, о розе не вздыхает!

Перевод А. Адалис

Навбаҳорон зи гулам бӯи ту хуш меояд,
Ҳамаро боғу маро рӯи ту хуш меояд.

Ҳамчу наргис наниҳам чашм ба сарви лаби чӯ,
Ки маро қомати дилчӯи ту хуш меояд.

З-он ҳама халқа, ки шамшод занад бар сари гул,
Бандаро халқаи гесӯи ту хуш меояд.

Бӯи гулзор хуш ояд ҳама касрову маро
Накҳати хоки сари кӯи ту хуш меояд.

Шеваи чашми ту наргис чӣ кунад шеваву ноз?
Шева аз наргиси қодуи ту хуш меояд.

Печи сунбул ба суман ҳеч намеояд хуш,
Пеши рӯи ту ҳама мӯи ту хуш меояд.

Чашм накшуд ба рӯи гул аз он рӯй, Камол,
Ки назар бар гули худрӯи ту хуш меояд.

32

Я спросил её: – Кто ты и как тебя звать? –

Отвечала: – Спроси у луны.

– Но имеют ли имя кораллы – уста?

– Возразила: – Души лишены!

– Но имен своих, вовсе не знают цветы!

Кто такой – этот розовый рот? –

Улыбнулась одними губами опять: –

– Для улыбок цветы рождены!

Рассказал я: – С фонариком вор приходил этой ночью

и сердце украл! –

Показала: – Вот родинки – след и печать,

как разбойничья совесть, черны!

Я вскричал: Не арабы ли – взоры твои,

что рассудок мой в плен увели?

Предложила: Сильна ли кочевников рать,

ты узнай у Туранской страны.

Я сказал: – Мою голову наземь, дитя, ты кидаешь,

как мяч, – но зачем?

Ей приятно с кудрями моими играть:

для игры чоуганы даны!

Я сказал: Не слыхали мы здесь о войне,

а в груди моей тысячи ран!

Отвечала: Ресницы возлюбленной, знай,

как смертельные копья, длинны!

Я спросил: – О, Камол, за кудрями ее по какой

ты дороге пойдешь?

– Выйди с утренним ветром, – сказала, – гулять

и шагай до индийской страны!..

Перевод А. Адалис

Гуфтамаш: Номи ту? Гуфто: Аз маҳи тобон бипурс.
Гуфтамаш: Номи лабат?

Гуфт: Ин ҳадис аз ҷон бипурс.

Гуфтамаш: Боре нишоне з-он даҳон бо ман бигӯй,
Зери лаб хандон шуду гуфт: Аз гули хандон бипурс.

Гуфтамаш: Дилҳо, кӣ дуздид он ҳама шаб бо чароғ?
Холу хат бинмудугуфт: Инҳо аз ину он бипурс.

Гуфтамаш: Дар пой ту чун гӯ сарам ғалтон чарост?
Гуфт: Бо зулфам бигӯ, яъне ки аз чавгон бипурс.

Гуфтамаш: Бар синаи решаи ҳазорон захи ки кист?
Гуфт: Гӯ бо ғамзаам, яъне ки аз пайкон бипурс.

Гуфтамаш: Дар ғорати чашмон дилам бурдӣ асир,
Гуфт: Агар хоҳӣ нишони он зи Туркистон, бипурс.

Гуфтамаш: Чун пай барад, андар сари зулфат Камол?
Гуфт: Бо боди сабо рав, роҳи Ҳиндустон бипурс.

33

И сада здесь окраина, и грань воды ручья,
Здесь божество мое со мной, – спокоен, счастлив я.

Ручей – воркующий певец – играет на лугах,
Не вслух, а про себя поют мой разум, кровь моя...

О, друга речь, и ложе трав, и эта ночь весной!
Такие стоит с фонарем всю жизнь искать края.

В саду соперника найду, как некий попугай,
Что клетку с вороном делил, обиду затая...

Пусть в кубках не иссякнет хмель над чашечками роз,
Хоть сердце лилии темно от горя бытия!...

Я – что поделаешь! – не свой и в этом цветнике,
Обидна путнику в саду чужая колея...

Твой подбородок я возьму, как яблочко, – но где?
– Ешь виноград, Камол! Лоза – не добивайся чья!

Перевод А. Адалис

Канори обу лаби чӯйбору гӯшаи боғ
Хуш аст бо санаме сарвқад ба шарти фароғ.

Навохт рехтаҳо дар чаман муғаннии об,
Таронаҳои тари ӯ латиф сохт димоғ.

Шаби баҳору шабистони боғу суҳбати ёр,
Чунин шабон ба шабистон, дило, бичӯ ба чароғ.

Агар ба равза равам бо рақиб, дар қафасам,
Шунида бошиву дида ҳадиси тӯтиву зоғ.

Мадор даври гул аз май даме қадаҳ холӣ,
Ки лола дорад аз ин дард бар дил ин ҳама доғ.

Чӣ ғам, ба дафъи ғамам боғу гулшане гар нест,
Ки ошиқи ту фароғат зи боғ дораду роғ.

Ба бўса, себи зақан, гуфтамаш, зи гулшани кист?
Камол, гуфт, ту ангур хӯр, мапурс зи боғ!

Друг мой слезы увидел, меня пожалеть он решился, –
Щедрый, славный, над нищим склониться не устранился!

Змеи висят за ушами, на серебро они падают, –
Обе косы полюбил я и дважды рассудка лишился!

Слишком глаза твои пьяны: два близнеца – разбойника!
Есть и кинжалы у них, каждый вооружился!

Надвое сердце расколуют, но, будто неверная грамота
Мудрости нам не прибавили – вот я о чем сокрушился!

Стыд, и печаль, и терпенье в бедной душе обитают...
Пьян был чудак одуроченный – снова слезой освежился.

Нет у Камола помимо горя и бед собеседников!
С ними беседой не брезгует: с ними давно подружился!

Перевод А. Адалис

Ёр ашкам диду шуд бар ман раҳим,
Соилонро дӯст медорад карим.

Бар баногӯшат зи мискинӣ ду зулф
Ҳар ду меафтанд бар болои сим.

Чашми мастат турки яклухт аст, лек
Дил ба теги ғамза месозад дуним.

З-он сари зулфу даҳон дил хун шудааст,
Хун шавад, чун дол пайвандад ба мим.

Кас нашуд аз чашму зулфат мустафид,
К-ин саводи нодуруст аст, он сақим.

Машварат карданд бо дил сабру ғам,
Он сафар кард ихтиёр, ин шуд муқим.

Нест ҳамдам чуз ба дарду ғам Камол,
Хуш бувад суҳбат ба ёрони қадим.

О, мое упоение! Кудри твои из того же
Вещества, что и тонкие струны души, но дороже.

Вот причесывать стал ветерок гиацинты и кудри
Сыплют лучшую амбру на это цветочное ложе.

Рассказали тебе о моем безнадежном безумстве
Только кудри твои – потому, что им жалок прохожий.

Говорю, что на дикие – в бурную ночь кипарисы
Тяжело извиваясь, – курчавые косы похожи!

Если сделать душистое масло из слез гиацинта
И такое, боюсь, что неполным, окажется все же.

Чтобы косы твои, трижды благоуханные, вымыть, –
Ведь ни мускус, ни амбра так сладко не пахнут, о боже!

Кто украл эти кудри из верных ладоней Камола
И укрыл под венцом? Иль тебе мой соперник дороже.

Перевод А. Адалис

Эй, диловезтар аз риштаи чон кокули ту,
Бурда сӯи ту дилам мӯйкашон кокули ту.

Сунбули ғолиясоят чу сабо шона зада,
Шуда бар хирмани гул мушкфишон кокули ту.

Дода аз кори фурӯбастаи ман мӯйбамӯй
Хабар он турраи дилбанду нишон кокули ту.

Ҳамчу шамшод, ки аз бод ба печ афтаду тоб,
Дар ту печидаву афтода чунон кокули ту.

Гар бисозанд гул аз ғолияву оби ҳаёт,
Ҳам нашояд, ки бишӯянд ба он кокули ту.

Уд хушбӯ буваду мушк, валекин зи ҳама
Барсар омад, чу баромад зи миён кокули ту.

Дил, ки дузид сари зулфи ту аз дасти Камол,
Бурду дар зери кулаҳ кард ниҳон кокули ту.

36

Как сердца священный сосуд разбить, растоптать ты могла!
Неверности только верна ты, а преданность предала!

Сердца разбивают влюбленным высокие арки бровей,
Я видел разбитые чарки, я мертвые видел тела...

Предутренний ветер уносит надежду на ласковый взор, –
Лишь эта мечта сердцевиной сердец упоенных была!

Не стыдно ли райскому древу осанке твоей подражать?
Ветвей кривизну обнаружив, ты честь у него отняла!

Пера язычок попытался в письме твое имя сказать, –
Убит, пополам расщепленный, – так боль расставания зла!

Ты молвила: «Кровью Камола следов моих пыль окупил...»
Ну, что ж, – понимает великий: цена ему в мире мала!

Перевод А. Адалис

Эй шишаи дили мо дар зери по шикаста,
Сангиндилӣ гузида, аҳду вафо шикаста.

Бо гӯшаҳои абрӯ дилҳо шикаста ҳар сӯ,
Бисёр шиша дидам аз тоқҳо шикаста.

Буд орзуи зулфат дилҳои ошиқонро,
Он орзуи дилҳо боди сабо шикаста.

Бо қомати ту Тӯбо дар лутф карда даъво,
Шарти адаб надонист он шоҳи пошикаста.

Номат забони хома чун бурд пеши нома,
Аз ғуссаи чудой ҳар як чудо шикаста.

Чун ғунча дарнагунчам дар пераҳан зи шодӣ,
З-он дам ки баҳри катлам атфи қабо шикаста.

Дӣ гуфт, хоки поям хуни Камол арзад,
Бар одати бузургон худро баҳо шикаста.

Мне кипарис высокий – друг, и речь громка и дух высок!
Ужель, соперников боясь, повесить на уста замок?

О, поздно шелк твоих кудрей заполучить мне удалось,
Аркан на мускусную лань забросить долго я не мог.

О, жаль, что не моя стрела попала в сердце красоты!
Я – прах земной, и от меня земной скрывается цветок.

Кто лечит пластырем сердца, разбившиеся на куски?
И тонкой чаши лепестки не свяжешь заново... О, рок!

Уже на пламени любви обуглилась грудь мотылька, –
Как хочешь, – убери свечу иль смейся, – пропустила срок!

Спросила: «Сердце для чего к моим ты косам привязал?»
«Нет, косы к сердцу моему ты привязала» – вот упрек.

Пусть ищут сто веков, Камол, звонкоголосого, как ты,
В ходжентских рощах соловья – ты выше всех и...одинок.

Перевод А. Адалис

Ёри мо сарви баланд аст, бигӯем, баланд,
Паст гуфтан сухан аз бими рақибон то чанд?

Доманаш дер ба дастам фитаду ҳалқаи зулф,
Натавон зуд гирифт оҳуи мушкин ба каманд.

Тирҳои дигараш бар дил агар ояд, ҳайф,
Он чӣ хокист, чаро бар мани хокӣ нафиканд?

Дили садпора ба марҳам нашавад чорапазир,
Ҷоми нозук чу шикастанд, нагирад пайванд.

Баъд аз он, к-оташи дил синаи парвона бисӯхт,
Шамъ, хоҳӣ ба ҳалокаш бигирий, хоҳ биханд!

Гуфтаӣ: Кори дилат баста аз он зулфи дутост,
Кори туст, ин ҳама бар зулфи диловез мабанд.

Гар бичӯянд, ба сад қарн наёбанд, Камол,
Булбуле чун ту хушалхон ба чаманҳои Хучанд.

38

Пусть губы смеются, и смех не замрет никогда!
Ты – сахар и жемчуг!... Не ведай забот никогда!

Найти в сундучке приказала ты розовый пластырь,
Но сердце разбитое не заживет никогда.

Прочь кисть живописца с лохматой ее головою
Сама покажись! Не обиден твой гнет никогда!

Хлопочет Камол, чтоб собакой лежать у порога:
Ведь ножку кумира гордец не сожмет никогда!

Перевод А. Адалис

Зи нишоту айш бодо лаби ту ҳамеша хандон,
Шакар аст он, на лабҳо, гуҳар аст он, на дандон!

Ба даҳони танг фармо, ки зи хукқа марҳаме деҳ,
Чу ба ханда тоза кардӣ сари реши дардмандон.

Ба ғубор гирди рӯи ту хате навишта дидам,
Ки ба ҳусн аз он чӣ будӣ, шудай ҳазорчандон.

Қалами мусаввирон, гӯ, сари худ бигиру мерав,
Ту биёву сурати худ бинамо ба нақшбандон.

Ба бутони оҳаниндил нашавӣ, дило, муқобил,
Ки ту обгина дориву най ҳарифи сандон.

Чу маҷоли бўса афтад ба лаби ниёзи сӯфӣ,
Туву остини зоҳид, ману остони риндон.

Наниҳӣ, Камол, худро зи сағони остонаш,
Ки ба пояи бузургӣ нарасанд худписандон.

Друг сказал: «Взор от всех отврати!»

– Я готов, повинуюсь.

«Только мне преклонением лъсти!» – Я готов, повинуюсь.

«Как увидишь следы моих ног на песчаных дорогах, –
Слезным жемчугом их очерти» – Я готов, повинуюсь.

«Ты паломник, бродящий в бесплодной пустыне печали.
Всех влюбленных утешь на пути!» – Я готов, повинуюсь.

«Если губы твои запекутся от вздохов палящих,
Дай им снова от слез расцвести!» – Я готов, повинуюсь.

Ливнем горестных слез мой порог оросить ты стремишься?
Нет, ресницами пол подмети!» – Я готов, повинуюсь.

Если ночь напролет бродишь ты, разлученный с луной,
В небе бледные звезды сочти!» – Я готов, повинуюсь.

Друг сказал: «О Камол, тот, кто ждет ценных перлов свиданья,
Должен в глубь океана сойти!» – Я готов, повинуюсь.

Перевод А.Адалис

Ёр гуфт: Аз ғайри мо пӯшон назар! Гуфтам: Ба чашм!
В-он гаҳе дуздида дар мо менигар. Гуфтам: Ба чашм!

Гуфт: Агар ёбӣ нишони пой мо бар хоки роҳ,
Барфишон он ҷо ба доманҳо гуҳар! Гуфтам: Ба чашм!

Гуфт: Агар сар дар биёбони ғамам хоҳӣ ниҳод,
Ташнагонро муждае аз мо бубар! Гуфтам: Ба чашм!

Гуфт: Агар гардад лабат хушк аз дами сӯзону оҳ,
Боз месозаш ҷу шамъ аз дида тар! Гуфтам: Ба чашм!

Гуфт: Агар бар остонам об хоҳӣ зад зи ашк,
Ҳам ба мижгонат бирӯб он хоки дар! Гуфтам: Ба чашм!

Гуфт: Агар гардӣ шабе аз рӯи чун моҳам чудо,
То сахаргоҳон ситора мешумар! Гуфтам: Ба чашм!

Гуфт: Агар дорӣ хаёли дурри васли мо, Камол,
Қаъри ин дарё бипаймо сар ба сар! Гуфтам: Ба чашм!

Я спросил: Человек или ангел ты?

Говорит: и то и другое.

Сахар ты или соль на пиру мечты?

Говорит: и то и другое.

О, скажи мне, тростник или жемчуг ты драгоценный
со дна морского?

Иль цветок, затмевающий все цветы?

Говорит: и то и другое.

Я спросил: Для того, кто тебя узрел,

– это зеркало или месяц.

Заблестали нежданно из темноты?

Говорит: и то и другое.

Я спросил: Что задумала втайне ты,

– помутить ли мой бедный разум

Или сердце рассечь мечом красоты?

Говорит: и то и другое.

Я сказал: ты – утраченная душа, где ее отыскать – не знаю.

Совесь сердца ты, взор ли самой правоты?

Говорит: и то и другое.

Я взмолился: скажи, ты лишь обо мне, о Камоле,

столь мало знаешь,

Иль совсем далека от мирской суеты?

Говорит: и то и другое.

Перевод А.Адалис

Гуфтам: Малакӣ, ё башарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.
Кони намакӣ, ё шакарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

Гуфтам: Ба латофат гулӣ, эй сарви қабопӯш,
Ё найшакарӣ, ё гуҳарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

Гуфтам: Ба лаби лаълу хати сабзи равонбахш
Оби Хизирӣ, ё хазарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

Гуфтам: Ба ҷабине, ки ба он рӯй тавон дид,
Ё оинаӣ, ё қамарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

Гуфтам, ки ба як ишва рабобӣ зи сарам ақл,
Ё ҳуши ман аз тан бибарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

Гуфтам: Дили моӣ, ки надонам, ки кучоӣ,
Ё дидаи аҳли назарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

Гуфтам: Зи Камоли ту чунин беҳабару бас,
Ё худ зи ҷаҳон беҳабарӣ? Гуфт, ки ҳар ду.

41

Лун, что, как ты, недоступно горды, я не видел,
И над собою счастливой звезды я не видел.

Тело мое стало горем, изглоданной костью,
Даже у псов твоих худшей еды я не видел.

Люди считают любовное горе тяжелым, –
Видя тебя, в нем особой беды я не видел.

Ты – как стрела, я – как лук, что согнули печали,
Встарь меж стрелою и луком вражды я не видел...

Сердце мое – как песок, пропускающий влагу,
Где же на нем этой влаги следы? Я не видел.

Слезы Камола до двери твоей докатились –
Даже в садах столь обильной воды я не видел.

Перевод В. Звягинцевой

Пеши рухи ту махро хусне чунон надидам,
Ин ахтари саодат бар осмон надидам.

Аз заъф шуд тани ман дур аз ту устухоне,
Пеши сағони кӯят ин устухон надидам.

Бори ғамат гар онро бар дил гарон намояд,
Ман бар ду дида онро боре гарон надидам.

Эй дил, ба хоб ўро ҳангоми бўсу оғўш
Гар ту даҳон надидӣ, ман ҳам миён надидам.

Монад кади ману ту ин тире он камонро,
Тир инчунин фитода дур аз камон надидам.

Чандон ки хӯрд хунам, аз дида хоки он дар
Чун реги гарм ҳечаш серӣ аз он надидам.

Омад ба хоки он дар ашки Камол ғалтон,
Обе бад-ин равонӣ дар бўстон надидам.

Верящий в ее неверность поступает справедливо.
В договор вступил я честный с той,
что действует фальшиво!

Я речам очей лукавых недоверчиво внимаю:
Слово пьяных и неверных редко не бывает лживо.

Милая сулит свиданье, как лекарство от недуга,
Но скажу я правду: это обещанье не правдиво.

Прелесть уст ее пунцовых на устах у всех повсюду,
Я же рта раскрыть не смею, чтоб сказать про это диво.

Как играть в човган?
Разбиты все мячи сердец влюбленных,
На плечах игруньи кудри сплошь изогнуты игриво...

Знатоки придут в смятение, если подлинный ценитель Им прочтет стихи Камола вдохновенно и красиво.

Перевод В. Звягинцевой

Мо ба куфри зулфи ӯ дорем имоне дуруст.
Бо бути паймоншикан аҳдеву паймоне дуруст.

Гарчи чашмаш гӯядам чӯям дилат, лекин кӣ ёфт
Қавли масте рост, аҳди номусалмоне дуруст?

Аҳдҳо кардӣ, ки созам оқибат дил бо ту рост,
Рост гӯям, ин сухан ҳам нест чандоне дуруст.

Бар забонҳо то гузашт он лаб, рақибӣ чангчӯӣ
Дар даҳони ошиқон нагзошт дандоне дуруст.

Ёри мо гар остинафшон дарояд дар самоъ,
Кас набинад хирқапӯше бо гиребоне дуруст.

Гӯи дилҳо, баски аз ҳар сӯ рабуданду шикаст,
Нест бар дӯши бутон аз зулф чавгоне дуруст.

Пора созанд аҳли маънӣ чомаҳо бар тан, Камол,
Гар бихонад ҳафт байти ту ғазалхоне дуруст.

Снова сердце в силки, словно с дерева птица, упало.
Мало ль птиц от безжалостных стрел чаровницы упало?!

Сделай милость, пронзи мое сердце второю стрелою,
Острие твоей первой, как с неба зарница, упало.

Ты забыла обычай справляться о старых знакомцах,
Хоть бы слово участия с губ светлоликой упало!

Ты живешь не на улице верности, ты не успела
Расспросить, сколько слез у меня сквозь ресницы упало.

По дороге к тебе, верно, будут расти кипарисы, –
Там, как тень, отражение той, что мне снится, упало...

Говорю я не хуже, чем сам Саади говорил бы, –
Это слово мое с драгоценной цевницы упало.

Добродушен Камол, но ведь каждый в таком состоянии,
Бьется так, чтоб орудье из вражьей десницы упало.

Перевод В. Звягинцевой

Боз ин дили ғамдида ба доми ту дарафтод,
Бас мурғи ҳумоюн, ки ба тири назар афтод.

Ин турфа, ки рози ту ба худ низ нагуфтем,
То шуд хабарам, дар ҳама шаҳр ин хабар афтод.

Лутфе куну тири дигарам сӯи дил андоз,
К-он тири нахустин, ки задӣ, бар чигар афтод.

Пурсидани ёрони куҳан расми қадим аст,
Чун аст, ки дар аҳди ту ин расм барафтод?!

Маъзур бувад ёрам, агар дер бипурсид,
К-аз кӯи вафо хонаи ӯ дуртар афтод.

Шояд, ки бирӯяд ҳама раҳ сарви хиромон
З-он соя, ки аз қадди ту бар раҳгузар афтод.

Гуфтем ҷавобе на кам аз гуфтаи Саъдӣ,
Балк-ин ду ғазал хубтар аз якдигар афтод.

Ин лоф на дархурди Камол аст, валекин
«Бо Рустами Дастон бизанад, ҳар кӣ дарафтод».¹

¹ Мисраъ аз Саъдист.

Почему моя любимая постоянно обижается?
На обиженного ею же, как ни странно, обижается.

Говорю ей: Полно, милая, почему ты так воинственна,
Где найдешь ты друга лучшего, без изъяна? Обижается...

О любви молчу безропотно, ведь она как роза нежная,
Что на ветра дуновение утром рано обижается.

Лучше я сдержу рыдания, спрячу глубже боль ревнивую,
Раз она так привередлива, так неожиданно обижается.

Если не оделит взгляд ее оба глаза лаской поровну –
Порознь каждый на рассеянный взгляд желанной
обижается.

Думает Камол: наверное, тот любви не знает истинной,
Кто на милую обидчицу беспрестанно обижается.

Перевод В. Звягинцевой

Ёр ҳар дам зи мани хаста чаро меранҷад?
Бе гунаҳ мекушаду боз зи мо меранҷад.

Гуфтам: Он ғамза чиҳо мекунад? Омад дар ҷанг.
Бингаредаш, ки зи ошиқ ба чиҳо меранҷад.

Дам задан нест маҷолам ба ҳаводории ӯ,
Ки чу барги гул аз осеби сабо меранҷад.

Ман ҳамон беҳ, ки аз ин ғам накунам нолаву оҳ,
Ки дили нозукаш аз боди ҳаво меранҷад.

Гар рақибе ба ман орад хабараш, гирад хашм,
Аз саге оҳуи мушкин ба хато меранҷад.

Гар аз он ғамза ба ҳар як нарасад тир чудо,
Дили ғамдида чудо, дида чудо меранҷад.

Нест ошиқ ба яқин он дили бадмеҳр, Камол,
Ки зи маъшуқи ситамгар ба ҷафо меранҷад.

45

Горе мое собеседник, а других не бывает,
Без друзей обхожусь я – в скорби их не бывает.

Озабочены люди мира неправотою,
У меня той заботы, что у них, – не бывает.

Мне вселенною стала страсть к моей несравненной
В голове и крупницы дум иных не бывает.

Кто со мною сравнится красноречьем любовным,
Ведь газелей, достойных глаз таких, – не бывает.

Горя, боли и тягот у меня сколько хочешь,
Все ж счастливей и краше дней моих не бывает.

С той поры как ты скрылась навсегда, – у Камола
Беспечального сердца, глаз сухих не бывает.

Перевод В. Зеягинцевой

Ба дарди ту чуз нола ҳамдам надорам,
Касеро дар ин парда маҳрам надорам.

Чафои чаҳон мекашад оқилу ман
Ғамат дораму в-аз чаҳон ғам надорам.

Агар дам занад бо ту тӯтӣ зи мантиқ,
Ман ин нукта чандон мусаллам надорам.

Ғаму меҳнату ранҷ чандон ки хоҳӣ,
Ман аз давлати ишқи ту кам надорам.

Ба меҳри рухат оламе дорам имрӯз,
Ки як зарра парвои олам надорам.

Мани бодадардаст дур аз даҳонат
Сулаймони вақтам, ки хотам надорам.

Аз он дам, ки ғоиб зи чашми Камолӣ,
Дили беғаму чашми бенам надорам.

Всю правду о любимой я сердцем друга знаю,
Я, а не ты, соперник, – добра ль подруга, знаю.

Зачем кебаб из сердца любовь любимой дарит
И как отныне сердцу придется туго – знаю.

Спроси меня о вихре ее волос – отвечу:
Что значит для скитальца ночная вьюга, – знаю!

Ты слышишь, ветер шепчет: – Отдай мне эти кудри
Ведь я все ароматы садов и луга знаю.

– Не плачь, Камол, от боли, – любимая сказала, –
Бессилен врач, но средство я от недуга знаю.

Перевод В. Звягинцевой

Ҳукуки нозу итоби ҳабиб ман донам,
Ту ҳақшинос най, эй рақиб, ман донам.

Ниҳода бар сари хон ишқи ӯ каботи чигар,
Ба нийяти кӣ ниҳод он насиб, ман донам.

Чу ман кашидаам аз ҷаври ӯ басте фарёд,
Чиҳо кашид зи гул андалеб, ман донам.

Нухуфта маънии нозук басте дар хати ёр,
Ту фаҳми он нақунӣ, эй адиб, ман донам.

Дилам ба зулфи ту чун аст, аз ин ғариб мапурс,
Ки шом чун гузарад бо ғариб, ман донам.

Сабо чӣ гуфт, шунидӣ, ба ман раҳо кун зулф,
Ки атрсой манам, қадри тиб ман донам.

Камол, ғам махӯр аз дарди дил, ки дилбар гуфт:
Ки ин илоҷ надонад табиб, ман донам.

Та, кого зовут зеницей ока моего,
Знает: без нее не вижу в мире ничего.

Много у нее уловок, лучшая из всех –
Убивающее душу взгляда колдовство.

Подстрелил стрелок оленя, но не знает дичь,
Кто ее смертельно ранил, кто и для чего...

– Заплети потуже косы, – тщетно я просил. –
Треплет ветер их, смущая друга твоего.

Тронув завиток, я умер. А она мне: – Что ж,
Ты желанного добился, только и всего!

Но когда на прах Камола тень кудрей падет, –
В тело мертвого вернется вновь душа его.

Перевод В. Звягинцевой

Он ки мехонанд мардум мардуми чашми манаш,
Чашми ман равшан ба рӯи ӯст, гуфтам равшанаш.

Бар дили ошиқ зи як-як шеваҳои чашми ӯ
Шевае хуштар намеояд зи ошиқ куштанаш.

Охувонро аз давидан шуд чигар хуну ҳанӯз
Дарнамеёбанд макри ғамзаи шерафканааш.

Перахан дар бар нагирад он бадан чуз бо ҳаёл,
Покдомонӣ биёмӯсед аз пероҳанааш.

Зулфро, гуфтам, бибур, нашнид, бар ошиқ чӣ чурм,
Гар равад сарҳо ба бод аз ҳар тараф дар гарданаш?!

Домани зулфаш гирифтам вақти қатл, он ғамза гуфт:
Хунбаҳои худ гирифтӣ, чун гирифтӣ доманааш.

Акси шамшерат пас аз куштан гар афтад бар Камол,
Чон аз аввал тезтар ояд ба сарвақти танааш.

О ты, чей жестокий обычай людские сердца разбивать,
 Послушай, нельзя же и дружбу коварством
 лжеца разбивать!

Боюсь, что осколками сердца поранишь ты ноги свои,
 Зачем же хрусталь драгоценный такого ларца разбивать.

Раз в жизни могла ты позволить коснуться твоих
 завитков,
 Нельзя же все чаянья нищих с упорством скупца
 разбивать!

Миндаль и фисташки ценимы лишь сходством
 с глазами и ртом,
 Открой их, обидно же цельность такого лица разбивать.

Бессмертья и жизни Камола ты просишь за встречу одну, –
 Сбей цену! Должна ли две жизни корысть
 продавца разбивать?

Перевод В. Звягинцевой

Эй, одати қадимат дилҳои мо шикастан,
Бар худ дуруст кардӣ аҳду вафо шикастан.

Тарсам, ки пой нозук озурда сози аз дил,
Ин обгина то кай дар зери по шикастан?

Тарфи ду рух раҳо кун, то бишканем зулфат,
Як орзу чӣ бошад дар моҳҳо шикастан?!

Бодому писта карданд ғамзе аз он лабу чашм,
Чашму даҳони ҳар як бояд ҷудо шикастан.

Сар бар хати ту дорам ҳамчун қалам, чӣ ҳоҷат
Рондан ба гуфти мардум, ҳар дам маро шикастан?!

Сӯфии шаҳри моро бут шуд асои тавба,
Дар ишқ фарз бошад бар вай асо шикастан.

Пеши Камол васлат мулки ду олам арзад,
Расмест муштарио аввалбаҳо шикастан.

Сердце зажег мне пожар твоих щек в эту ночь,
Я от нарциссов – очей изнемог в эту ночь.

Тело свое я измучил своей же тоской, –
Жжет его лед, обдает кипятком в эту ночь.

Не зажигай, виночерпий, свечей на пиру –
Пусть не заходят к нам на огонек в эту ночь.

В полночь не видно луны, вижу кудри твои, –
Может быть, спрятал луну их поток в эту ночь?!

Нам, опьяненным, игры твоих глаз не понять:
Не перессорит ли нас их упрек в эту ночь?

Друг у Камола в гостях, – принесите вина!
Сердце врага гнев завистливый сжег в эту ночь.

Перевод В. Звягинцевой

Дилам аз шамъи рухат дар табу тоб аст имшаб,
Чонам аз наргиси масти ту хароб аст имшаб.

Тани ранчури ман аз дасти дилу дида чу шамъ
Гоҳ дар оташу гаҳ бар сари об аст имшаб.

Заҳмати хеш бубар аз сарам, эй мардуми чашм,
Ки миёни ману ӯ дида ҳиҷоб аст имшаб.

Соқиё, шамъ ба перомани маҷлис бинишон,
То бидонанд, ки моро сари хоб аст имшаб.

Дар дили шаб асари нури қамар пайдо нест,
Магар аз зулфи ту бар моҳ ниқоб аст имшаб?

Чашми масти ту, надонем, ба мастон зи чӣ рӯй
Аз сари арбада дар айни итоб аст имшаб?

Дӯст меҳмони Камол аст, биёред шароб,
Ки дили душман аз ин ғусса кабоб аст имшаб.

Сбылись заветные желанья души моей:
Всю ночь я был окутан шелком ее кудрей.

В силках волос я бился птицей, зато душа
Была свободна от жестоких своих цепей.

Не смог я свести глаз влюбленных с ее ресниц,
Хотя был тяжело ранен взглядом ее очей.

Чтоб жаркою щекой коснуться ее ступни,
Я омывал лицо слезами сто долгих дней.

Взметнулся я, как семя руты в огне печи,
Чтоб глаз дурной не угрожал мне разлукой с ней.

Лицо любимой защитило тебя, Камол,
От унижительной и горькой судьбы твоей!

Перевод В. Звягинцевой

Дӯш аз ғами ӯ шикаста будам,
Бо зулфи қачаш нишаста будам.

Пайванд ба он таноб карда,
Аз риштаи чон гусаста будам.

Дасти ману зулфи ёр, хошо,
Бар хеш дурӯғ баста будам.

Хуш буд дилам ба нози он чашм,
Аз ғамза агарчи хаста будам.

То бар кафи пош молам ин рӯй,
Садбора ба ашк шуста будам.

Аз оташи ҳаҷр, чашми бад дур,
К-он шаб чу сипанд ҷаста будам.

Филҷумла, ба давлати рухи дӯст,
Аз нанги Камол раста будам.

51

С каждым днем все сильнее к тебе я влеком.
Я подобной печали не знал ни о ком.

Сердце жарким костром полыхает в груди, –
Ни ему, ни рассудку покой не знаком.

Если благоразумным попробую стать, –
Назовут меня люди смешным чудаком.

Сердце, то, что порой ты фальшивым зовешь,
В бессердечных руках стало грязи комком.

С той поры, как ты стала Камола терзать,
От любовной премудрости стал знатоком.

Перевод В. Звягинцевой

Дарди ту замон-замон фузун аст
В-ин сӯзи дарун зи ҳад бурун аст,

Ақл аз ҳаваси ту бекарор аст,
Дил дар талаби ту бесукун аст.

Бо ишқи ту ҳушмандии мо
Осору аломати ҷунун аст.

Дар дасти ту дил, ки хонияш қалб
Хокест сияҳ, агар на хун аст.

Қофи қаду нуни абрувонат,
Бартар зи «Таборақ»-у зи «Нун» аст.

То ҷон зи ту ёфт бар сухан даст,
Дар дасти сухан забон забун аст.

То аз ту Камол ҳикмат омӯхт,
Дар ҳикмати ишқ зӯфунун аст.

Пожалей меня! Так жестока любимая,
Отошла от меня волей рока любимая.

Сердце стало погибели тела причиной,
Ни в словах, ни в лекарствах нет прока, любимая.

Если б не было друга в моем одиночестве,
Я не вынес бы жизни урока, любимая.

Заложил в кабачке я последнее рубище,
Кто ж виной нищеты и порока? Любимая.

Ветерок, пролети по знакомой нам улице,
Что нам сделала с сердцем глубоко любимая?!

Я сегодня охотно с душой распростился бы,
Если б кинула взгляд издалека любимая.

Сам Камол промолчит – бледность щек доказательство,
Что состарила друга до срока любимая.

Перевод В. Звягинцевой

Дӯстон, марҳамате бар дили бечораи ман,
Ки бирафт аз бари ман ёри ситамкораи ман.

Дил ниҳодам мани мискин ба ҳалоки тани хеш,
Чӣ кунам, дар ғами ӯ нест чуз ин чораи ман?!

Вой бар чони ману бекасиву танҳой,
Гар набудӣ ғами ӯ муънису ғамхораи ман.

Ҳаваси лаъли лаби ӯ ба хароботи муғон
Кард садбора гарав хирқаи садпораи ман.

Эй сабо, гар гузар аз кӯи дилором кунӣ,
Бозпурсӣ хабаре з-ин дили овораи ман.

Дорам имрӯз сари он, ки кунам чонбозӣ,
Гар қадам ранча кунад дӯст ба наззораи ман.

Гар наёрад ба забон сӯзи ту чун шамъ, Камол,
Худ гувоҳ аст бар ӯ гунаи рухсораи ман.

Не заставляй с лукавым взглядом, исполненным
огня, сражаться,
Как удрученному заботой, с бедой день изо дня
сражаться?

См. также: «Воспоминания о старике»

Цепей своих волос кудрявых не отдавай зефиру в руки
С ним, благодатным, нам, ревнивцам, зачем, его кляня,
сражаться?

Я у дверей твоих, как нищий, всю ночь стоял. Молчи
об этом,
Чтобы не стал со мной завистник, соперника вина,
сражаться.

К твоим ногам меня повергни, пронзи стрелой одной
ресницы,
Но не вели душе и телу – они навек родня – сражаться.

Кинь завиток волос Камолу – давай помиримся на этом,
С тобой, так пламенно любимой, не заставляй меня
сражаться.

Перевод В. Звягинцевой

Бо чашми хуш, эй шӯх, маро ҷанг маяндоз!
Меҳнатзадаеро ба бало ҷанг маяндоз!

Дар дасти сабо силсилаи зулф маяфкан,
Шӯридадилонро ба сабо ҷанг маяндоз!

Шаб бар дари ту будаам, ин роз ниҳон дор,
Он ҳосиди сагро ба гадо ҷанг маяндоз!

Гуфтӣ, бари ёрон барадам куштани ёре,
Ноомада дар маҷлиси мо, ҷанг маяндоз!

Як новаки дигар бизану рост бизан низ,
Бо ҷон дили маҷруҳи маро ҷанг маяндоз!

Дар дасти Камол он сари зулф афкану кун сулҳ,
Худро ба мани бесарупо ҷанг маяндоз!

О, горе! Невинную кровь проливает
 Любовь беззаконно.
 Хоть раз на того, кто от ран изнывает,
 Взгляни благосклонно!

Из райского сада предутренный ветер
 Приносит нам вести,
 Но вестник, пути не найдя, улетает
 Назад огорченно.

Лишится садов наслажденья, кто бредит
 Одним ароматом.
 Тюльпаном, порвавшим свой ворот, склоняет
 Главу он без стога.

Прекрасные кудри твои с гиацинтом
 Сравнить не могу я, —
 Кто ж мускус Китая к траве приравняет
 Растущей у склона?

Разгромлено войско владычицы неба —
 Явилось другое:
 То войско кудрей твоих всех побеждает,
 Не зная урона.

О, горе! Не знаешь ты, как безысходны
 Страданья Камола,
 Но кто же о стражду щем напоминает
 У царского трона?!

Перевод В. Звягинцевой

Дилбаро, чашми хушат офати мастон омад,
Ташнаи лаъли ту сарчашмаи ҳайвон омад.

Партаве з-оинаи рӯи чаҳонороят
Матлаъи ҳусну латофат, маҳи тобон омад.

Шаммае аз сари гесӯи абирафшонат
Нофаи оҳуи Чин, турраи райҳон омад.

То расид аз сари кӯи ту насиме ба бихишт,
Бандаи хоки раҳат равзаи ризвон омад.

Солҳо пеши висоли ту набитвон гуфтан
Он чӣ бар ҷони ман аз меҳнати ҳичрон омад.

Дил ба уммеди саропардаи васлат, ҳайҳот,
Рафт чандон, ки раҳи умр ба поён омад.

Ҳар киро дар ду чаҳон орзуи рӯи ту нест,
Ҳаявонест, ки дар сурати инсон омад.

Эй, ки дил металабӣ, дар шикани зулфаш чӯй,
З-он ки ӯ маҷмаъи дилҳои парешон омад.

Кӣ расонад ба Камол аз сари кӯи ту нишон,
Пои уммед чу андар раҳи нуқсон омад?

Избежать очарования невозможно для людей,
Я уже подставил шею под кинжал в руке твоей.

Страсть моя к тебе не меньше, чем владычество стихий.
Сам стремлюсь к тому кинжалу, а ведь мог бы быть умней!

– Уступи меня другому, – дерзко молвила мне ты.
Чашу моего терпенья криво держишь, – не пролей!

Кто прочел мои газели – увидал ее портрет,
В ком и черпать вдохновение для искусства, как не в ней?

Вежливого обращения не дождешься от нее
Уноси мои пожитки, ветер, от ее дверей!

Говорит народ, подальше убегай от женских чар,
Даже днем не уберечься от сетей ее кудрей.

Вот Камол тайком коснулся этих шелковых жгутов,
Так повесь на них же вора, о красавица, скорей!

Перевод В. Звягинцевой

Нест аз шӯри ту чонро на гузиру на гурез,
Сар надорад зи сари ханчари ту низ ситез.

Орзу мебарам он рӯй, зихӣ оташи табъ!
Хотирам мекашад он теғ, зихӣ хотири тез!

Гуфтай: Зулфи качам дор ба дасти дигаре,
Монад ин ҳам ба ҳамон нукта, ки қач дору марез.

Нест шарти адаб, эй гард, бар он дар манишин!
Заҳмати худ бибар, эй бод, аз он кӯ, бархез!

Халқ гӯянд: Гурез аз ситами зулфу рухаш!
Рӯзи равшан ба чунин банд чӣ имкони гурез?

Ҳар ки хонд аз суҳанам васфи руҳи хуби ту, гуфт:
Накунад кас беҳ аз ин маънии нозук ангез.

Даст зад дар расани зулфи ту дуздида Камол,
Ёфтӣ дӯзд, ду дасташ ҳам аз он ҷо овоз.

56

Слезы бегут по лицу твоему ежечасно,
Стоны мои улетают во тьму ежечасно.

Есть кипарис на лужайке, увенчанный розой,
Как же губам не стремиться к нему ежечасно?

Если не милое имя твое, дорогая,
Что ж называть языку моему ежечасно!

Ранишь ресницами всех ты и справа и слева,
Луки бровей угрожают ему ежечасно!

Пыль от шагов твоих очи сурьмой обвела мне, –
Видеть бы людям на них ту сурьму ежечасно.

Тело Камола с душой его неразлучно –
Оба стремятся они к одному ежечасно.

Перевод В. Звягинцевой

Эй равон гирди дарат ашки равон пайваста,
Ба фалак бе ту маро оҳу фиғон пайваста.

Дар чаман чун варақи орази рухсори ту нест,
Гули сурх ин ҳама бар сарви равон пайваста.

То лабам пой ту бўсиду забон номи ту бурд,
Ин чудо шукри ту мегӯяду он пайваста.

То ба тири мижа дил сайд кунӣ аз чапу рост,
З-абрувон чашми ту дорад ду камон пайваста.

Хоки пой ту зи сад мил маро дар назар аст,
Бод он сурма ба чашми нигарон пайваста.

Дар чаҳон ҷои ҳадиси дигаре нест, ки нест
Сухани он лабу дандон ба забон пайваста.

Ба висоли лаби ӯ ёфта, то ҷуста Камол,
Зиндагонӣ чу тани гашта ба ҷон пайваста.

Серебро двух рук бесценных в рукавах ты бережешь,
А цена сердцам уставшим от страданий – медный грош.

На чужбине рассыпаю жемчуг одиноких слез,
Ты ж над жемчугом и мною и слезинки не прольешь.

Что ж утехой послужит мне на пиршестве любви?
Кровь – вино, скорбь – собеседник. Не на тризну
ль пир похож?

Говорят, соперник страшен, но когда свиданья жду –
Я не ведаю боязни, для меня весь мир хорош.

Но когда-нибудь я все же верный острый меч спрошу:
– Скоро ль недруга, о друг мой, надвое ты рассечешь?

Не считай Камола нищим, будет честью для него
Называться просто пылью, по которой ты пройдешь.

Перевод В. Звягинцевой

Туро, ки ҳаст зи соид ду остин пурсим,
Ба пули кӯҳна наярзанд муфлисони қадим.

Дури ятим фишонам мани ғариб зи чашм,
Тараҳҳуме нақунӣ ҳеч бар ғарибу ятим.

Хати ту сӯхт бар оташ ҳазор дафтари илм,
Надонамат зи кӣ ин хат гирифтаӣ таълим?

Ба даври ишқи ту ишрат ҳамин бувад, ки марост
Шароб хуни дилу ғам ҳарифу ғусса надим.

Ҳамеша бим кунанд аз рақиб ошиқро,
Умеди васл агар бошад, аз рақиб чӣ бим?

Маро тамоm бувад ним муддаo дар ишқ,
Кучоcт теғ, ки созад рақибро ба ду ним.

Камол, кист, ки ўро гадои худ шумарӣ?
Маро ҳақир шумар, к-аз ту миннатест азим.

58

Если ночью луноликая в сад без покрывала выйдет,
–Значит, солнце до зари еще, разгоревшись ало, взойдет.

Мучает меня бессонница, словно соль глаза мне щиплет
Пусть из глаз слезами горькими соль, что в них попала,
выйдет!

Я отчаяньем и горечью пламя очага питаю,
Кровь моя из сердца бедного, что кебабом стало.

Где следок замечу узенький – там я вынимаю землю,
И вода наружу чистая там, где ты ступала, выйдет.

Перевод В. Звягинцевой

Гар шабе он маҳ зи манзил бе ниқоб ояд бурун,
Аз сари шаб то дами субҳ Офтоб ояд бурун.

То ба чашми мо хаёли он лаб омад, хоб рафт,
Чун намак афтад даруни чашм, хоб ояд бурун.

Аз чигар хуне, ки резам, дил ғизо месозадаш,
Кути оташ бошад он хун, к-аз кабоб ояд бурун.

Ҳар кучо бошад нишони пойи ӯ, он ҷо ба чашм
Хок бардорем чандоне, ки об ояд бурун.

Кай бурун ояд лабат аз уҳдаи бўсе, ки гуфт?!
Чун муҳол аст оби ҳайвон, к-аз сароб ояд бурун.

Хирқаҳои сӯфиён дар даври чашми масти ту
Солҳо бояд, ки аз раҳни шароб ояд бурун.

Бо ҳама тақвою зухд, ар бишнавад номат Камол,
Аз даруни савмаъа масту хароб ояд бурун.

Утром влюблённый с молитвой на жарких устах
Ищет дыханья любимой в священных словах.

На голове, как безумный, идти я готов,-
К милой пути не найдешь, коль стоишь на ногах.

Полно вам плакать над тем, кто любовью убит,
Многих живущих живей утонувший в мечтах.

Плачущий, горькие слезы на землю роняй, –
Пыль из-под ног жалко смывать на щеках.

Воздух и ветер деревьям и розам нужны –
Не от ее ли дыханья цветение в садах?!

Тщетно вы ищите мускуса у кабарги –
Мускус душистый сегодня на этих кудрях.

Слышал Камол, что стихи его – бред, колдовство,
Что же так любо друзьям его в этих стихах?

Перевод В. Звягинцевой

Ошиқонат ба сахарҳо, ки дуо мегӯянд,
Ба дуо бўи ту аз боди сабо мечӯянд.

Ман ба сар мераваму дида ба роҳи талабат,
Бераҳӣ, бин, дигаронро, ки ба по мепӯянд.

Чист бар куштаи дилдор ҳама гиряи зор,
Чун шудаш ҳар сари мӯ зинда, чаро мемӯянд?

Ашкҳоро бизан, эй дидаи гирён, ба замин,
То чаро хоки раҳаш аз руҳи мо мешӯянд?

Бо вучуди кади дилчӯю гули худрӯяш
Дар чаман сарву гул аз боди ҳаво мерӯянд.

Зулфи ӯ карда раҳо ғолиябӯёни Хито,
Нофай оҳуи Чинро ба хато мебӯянд.

Шеъри ту чун ҳама гӯянд, ки сеҳр аст, Камол,
Дӯстони суханат шеър чаро мегӯянд?

Вне себя, от нежной страсти – к милой смело убегаю,
И от горького земного я удела убегаю.

Хорошо, что быстроногим и проворным я родился
От печали, чтобы сердце не скорбело, убегаю.

Кто меня застанет дома, если я свой дом покинул,
Если от всего, что раньше душу грело, убегаю!

Вижу я, что у порога моего стоит соперник, –
И, как нищий от собаки, ошалело убегаю.

Милая лишь раз внезапно убежала от Камола –
Я же от ревнивой муки то и дело убегаю.

Перевод В. Звягинцевой

Ман ба чонон зи чон гурехтаам
В-аз чафои чаҳон гурехтаам.

Офарин бар гурезпоии ман,
К-аз ғами ину он гурехтаам.

Халқ дар хонаам кучо ёбанд,
Ки ман аз хонумон гурехтаам.

Бар дараш дидаам рақибонро,
Чун гадо аз сагон гурехтаам.

Банда ҳаргиз гурехт з-озодӣ,
Аз дари ӯ ман он гурехтаам.

Гуфт: Аз ман гурез натвонӣ.
Гуфтамаш: Ман аз он гурехтаам.

Гар ту ногаҳ, гурехтӣ зи Камол,
Ман аз ӯ ҳар замон гурехтаам.

Пусть никто изнывать от любовной напасти не будет!
Пусть вовек у влюбленных безвыходной страсти не будет!

Пылкой страсти вино заедаю соперника бранью, –
Больше ни у кого пусть такого несчастья не будет!

Сон, закрой мне глаза, воспаленные думой бессонной, –
Пусть во сне ни тоски, ни грозы, ни ненастья не будет!

Если злая красавица близких друзей не жалеет –
Пусть для них у нее дружбы крохотной части не будет!

Если так ненавистен святошам разгул опьяненных, –
Пусть у пьяных тобой к трезвой жизни пристрастья
не будет!

Если весел охотник от крика им пойманной птицы,
Закричу! Пусть преград твоему своевластью не будет!

Раз чужие желанья тревожат ее – у Камола
Пусть желаний других, кроме жажды участия, не будет!

Перевод В. Звягинцевой

Дар ғами дилдор касро ин дилафгорӣ мабод!
Ҳеч ошиқро зи ёре дарди беёри мабод!

Хуни дил омад шаробам, нуқл душноми рақиб,
Ҳеч касро инчунин хориву хунхорӣ мабод!

Чашми бедори маро гар хоб мепӯшад назар,
Чуз ҳаёлаш муънисе дар хобу бедорӣ мабод!

То зи ҳою ҳуи мастон зоҳидон дар заҳматанд,
Ошиқонро аз майи ишқи ту хушёрӣ мабод!

Гар дили ёрони худ дорад бар оташ ҳамчунин,
Инчунин чуз бо манаш ёриву ғамхорӣ мабод!

Бонги мурғ аз дом чун бахшад фараҳ сайёдро,
Кори ман дар зулфи ӯ чуз нолаву зорӣ мабод!

Аз талаб гар мефазояд доғу дарди ӯ, Камол,
Дар дили реши ту чуз дарди талабкорӣ мабод!

Чем я снова заслужил равнодушное презренье?
С недостойными – добра, что тебе моё смиренье!

Сто ночей провел без сна, а как встретились мы утром,
Не узнала ты меня, изменило, верно, зренье.

Для чего меня, как воск, расплавляешь ежечасно,
Если цель твоя – моей преданной души сожженье?!

Исподлобья посмотрел я на тоненькие брови,
Сердце шепчет: я опять потерпело поражение.

Ты гарцуешь на коне перед войском побежденным.
Но лежачего не бьют, – не довольно ль униженья?

Дым от пламени души поднимается, как знамя,
Для чего же мой кумир жаждет нового горенья?!

Разве диво, что Камол ныне стал твоей добычей, –
Сокол выпущен тобой на птенца без оперенья.

Перевод В. Звягинцевой

Моро ба чӣ чурм аз назар андохтай боз,
Мо сӯхтаву ту ба хасон сохтай боз?

Сад шаб ба ман оварда ба рӯзу зи такаббур
Рӯзи дигарам дидаву нашнохтай боз.

Гар доияи сӯхтани қони манат нест,
Чун шамъи вучудам зи чӣ бигдохтай боз?

Бо абрӯи ту дида ниҳонӣ назаре бохт,
Дил гуфт: Назар кун, ки чӣ қач бохтай боз!

Эй омада дар ҳалқаи ушшоқ саворон,
Бар лашкари мағлуб чаро тохтай боз?

Аз дуди дарунҳо, шаҳи ман, нек бияндеш,
К-аз оташи дилҳо алам афрохтай боз.

Гар сайди ту шуд зуд Камол, ин аҷабе нест,
Бар мурғи парандохта андохтай боз.

Как ни пленительна гурия рая – она
Этой красавице – деве земной – не равна.

Стройное деревце – тело, и роза – щека,
Темная родинка слева на розе видна.

Миндалевидные очи и луки бровей
Солнцу красы твоей пара – одна лишь луна.

За направлением ветра с надеждой слежу:
Ветру желания наша судьба вручена.

Я на мгновение в счастье поверил вчера,
Вижу сегодня, что это лишь греза одна!

Не удивляйтесь рыданиям и стонам моим –
Пламя шипит, если слишком вода холодна.

Разве, луна, ты ущербною станешь луной,
Коль поглядишь на Камола, участья полна?

Перевод В. Звягинцевой

Парӣ ба ҳусну латофат надошт бо ҳама ҳол
Ҳар он чӣ дар рухи туст, эй маҳи хучистахисол!

Нигори сарвқади гульизори пистадаҳан,
Бути шакарлаби бодомчашми мушкинхол.

Агарчи абрӯи хубат ба дилбарӣ тоқ аст,
Бар офтоби чамоли ту ҳаст чуфти ҳилол.

Маро умеди висоли ту чун зи боди ҳавост,
Нишони кӯи ту мепурсам аз насими шамол.

Хаёли васли ту дӣ дар тасаввурам бигузашт,
Зиҳӣ тасаввури ботил, зиҳӣ хаёли муҳол!

Дил ар зи шавқи лабат нола мекунад, чӣ аҷаб,
Фиғони оташи сӯзон бувад зи оби зулол.

Рухат чу моҳи тамом аст, кай бувад нуқсон
Зи роҳи лутф агар бингарад ба сӯи Камол?!

Ты в состязанье победила, всех за собою увлекла,
Фисташки губ полуоткрыта – зубов резьбою увлекла.

В тот день, как в шахматы терзаний,
со мною начала играть –
Ладью мою и все, что было моей судьбою, увлекла.

Бесценный жемчуг аравийский в ее серьгах нам говорит,
Что розовою мочкой сердце она б любое увлекла.

Я пролил столько слез о милой, что, как соломинку подняв,
Меня вода к ее подножью волной прибоя увлекла.

Я при смерти был на чужбине, но тяга к родине меня
На крыльях дум о черных косах для встреч с тобою увлекла.

Камол, то сердце, что могло бы еще сто лет служить тебе,
Она одним лукавым взглядом, увы, без боя увлекла.

Перевод В. Звягинцевой

Он маҳ зи бутон гӯйи латофат ба зақан бурд,
Лабҳош дили пистаи хандон ба даҳан бурд.

Он рӯз, ки шатранчи чафогустарӣ омӯхт,
Дар аввали бозӣ рухи хубаш дили ман бурд.

Мекард ҳикоят дур(р) аз он лутфи баногӯш,
Ҳар ҷо санаме гӯш сӯи дурри Адан бурд.

Дар ҳасрати қадди ту зи бас гиря маро об
Бардошт ҷу хошок, суви сарви чаман бурд.

Дил буд баҷономада дар тан зи ғарибӣ,
Дар зулфи ту бозаш кашиши ҳубби ватан бурд.

Бистонд рақибам сари зулфат зи кафу рафт,
Нав шуд масали кӯҳна, ки хар рафту расан бурд.

Он дил, ки набурданд, Камол, аз ту ба сад сол,
Афсӯс, ки он ғамза ба як чашм задан бурд.

Жизнь прошла, а другом ты не стала до сих пор,
Притесняешь нас и мучишь, как бывало, до сих пор.

Удивительное дело: столько вздохов, столько слез,
А тебя не беспокоит наше горе до сих пор!

Пьян любовью, нарушаю ныне трезвости обет,
Хоть вино меня нисколько не прельщало до сих пор.

Изнемог я, истомился от недуга своего,
Как же сердце от желаний не устало до сих пор?

Каждый человек находит выход из тюрьмы страстей,
А Камол в цепях любовных с дней начала до сих пор.

Перевод В. Звягинцевой

Рафт умру нашуд он шӯх ба мо ёр ҳанӯз,
Мекунад чавр ба ёрони вафодор ҳанӯз.

Дӣ дар аснои сухан гуфт: Фалонӣ саги мост!
Ҳаст дар гӯши ман он лаззати гуфтор ҳанӯз.

Турфа коре, ки расид аз ғами ӯ кор ба ҷон,
Накунад зори мо дар дили ӯ кор ҳанӯз.

Ман аз он чашми хуш он рӯз шудам тавбашикан,
Ки набуд аз маю аз майкада осор ҳанӯз.

Зоҳидон аз пайи он ошиқи рафтори худанд,
Ки наяндр оғаҳ аз он қомату рафтор ҳанӯз.

Гарчи дил аз марази ишқи ту аз хеш бирафт,
Орзуи ту нарафт аз дили бемор ҳанӯз.

Ҳар кас аз банди ғаме ёфт наҷотеву Камол
Ҳамчунон аст ба қайди ту гирифтор ҳанӯз.

В ночь, когда снова вспыхнет огонь, что давно погас, —
Снова светильник счастья зажжется в полночный час.

Длинным, как волос милой, да будет фитиль,
Длинней, чем нить в иголке, да будет время для нас!

Нежной своей улыбкой огонь раздуваешь ты.
Сыплешь мне соль на рану — сверкает соль, как алмаз.

Если черное войско из Рума ты приведешь —
Мускус в Китае станет дешевле во много раз.

Если в Индию птица Камола песнь занесёт, —
Там соловей захочет воспеть огонь твоих глаз.

Перевод В. Звягинцевой

Шабе, к-аз оташи ишқи ту чонам сӯхтан гирад,
Чароғи давлатам он шаб зи сар афрӯхтан гирад.

Чу зулфат боядаш умри дарозу ришта з-он афзун,
Гар ин чоки гиребонҳо рафике дӯхтан гирад.

Зи шодӣ барчаҳам ҳар дам чу гандум бар сари тоба,
Гар он хат донаи дилҳо чу мӯр андӯхтан гирад.

Ба лаб бояд магас бигрифт ширинифурӯшонро,
Чу лабҳои ту дар ханда шакар бифрӯхтан гирад.

Зиёдат мекуни сӯзи дили мо аз шакарханда,
Намак бар реш агар резӣ, чароҳат сӯхтан гирад.

Зи роҳи Рум, гуфт, овард зулфам аз Ҳабаш лашкар,
Ба Чин арзон шавад нофа, гар он ҳинду Хутан гирад.

Камол, ин нукта гар мурге барад бар пар ба Ҳиндустон,
Биёяд тӯтиву аз ту сухан омӯхтан гирад.

Одного я хочу: погляди на меня, погляди!
Обожги меня взглядом и душу мне разбери.

Если мы покупаем, а милый торгаш продает –
Получаем полслова за тысячу воплей в груди.

Бросишь под ноги голову вместе с душою своею –
Все ей мало, и нечего ждать – пустота впереди.

Я спросил: Почему так далек я от черных кудрей?
А она: чернотой своих мыслей себе не вреди!

Лучше вылей ты мысли о счастье на сахар, Камол!
Сладость слова удвой и от желчи стихи огради.

Чтоб тростник из Египта отведать их сладость пришел,
Из Ширази пришел бы послушать тебя Саади.

Перевод В. Звягинцевой

Орзу бурдаам, ки чашми ту боз
Кушадам гаҳ ба ишва, гоҳ ба ноз.

Мо харидем, агар фурӯшад дӯст
Нимнозе ба сад ҳазор ниёз.

Гар кашӣ хони васл, лаб бикшой,
Ки нахуст аз намак кунанд оғоз.

Сари мо зери по фикан, чон низ,
Ҳар чӣ гуфтем, бар замин андоз!

Гуфтам: Аз зулфат аз чӣ дурам? Гуфт:
Боз рафтӣ ба фикри дуру дароз.

Дар шакар рез фикри хеш, Камол,
Қанди ҳар як сухан мукаррар соз.

То биёяд ба чошнигири
Шаккар аз Мисру Саъдӣ аз Шероз.

Моя печаль в ряду других не самая ль большая?!
 Любовь отметила меня, над всеми возвышая.

Все жадно слушают мои рассказы о любимой, –
 О тайнах жизни говорю, их не преуменьшая.

Не на концах ли кос твоих начало распрей мира?
 Да что там распри! Горю нет нигде конца и края.

«Чин» – завиток и «Чин» – Китай. Сквозь кудри видим
солнце,
 Поскольку солнечный восход со стороны Китая.

Соперник должен умереть, но он здоров и молод,
 Тебе он близок, потому живет он, расцветая.

Хотя состарился Камол у твоего порога –
 Он не старик, раз он постиг в любви блаженства рая.

Раз в памяти твоей мои газели сохранились –
 Всю мудрость жизни ты поймешь, их наизусть читая.

Перевод В. Звягинцевой

Дар сафи дилҳо ғами ту садрнишин аст,
Мартабаи нола аз ту бартар аз ин аст.

Бар ту на танҳо манам фишонда дилу дин,
Доия ин аст ҳар киро дилу дин аст.

Кас нашавад сер, гуфтай, зи висолам,
Хосияти умри ногузир чунин аст.

Ҳаст сари фитна дар замин сари зулфат,
Фитна чӣ бошад, балои рӯи замин аст.

Акси ҷамолат зи чини зулф тавон дид,
Матлаъи хуршед чун зи ҷониби Чин аст,

Марги рақиб омаду ҳанӯз ҷавонрӯст,
«Баҳти ҷавон дорад он ки бо ту қарин аст».¹

Гарчи зи ғам пир шуд Камол дар ин дар,
«Пир набошад, ки дар бихишти барин аст».¹

Шеърӣ манат гар ба хотир аст, ки хонӣ,
Чист тааммул? Бихон, ки сеҳри мубин аст!

¹ *Ин ду мисраъ аз Саъдист.*

Мучим ревностью к стану ее кипарис на лугу,
Холодит его ноги вода ручейка на бегу.

Посмотри, от смущенья расплавилось зеркало вод,
Отражая, как розу, красавицу на берегу.

Не хочу я рассказов о ею разбитых сердцах,
Я, наслушавшись их, в сердце горести не сберегу.

Если срежут мне голову, как для каляма тростник, –
Я приставлю другую и мозг той же страстью зажгу.

Эти губы украли и спрятали сердце мое, –
Покажи мне его, не приравнивай друга к врагу.

Чтоб колючки печали не смять под ногами в пути –
Превращу их в ресницы, чтоб взгляд твой сиял в их кругу.

Ты сказала Камолу: – Терпи, не смотри на меня, –
Прикажи мне другое, а этого я не могу!

Перевод В. Звягинцевой

Сарв девона шудааст аз ҳаваси болояш,
Меравад об, ки занчир ниҳад бар пояш.

Дошт аз об чу гул оина дар пеши ҷамол,
Об шуд оина аз шарми рухи зебояш.

Пеши ман қиссаи ошиқкушии ӯ макунад,
Тарсам, ин бишнавам, аз дил биравад ғамҳояш.

Гар буранд аз пайи савдош сари ман чу қалам,
Бартарошам саре аз нав, бикашам савдояш.

Зери по то нашавад хаста зи ман хоки раҳаш,
Кардаам чун мижа бар дидаи равшан ҷояш.

Даҳанат дузди дили мост, ба ӯ пинҳонӣ
Гар забони ту яке нест, ба мо бинмояш.

Гуфтай: Бе рухи мо кори ту сабр аст, Камол!
Ин намеояд аз ӯ, кори дигар фармояш.

Чтоб любоваться тобой, мало мне жизни одной,
Мне бы вторую прожить, только в две жизни длиной.

Ты мне сказала, не плачь, сердце твое исцелю,
Сердце разбито тобой, как исцелиться больной?

По морю скорби плыву, – родинка с нежной щеки,
Смотрит спокойно, как я с бурной сражаюсь волной.

Роза с нарциссом глядят грустно на прелесть твою.
Слезы у них на глазах и на одежде цветной.

Есть ли дорога без слез к легким твоим завиткам...
Без путеводной звезды путь невозможен ночной.

Веки смежает Камол, ни на кого не глядит,
Если ж закрыты глаза – мир нам не виден земной.

Перевод В. Звягинцевой

Хоҳам, ки кунам бори дигар бар ту назора,
Умрест, ки дорам ҳаваси умри дубора.

Гуфтӣ: Дили решат ба даво чора бисозам.
Садпора шудааст ин дили бечора, чӣ чора?

Мо ғарқай баҳри ғаму он холи баногӯш
Биншаста чу наззорагиён хуш ба назора.

Аз шавқи руху ғамзаи шӯхат гулу наргис
Ин дидаи тар дораду он ҷомаи пора.

Ҳарғаҳ равӣ, эй бод, ба хоки сари он кӯй,
Ҳамроҳи ту бод ин дили овора ҳамора!

Чуз ашкфишон ҷон наравад дар сари он зулф,
Шаб роҳ буридан натавон чуз ба ситора.

Бардӯхт назар бе ту Камол аз ҳама хубон,
То дида набошад, натавон кард назора.

Если идешь ты меж роз – то бойся дороги опасной,
Ноги шипами поранишь и руки с их кожей атласной.

Если заботливо спросишь: как твое сердце? – отвечу:
Спрашивать так о болящем – это обычай прекрасный.

Уж не от слез ли влюбленных черные кудри так выются,
Только не слишком ли тяжек шее их груз ежечасный?

Хочешь святых поразить ты прелестью дивной своею,
Но не святыне ли чудо этой красы сладострастной?!

Все эти сладкие речи друга-поэта создание,
Или за мной повторяет он их с надеждой напрасно?

Если Камол запекает песню о страсти к любимой, –
Должен покорно умолкнуть сам Саади сладкогласный.

Перевод В. Звягинцевой

Бар гил ба пой сарв чу рафтор мекунӣ,
Аз лутф пой нозукат афгор мекунӣ.

Гар ҳоли дил зи ғамза бипурсӣ, чӣ гӯямат?
Хуш мекунӣ, ки пурсиши бемор мекунӣ.

Панде бидеҳ ба зулф, ки хунҳои бедилон
Чандин чаро ба гардани худ бор мекунӣ?

Бо ғамза ҳам бигӯй, ки дар пеши мардумат
Хоҳам задан, ки шӯҳии бисёр мекунӣ!

Гуфтӣ, чамоли хеш намоям ба орифон,
Ин худ кароматест, ки изҳор мекунӣ.

Эй тӯтӣ, ин ҳадиси шакарбор аз они туст,
Ё гуфтаи ман аст, ки такрор мекунӣ?!

Саъдӣ агар чу тӯтии гӯё бувад, Камол
«Тӯтӣ ҳамӯш беҳ, чу ту гуфтор мекунӣ».¹

¹ Мисраъ аз Саъдии Шерозист.

Ливень цветы оросил, и задрожала роза,
В зазеленевшей воде лик отражала роза.

Выпрямился кипарис, вскинул нарцисс ресницы,
Ранила их красотой и без кинжала роза.

Счастливо сердце того, кто по весне знал радость,
Пели ему соловьи, благоухала роза.

Друг, посетивший сады, с доброй пришел к нам вестью:
Мак заалел в цветнике, без покрывала роза.

Тот, кто увидел в саду облик розовоподобной,
Душу навек потерял, – есть ли без жала роза.

Я попытался писать повесть о том, что было...
Ветер судьбы разорвал все, что внушала роза.

Жизнь такова, о Камол, – гибнем от вздоха ветра,
Грез несвершенных моих также увяла роза.

Перевод В. Звягинцевой

Бод гулбез шуду бар сари гул жола чакид,
Об дар чӯву зи пиromуни чӯ сабза дамид.

Гул зи рух пардаву наргис ба чаман чашм кушод,
Сарви шамшод қаду мурғи чаман нола кашид.

Хуррам он дил, ки баҳорон паи тартиби димоғ
Бонги мурғи чаману бўи гули тоза шунид.

Бод сӯи чаман омад, ки диҳад мужда, ки боз
Гул ба бустону ба гул меваи мақсуд расид.

Ҳар ки дид он қаду ораз, зи чаман оҳзанон
Аввал аз ҷону сар, он гаҳ зи гулу сарв бурид.

Бо ту гул дафтари худ хост, ки гирад ба ҳисоб,
Боғбон он варақу бод ба гул дарпечид.

Умр чун даври гул аз боди ҳаво рафту Камол
Доман аз ёру ба доман гули мақсуд начид.

Коснулся порога челом! Подумай, как я возгордился,
Простишь ли ты пса твоего? Зазнайства я сам устыдился.

Велела индийцам-очам, чтоб взоров клинки обнажили,
Но разве при виде мечей мой пыл хоть на миг охладился.

Шепнули губам завитки: Вы часто невинных казните!
Я сам не пойму, почему так долго в цепях находился!

Спросила ты: – если приду, – чего захватить мне с собою?
– Возьми сострадания запас. О, как бы он мне пригодился!

– «Не вздумай глядеть на меня!» – сказала задорно красуясь,
Хочу, чтобы ангел Хорут в моей слепоте убедился.

Недаром повсюду Камол прославлен изяществом слога,
Надменный Шираз удивлю, сказав: – Я в Ходженте родился.

Перевод В. Звягинцевой

Сар бар дари туам, бинигар сарбаландиям,
Эй ман саги ту, афв кун ин худписандиям.

Гӯ, хиндуи ду чашми ту баркаш зи ғамза теғ,
Ман он наям, ки аз ту бурад теғи ҳиндиям.

Хуш гуфт зулф бо лаби чонбахши ту шабе:
Хунӣ туй, чаро мани афтода бандиям?

Гуфтӣ: Ба пурсиши ту чу оям, чӣ орамат?
Раҳме биёр бар ману бар мустамандиям.

Хез, эй табиб, марҳаму дармон зиён макун,
К-ин дарди ўст, доғ кунад судмандиям.

Аз ман бубаст чашм ба ҳангоми нозу гуфт:
Ҳорут, гӯ, биёву бубин чашмбандиям.

Бо лутфи табъ мардуми Шероз аз Камол
Бовар намекунанд, ки гӯӣ Хучандиям.

Паломники о твой порог напрасно расшибают лбы.
 Не сердце в мраморной груди, а черный камень Каабы.

Душа души – твои уста. Недаром голова моя
 Достойней места не нашла, чем пыль вблизи дверной
 скобы.

На землю тень отбросишь ты – и роз багрец, и зелень трав
 Появятся на месте том, где вихрились песка столбы.

Ресницы взмокли у меня. Такого ливня мир не знал,
 Когда сгущались в небесах несчетных облаков клубы.

– Во что ты ценишь поцелуй? – спросил. Спросила:
 – Что ты дашь? –
 Ответил: – Жизнью заплачу, ценою собственной судьбы!

А слезы хлынули, блестя, из самой сердца глубины
 И начертали на лице твоём, Камол, слова мольбы.

Перевод В. Звягинцевой

Зиҳӣ, чу Каъба туро сад ҳазор сар дар дар,
Дилат ба бар ҳаҷаруласвадест дар мармар.

Нагуфта номи лаби нозукат ба чуз чон чон,
Надида лоиқи хоки дарат ба чуз сар сар.

Зи нозукӣ хати ту сар бупечад аз райҳон,
Ба ҳамдамӣ қади ту ор дорад аз ар-ар.

Кабуду сурх барояд чу барги гул аз лутф,
Агар зи пераҳанат сояе фитад бар бар.

Ҳазор бор фузун гирди худ баромад абр,
Надид аз мижаи селбори мо тартар.

Баҳои бўс, ки гуфтам, чӣ медиҳӣ – пурсид?
Дубора гуфтамаш: Эй умри ройгон, зар, зар!

Равон-равон зи дили реш он чӣ гуфт Камол,
Навишта бар варақи чехра ашки мо фар-фар.

О сердце бедное, скажи, – где золото, где мощь твоя?
Из-за прелестниц – нищим стал я от хмельного питья.

Вино – рубин, а чаши цвет – как изумруд иль глаз гадюки,
Я пью до дна, чтоб ты ослеп, завистник – времени змея!

О тех, кого меж нами нет, пускай расскажет виночерпий,
Чтоб стала солона от слез напитка горькая струя.

Превозносили до небес в былые годы Сулеймана.
Теперь, ячменных зерен горсть, – он стал добычей муравья.

Я этот мир сравню с пчелой. В его уладах много меда,
Но жало горечи и зла таится в чаше бытия.

Камол ослаб! Он, как свеча, роняет слезы золотые:
Дождусь ли я свиданья с той, в ком золото и мощь моя?

Перевод В. Потаповой

Дили мискин, ки мебинӣ аз ин сон бе зару зӯраш,
Ба хоки майкада карданд хубон муфлису ураш.

Шароби лаъл менӯшам ман аз чоми зумуррадгун,
Ки зоҳид афъии вақт асту месозам бад-ин кӯраш.

Ба қасди чоми мо дар даст дорад сангҳо, ё Раб,
Намонад муҳтасиб в-онҳо бимонад бар сари гӯраш.

Зи ҳоли рафтагони мо дигар бо мо мағӯ, соқӣ,
Ки дорад бодаи талхи ту оби дидаҳо шӯраш.

Сулаймон ку, ки дар ҷавви ҳаво маҳдаш кашидандӣ,
Кунун ҷав ҷав шуд андар хоку ҳар сӯ мебарад мӯраш.

Ҷаҳону ҷумла лаззоташ ба занбӯри асал монад,
Ки ширини-ш бисёр асту з-он афзун шару шӯраш.

Камол аз заъфи тан чун шамъ дорад зарфишон чехра,
Муяссар кай шавад васли бутон бо ин зару зӯраш?

Я губы и кудри искал, и вдруг – укололо – нашел!
 Источник бессмертья среди зеленого дола нашел.

Блаженство за гробом сулят моельщикам, старцам
святým,
 Я счастье земное своё – не рай богомола! – нашел.

Охотой красавиц пленяясь, я кудри Айяза нашёл, –
 Силок, захвативший врасплох владыку престола, – нашел.

Рабов притесняли, как ты, царицы во все времена!
 В объятых державной красы я жертв произвола нашел.

На улице, пери, твоей Камола я долго искал
 И, – прахом у двери твоей, лишенным глагола – нашел.

Перевод В. Потаповой

Аз лабу зулфи ӯ нишон чустаму бозёфтам,
Оби ҳаёт хӯрдаму умри дароз ёфтам.

Сирри Худост нуқтаи он даҳану дар он сухан,
Воқифи сирри ғайбро маҳрами роз ёфтам.

Роҳравони Каъба, гӯ, бар пайи ман ниҳед пай,
К-аз сари кӯи ӯ раҳе сӯи Ҳичоз ёфтам.

Ҷаннати нася, зоҳидо, ту ба намоз ёфтӣ,
Давлати васли нақдро ман ба ниёз ёфтам.

Чун ба назора омадам рӯзи шикори дилбарон,
Доми дили Сабуктакин зулфи Аёз ёфтам.

Не ту ба бандағони худ чавру ситам ҳамекунӣ,
Ҷумла шахони хуснро банданавоз ёфтам.

Бар сари кӯи дилбарон буд Камол гум шуда,
Гирди дари туаш талаб кардаму бозёфтам.

Луне назло твой лик пригож, – сказал? Сказал!
А губы – слаще не найдешь, – сказал? Сказал!

Ты для друзей – души дороже! Без тебя, –
Как без души, – не проживешь! – сказал? Сказал!

Любви своей от глаз чужих не утаив,
Я сам друзьям о ней ну что-ж? – сказал? Сказал!

Что делать, если мой соперник хуже пса!
В сравненьи с ним и пес хорош! – сказал? Сказал!

О бессердечности твоей не говорил, –
Молчал! А стало невтерпеж – сказал? Сказал!

– «Камол», – обиделась, – «назвал меня своей!»,
Уж если он такую ложь сказал, – сказал!

Перевод В. Потаповой

Рухат рашки камар гуфтем, гуфтем,
Даҳонатро шакар гуфтем, гуфтем.

Чу ширинтар зи чонӣ дӯстонро,
Зи ҷонат дӯсттар гуфтем, гуфтем.

Чу сирри ишқи мо донист ағёр,
Ба ёрон ин хабар гуфтем, гуфтем.

Ғамат гуфто: Бигӯед андар ин роҳ
Ба тарки ҷону сар гуфтем. Гуфтем.

Рақибатро, ки сағ бисёр аз ӯ беҳ,
Чӣ шуд, гар з-он батар гуфтем, гуфтем.

Маро номехрубон гуфтанд, гуфтӣ,
Нагуфтем ин, агар гуфтем, гуфтем.

Чӣ ранҷӣ, гар Камол, они худат гуфт?
Дурӯғе ин қадар гуфтем, гуфтем.

От несравненной красоты я должен, по словам ханжи
отречься!
Пускай аллаха молит он, дабы помог ему от лжи
отречься!

Сказал святоша: «Перестань валяться у ее дверей, рыдая!»
Не может нищий от мольбы – как на него ты ни
брюзжи! – отречься.

Двоякого исхода несчастный, в эту красоту влюбленный:
Его соперник умертвит или вынудит от госпожи отречься!

Когда внезапный ветерок исходит от ее кудрей душистых,
На рот прелестный не смотри, от пылких взглядов
попешши отречься.

Все в кабачок ушли. Никто не вял твоим,
достоиный шейх, призывам!
Кого заставишь от вина, – возненавидев кутежи, –
отречься!

Наставник подлинный не тот, кто скажет:
«Воздержись, Камол, от пьянства!»
Коль истинный наставник ты – от воздержанья
прикажи отречься.

Перевод В. Потаповой

Зохид аз рӯи ту то чанд маро тавба диҳад?
Гӯ дуо кун, ки Худояш зи риё тавба диҳад.

Гуфтай, бар дари ӯ бас кун аз ин нолаву оҳ,
Кас надидам, ки гадоро зи дуо тавба диҳад.

Ошиқи рӯи туро з-ин ду бурун коре нест,
Ё рақибаш кушад аз ишқи ту, ё тавба диҳад.

Ройгон дил барад он абруву з-ин н-ояд боз,
Шӯхи қачбоз, кӣ ўро зи дағо тавба диҳад?

Шайх дар даври лаби ӯ ба касе тавба надод,
Ҳама рафтанд ба майхона, киро тавба диҳад?

Пеши лабҳои ту аз даъвии кӯчакдаҳанӣ
Гунҷаҳоро ба задан боди сабо тавба диҳад.

Муршид он нест, ки аз май диҳадат тавба, Камол,
Муршид он аст, ки аз тавба туро тавба диҳад.

Еще не свершили мы дела, а жизнь завершить суждено,
Ко мне подойди, виночерпий, чье дело – хмельное вино.

Питьем из ключей животворных ты жаждущего напои,
Счастливой надеждою будет его бытие продлено.

Красавица, ты, как в столице, – в сердцах, потерявших
покой, –
Живешь безмятежно! На царство ты здесь утвердилась
давно.

С той самой поры, как предметом беседы избрал я тебя,
Рассудок со мной разлучился, и стало сознание темно.

Увы, многоопытным старцам известна цена красоты,
Поэтому сердце плениться твоей красотой должно.

Тебе, непорочной, прелестной, избранника нужно под
стать,
Его благородство сравниться с твоей чистотою должно.

Кто жаждет свиданья – сначала пусть в сердце
взлелеет любовь,
Кто хочет колосьев – сначала пусть в поле посеет зерно.

Пора посрамленному Хизру покинуть бессмертья
родник,
Родник моего красноречья ему – унижение одно!

И если Шираз почитали превыше Ходжентской земли –
При жизни Камола Ходженту снискать уважение дано.

Перевод В. Потаповой

Дардо, ки рафт умру накардем ҳеч кор,
Соқӣ, биё, ки кор ту дорӣ, шароб дор!

Аз чашмасори чоҳи чавонӣ ба ташнае
Обе бидеҳ, ки пир шавӣ, эй умедвор!

Ту шахриёри ҳусниву шаҳри қадими туст
Дилҳои беқарор, ки кардӣ дар ӯ қарор.

Чашми рамадгирифтаи мо бар ту гар фитад,
Аз мардуми заиф фитодан ачаб мадор.

З-он дам, ки суҳбати ту маро ихтиёр шуд,
Қарданд ақлу ҳӯш зи ман суҳбат ихтиёр.

Пирони қордида шиносанд қадри ҳусн,
Дар рӯзгори ҳусни ту моем пири қор,

Покизарӯй чун гулу покизадоманӣ,
Шоистаи ту ошиқи покизарӯзгор.

Дар дил нишон муҳаббати холаш ба бӯи зулф,
То ҳӯшаҳо ба даст кунӣ, донас бикор!

Гар бингарад равонии оби суҳан, Қамол,
Аз чашмсори ҳеш равад Хизр шармсор.

Ҳоки Ҳучандро, ки зи Шероз кам нӣханд,
Орад ба рӯзгори ту обе ба рӯи қор.

О кравчий, праздника хочу: веселья мне мила стезя,
В кабак дорогу я ищу: похмелья мне мила стезя.

Кто богу жаждет угодить – кабак влюбленным завещай,
Чем строить путникам приют, благочестиво лебезя.

Ханже в день Страшного суда не перейти через ручей,
А пьяница осилит мост над адской бездной, не скользя.

Проваливай, почтенный шейх, и на пропойцу слов
не трать!
Я только с милой говорю, да с чашей всем другим дерзя.

Соперника я приобрел. Должно быть, город опустел!
На голой шахматной доске из пешки делают ферзя.

Старайся не спешить, Камол, при описаньи губ и щек!
В столь щепетильном деле быть неосмотрительным –
нельзя.

Перевод В. Потаповой

Дорем, соқиё, ҳаваси ишрату нишот,
Чӯёи роҳи майкадаем, эҳдинассирот.

Майхонае бисозу бикун вақфи ошиқон,
Чизе, ки бериёст беҳ аз сад пулу работ.

Зоҳид ба рӯзи ҳашр пулу чӯй карда гум,
Майхора часта аз пулу бигзашта аз сирот.

Мо ошиқему ринду ба маъшук мухталит,
Эй шайхи некном, ба мо кам кун ихтилот!

Дар шаҳр кас намонд аз он шуд касе рақиб,
Фарзин шавад пиёда, чу гардад тихӣ бисот.

З-он лаб, равам ба ханда, чу душном бишнавам,
Нуқлу май аст мӯчиби шодиву инбисот.

Суръат макун ба васфи лабу оразаш Камол,
Корест ҳар ду нозуку шарт аст эҳтиёт.

81

Чтоб сахаром назвать уста – мы вдвое сласть его
умножим,
Словами сладкими, как мед, мы губки две
прославить можем.

Я стал описывать лицо, и полночь превратилась в день, Рассказ о черноте кудрей мы на другую ночь отложим.

—«Благоуханна и черна» — сказав о родинке твоей,
Воспоминаньем о кудрях мы снова душу растревожим.

К мечте высокой приравнять хочу я стройный кипарис,
И то же самое сказать о стане, с кипарисом схожем.

Кровавыми слезами я разлуки повесть начертал
В пыли порога твоего, на удивление прохожим.

Камола слезы описать – язык цветистый нам помог,
Твоих упреков и хулы бедняге избежать поможем.

Перевод В. Потаповой

Он даҳонро ба ду лаб қанди мукаррар гуфтем,
Сухани мухтасари хуб чу шаккар гуфтем.

Оразатро, ки шуд аз холу хат олуда ба мушк,
Пеши дилсӯхтагон шамъи муанбар гуфтем.

Чун ба васфи рухи ту рӯз шуд имшаб шаби мо,
Сифати зулфи сиёҳат шаби дигар гуфтем.

Дил зи мушкинии он хол ҳадисе мегуфт,
Чун ба зулфи ту расид, он сухан аз сар гуфтем.

Зикри болои ту гуфтем баробар бо сарв,
Ҳар ду чун зикри баланд аст, баробар гуфтем.

Дида бар хоки дарат кард ба хуноба нигор
Мочарое, ки шаби ҳаҷр бар он дар гуфтем.

Бо ту аз бими маломат сифати ашки Камол
Гарчи рангин сухане буд, равонтар гуфтем.

Как зовется та, что надо мной захватила власть, —
я не скажу!

Про нее ни слова не скажу, — не видать мне
счастья! — не скажу!

Про лицо, укрытое чадрой, чтоб его не сглазил
кто-нибудь,
Я гуляке, чей безумный взор полон сладострастья,
не скажу.

Если даже спросят у меня: «Кто твою, бедняга,
пролил кровь?» —
Сплетнику, лжецу, клеветнику, что глумились
всласть, я не скажу.

Убивай меня на сто ладов — негой глаз, надменностью
бровей.
Про твое злодейство никому я, ища участия, не скажу.

Горделивой стройностью твой стан даже древо рая
превзошел,
А про кипарис я не скажу; чтобы в ложь не впасть, —
я не скажу!

Если мне случится где-нибудь о сердцах жестоких
говорить, —
Сразу вставлю слово о тебе. Про свою напасть
я не скажу.

Если я Камолу опишу хоть собаку с улицы твоей,
Я ни слова о собаке той без подбострастья не скажу!

Перевод В. Потаповой

Ошиқи кист дилам, боз нахоҳам гуфтан,
Сари мӯе ба кас ин роз нахоҳам гуфтан.

Васфи он рӯй, к-аз осеби назарҳост ниҳон,
Пеши риндони назарбоз нахоҳам гуфтан.

Гар бипурсад зи ман он ғамза, ки хуни ту кӣ рехт?
Ҳаргиз ин роз ба ғаммоз нахоҳам гуфтан.

Гиладу нозу итоби ту ба он абрӯву чашм
Гар кушӣ сад раҳам аз ноз, нахоҳам гуфтан,

Пеши болот, к-аз ӯ шуҳрати Тӯбо паст аст,
Сухани сарви сарафроз нахоҳам гуфтан.

Дар мақоме, ки биро нам суҳан аз сангдилон,
Ҷуз ҳадиси ту дар оғоз нахоҳам гуфтан.

Гар бигӯям зи саги кӯи ту васфе ба Камол,
Ҷуз ба икрому ба эъзоз нахоҳам гуфтан.

Вот уж праздник наступает. Время на луну глядеть,
Приоткрой чадру! Хочу я на тебе одну глядеть.

Ты – луна и праздник вместе! Косоглазым стану,
Коль от милой отвернувшись, на луну начну глядеть.

Обречешь ли на закланье нас на празднике другом?
Пред лицом твоим – что толку в празднике другом? –
ответь!

Пост окончился. Нет нужды нам о пище тосковать!
Поскорее, виночерпий, принеси вино и снедь!

Смолкли прославления бога, четок щелканье и треск,
Но, клянусь постом, от шума стало в голове гудеть!

И молитвою Камола в этот вечер я клянусь:
Головную боль и дразги больше не тащить в мечеть!

Перевод В. Потаповой

Ид меояду вақт аст, ки дар маҳ нигарем,
Парда баргир, ки аз маҳ ба ту муштоктарем.

Аз чамоли ту, ки ид асту ба маҳ монад рост,
Гар гуморем назар бар маҳи нав, качназарем.

Ҳаст дар иди дигар куштани мо фикри баид,
Пеши рӯи ту чӣ мухтоҷ ба иди дигарем?

Сари зулфат шаби қадр асту ғанимат шаби қадр,
Як шаб он иқд бигирему ғанимат шумарем.

Соқӣё, бода деҳу нуқл, ки шуд навбати он,
Ки дигар рӯза хӯрему ғами рӯзӣ нахӯрем.

Паст шуд ғулғули тасбеҳу таровеҳу ҳанӯз,
Ба ҳақи рӯза, к-аз он валвала бо дарди сарем .

Рӯза хӯрдему қасам ҳам ба намози ту, Камол,
Ки дигар дарди сари хеш ба масҷид набарем.

Друзья меня спросят, о ком я тоскую. Зачем говорить?
Из многих красавиц я выбрал какую? Зачем говорить?

Зачем я сижу на дороге желанья, кого я люблю,
Кого дожидаюсь, чего я взыскую? Зачем говорить?

От горя ты высох, – мне скажут, – осталось прозвание одно!
Кто делит с тобою печаль? – Изреку я: – Зачем говорить?

Подступит соперник: – А ну-ка, молчальник,
ответь напрямик?
С кем шашни завел ты? – Я с ним не толкую!
Зачем говорить?

Любимой готов я про кудри и щеки твердить без конца,
О прочем, – хоть гнев на себя навлеку я, – зачем говорить?

Но если дождусь вероломства от ветреных этих кудрей, –
Расспрашивать их я не стану. Впустую – зачем говорить?

И если бы томные взгляды, Камол, твою пролили кровь, –
Недобрым глазам про обиду такую, зачем говорить?

Перевод В. Потаповой

Маро гӯянд ёрон, кист ёри ту? Чаро гӯям?
Зи маҳруён кадом аст ихтиёри ту? Чаро гӯям?

Нишаста бар сари роҳи талабкорӣ чу муштокон,
Барои кист чандин интизори ту? Чаро гӯям?

Намонд аз хӯрдани ғамҳои ту ному нишоне ҳам,
Нагӯӣ, чист номи ғамгусори ту, чаро гӯям?

Рақиб, ар гӯядам, к-эӣ беҳабар аз қору бори худ,
Ба ман боре бигӯ бо кист қори ту? Чаро гӯям?

Ғарам бошад маҷоли нутқ пеши ту ба рӯзу шаб,
Сухан чуз аз сари зулфу изори ту чаро гӯям?

Агар боз аз қарори дӯстӣ он зулф баргардад,
Чарову чун ба зулфи беқарори ту чаро гӯям?!

Агар хуни Камол он ғамза резад аз сари мастӣ,
Ман аз ранҷиш ба чашми пурҳумори ту чаро гӯям?!

Водой соленой у меня от плача налились глазницы,
Зато от рассказней моих смежает сон твои зеницы

Под сенью мягких завитков – сердитый узелок бровей:
Видать наскучило тебе влюбленных слушать небылицы.

С восходом твоего лица, затмившего собой луну,
Мы свечи можем загасить. Не надо ждать лучей денницы.

Твои лукавые глаза как будто забрались в михраб,
Они под сводами бровей блестят сквозь черные ресницы.

Хмельную чашу осушил до дна во славу губ твоих
Монах, молельщик, ничего не знавший, кроме власяницы.

Камол, пошли газель в Тебриз. Ты путь Сурхабу преградил
Потоками кровавых слез, пролитых из-за чаровницы.

Перевод В. Потаповой

Аз гиря маро хонаи чашм об гирифтаст,
Дар қиссаи мо чашми туро хоб гирифтаст.

Дорад гираҳе зулфи ту пайваста бар абрӯ,
Гӯй, дилат аз суҳбати аҳбоб гирифтаст.

Аз бори гуҳар гарчи баногӯши ту озурд,
Сад гӯш ба узраш дури сероб гирифтаст.

Бо талъати ту шамъ чӣ ҳоҷат шаби моро,
Чун равшанӣ аз партави маҳтоб гирифтаст?

Чун обиди пурҳила ба сад макру фан он чашм
Пӯшида сияҳ, гӯшаи меҳроб гирифтаст.

Зоҳид, ки ба чуз рӯзаву кунҷе нагирифтӣ,
Бо ёди лабат қоми майи ноб гирифтаст.

Бифрист, Камол, ин ғазали тар сӯи Табреш,
Чун сели сиришкат раҳи Сурхоб гирифтаст.

Красавица не знает верности, и вкус ее каков – не знает,
 Не знает сострадания к пленникам, влюбленных без
 оков, не знает.

Ей, бессердечной, сердце вверил я и тем обрек его на муки.
 Кто мог подумать, что, жестокая, сама любви тисков
 не знает!

Свою болезнь открыл я лекарю, но принял он меня сурово,
 От этой хвори ни целебного питья, ни порошков не знает.

Напрасный труд – взывать о милости, валяясь у ее порога,
 Султан голодным не сочувствует, о нуждах бедняков
 не знает.

Мое заветное желание прелестному врачу открыто,
 Но врач зачем-то притворяется, что, дескать
 бестолков, – не знает.

Красавицы уста румяные, кому еще вы столь желанны?
 Мне жаль того, кто вас не видывал: он лакомых
 кусков не знает.

От мира скрыть не может помыслов Камол,
 гуляка простодушный,
 Святые старцы изворотливы, а он обиняков не знает.

Перевод П. Потаповой

Маҳи номехрубони ман вафодорӣ намедонад,
Ба аҳли дил ба чуз зулму ситамкорӣ намедонад.

Чу додам дил ба дасти ӯ, ба пои меҳнат афкандаш,
Чӣ дониستم мани бедил, ки дилдорӣ намедонад?!

Ба наздики табиб аҳволи дарди хеш мегуфтам,
Вале ӯ чораи ин навъи беморӣ намедонад.

Чӣ суд аз нолаву зорӣ бар ин дар додхоҳонро,
Ки султон ҳоли мискинони бозорӣ намедонад.

Муроди хотири мо нек медонад, ҳабиб, аммо
Тағофул мекунад 3-он сон, ки пиндорӣ, намедонад.

Лабу дандони чун ӯйе ба коми чун мане авлӣ,
Ки кас ширинтар аз тӯтӣ шакархорӣ намедонад.

Камол аз халқ натвонист пӯшидан назарбозӣ,
Ки ӯ ринд асту чун зухҳод таррорӣ намедонад.

Сказала: «Вырви из души меня скорей!» – Не говори так!
Поскольку ты сама – душа души моей, не говори так!

Сказала: «Верности прямым путем идти – мне не дано!»
Столь стройная, могла бы ты ходить прямой! Не говори так!

Сказала: «Будто в первый раз теряешь ты мою любовь!»
– Любовь моя, не говори таких речей, – не говори так!

– «Не я лучи твоих надежд в ночную превратила тьму!»
– Скрывая белое лицо во мгле кудрей, не говори так!

– «Из марева, – сказала ты, – не зачерпнуть воды вовек!»
– Не марево – твоя любовь! Она – ручей! Не говори так!

– «Из дружбы, – молвила, – назвал меня душой своей Камол!»
– Что хочешь, говори, – но, свет моих очей, не говори так!

Перевод В. Потаповой

Гуфтай: Аз мо дилат бардор, зинҳор, ин мағӯ,
Ҷони ман, бо он лабу гуфтор, зинҳор, ин мағӯ!

Гуфтай: Роҳи вафо мо рост натвонем рафт,
Бо ҷунон қадди хушу рафтор, зинҳор, ин мағӯ!

Гуфтай: Хоҳам буридан аз ту дигар бор меҳр,
Ҳам ба меҳри худ, ки дигар бор, зинҳор, ин мағӯ!

Гуфтай: Субҳи умедат ман наёвардам ба шом,
Аз руху аз зулф шарме дор, зинҳор, ин мағӯ!

Гуфтай: Дар офтобу маҳ тавон ҳаргиз расид,
Васли рӯям ҳам ҳамон ангор, зинҳор, ин мағӯ!

Гуфтай: Оби хуше ҳаргиз касе хӯрд аз сароб,
Ваъдаи мо ҳам ҳамон пиндор, зинҳор, ин мағӯ!

Гуфтай: Аз дӯстӣ ҷони худам хондӣ, Камол,
Ҳар чӣ мегӯӣ, бигӯ зинҳор, зинҳор, ин мағӯ!

У ручья мы побывали – и ушли,
Губ твоих не целовали – и ушли.

Хоть разлука сердце нам испепелила,
Мы к надежде не воззвали – и ушли.

В рошах мира, не найдя себе приюта,
День – другой попиrowали – и ушли.

Оказался не про нас шербет свиданья!
Мы разлуки яд впитали и ушли.

Вспомнив розу, – сто одежд, под стать Камолу,
На себе мы изорвали – и ушли.

Перевод В. Потаповой

Мо аз лаби ту ком надидему гузаштем,
Ташна ба лаби чашма расидему гузаштем.

Гуфтем дуои туву аз бахти мухолиф
Аз лафзи ту душном шунидему гузаштем.

Бо доғи фироқи ту, ки ҷонсӯз азобест,
Аз зиндагӣ уммед буридему гузаштем.

Як шаб накашидем туро дар бару ҳар рӯз
Сад ҷавру ҷафо аз ту кашидему гузаштем.

Дар бешаи дунё, ки чарогоҳи дили мост,
Рӯзе ду ҷаридему ҷамидему гузаштем.

Шаҳди лаби ту шарбати васли дигарон буд,
Мо заҳри фироқи ту ҷашидему гузаштем.

Монанди Камол аз ҳаваси он гули рухсор
Сад ҷома ба ёди ту даридему гузаштем.

Нас корит за пьянство постник и ревнитель благочестья.
Кравчий! Вздорным бредням – чашу как могу
не предпочесть я?

Сколько есть влюбленных – плачут, стонут,
 будто от недуга,
 Кто не ведал этой боли, пусть поплачет с ними вместе.

Чтоб свеча в опочивальню не проникла в ночь свиданья,
Вспыхни, утренний светильник, словно доброе предвестье.

Душу кинул бы охотно я в лицо тебе, как розу!
Нежная, – ты огорчишься, примешь это за бесчестье.

Жажду я с тобой свиданья, но мечте никак не сбыться:
Жребий самый несчастливый предсказали мне созвездья!

Назови рабом, лежащим у дверей твоих, Камола –
И смогу себя счастливец величайшим в свете счесть я!

Перевод В. Потаповой

Зоҳиди шаҳрам зи риндӣ мекунад ҳар дам суол,
Соқиё, май, деҳ, ки ӯ дар сар надорад чуз ҳаёл.

Нолаи дилсӯзу охи ҳастагон бе дард нест,
Эй ки дардат нест, боре аз пайи дарде бинол!

Хилвати васл аст, даргир, эй чароғи субҳдам,
То наёбад шамъ роҳе дар шабистони висол.

Борҳо дар ҳасрати боди сахаргоҳам, ки чун
Бо чунон бетоқатӣ ёбад дар он ҳазрат маҷол?

Қон ба рӯят ҳамчу гул, гуфтам, барафшонам равон,
З-он ҳаметарсам, ки табъи нозукат гирад малол.

Бо чунин бахти парешоне, ки дар толеъ марост,
Давлати васли ту меҳоҳам, зихӣ фикри муҳол!

Гар ту рӯзе аз сағони кӯи худ хонӣ маро,
Худ ҳамин бошад камоли давлату бахти Камол.

Для чего таиться мне от света? Я люблю тебя.
На любовь не наложить запрета. Я люблю тебя.

Естества мельчайшая частица, каждый волос мой
Служит мне, покуда – вот примета! – я люблю тебя.

Все равно, – найдешь себе жилище в сердце ли моем,
Будет ли душа тобой согрета? – я люблю тебя.

Стан твой предпочел я кипарису, а твое лицо
Мне милей тюльпана в час расцвета: я люблю тебя!

За твою неласковость, холодность – верностью плачу,
Потому что даже без ответа я люблю тебя.

В сердце ты одна. Один из многих, сердец потеряв, –
Как зеницу ока, без завета я люблю тебя.

– «Кровь твою, Камол, пролью, сказала, чтобы ты меня
Счел своим врагом!» – Но и за это я люблю тебя.

Перевод В. Потаповой

Баъд аз имрӯз ошкоро дӯст медорам туру,
Аз ту чун пӯшам, нигоро, дӯст медорам туру

Дар вучуди ман зи ҳастӣ ҳар сари мӯе, ки ҳаст,
Дӯст медорад маро, то дӯст медорам туру.

Хоҳ дар дил бош сокин, хоҳ дар чон шав муқим,
Гар дар ин ҷой в-ар он ҷо, дӯст медорам туру.

Орам ояд пеши сарву лола рафтан дар чаман,
То бад-он рухсору боло дӯст медорам туру.

Гар набошӣ дӯстдорам, дӯст дорам ҳамчунон,
З-он ки ман бе ин таманно дӯст медорам туру.

Дидаву дил ҳар яке танҳо туру доранд дӯст,
Худ мани бедил на танҳо дӯст медорам туру.

Гуфтай: Хун резамат, то душманам дорӣ, Камол,
Ман худ аз баҳри чунинҳо дӯст медорам туру.

Когда б дорогу отыскать я мог на улицу твою,
 Поверь, лицом зарывшись в пыль, пополз бы я! –
 зарок даю!

Рыданьем птицу б усыпил, чтоб крылья у нее украсть,
 На крыльях краденых к тебе я полетел бы, – не таю.

Твой лунный лик во мгле кудрей увидел ночью звездочет
 И говорит мне: – Берегись, грозит опасность бытию!

Коль нет, соперник, у тебя в запасе ласковых речей,
 Не надо мешкать: отнеси в подарок милой хоть мою!

Кудрям душистым невдомек, что я от их дурмана пьян,
 Спросил я: – Как, мол, удалось вам душу уколоть мою?

Я зарыдаю от любви к устам румяным и тогда,
 Когда горшечник превратит в твой винный кубок
 плоть мою!

Перевод В. Потаповой

Бар сари кӯи ту гар будӣ маро роҳи гузар,
Гоҳ мерафтам ба дида, гоҳ мерафтам ба сар.

Мурғ агар аз нолаи шабҳои ман мекард хоб,
То равам пеши ту, медуздидам аз вай болу пар.

Дар китоби толеӣ мо дида буд ахтаршинос
Аз сари зулфат шабе ташвир дар даври қамар.

Гар барӣ аз мо, ракибо, тухфае пеши ҳабиб,
Суҳбате дорем хуш, бархезу захматро бубар!

Ҳоли дил аз бод пурсидам, надорад огаҳӣ,
К-аз насими зулфи ӯ ман мастаму ӯ беҳабар.

Ҳамчунон аз шавқи он лаб хун бигирям пеши ҷом,
Гар суроҳӣ созад аз хоки вучудам кӯзагар.

Гар ба ёди рӯи ӯ нӯшӣ майи равшан, Камол,
Чун қадаҳ гирӣ ба каф, афкан назар бар моҳу х(в)ар.

Находясь в разлуке с милой – утопаю в океане,
Как воды бы жаждал пресной, – жажду я с тобой свиданья.

Сколько тысяч раз по кругу, в поисках тебе подобной,
И луна, и солнце тщетно обходили мирозданье.

Заложив красы твердыню, ты бровей воздвигла своды,
В тот же миг рассудка зданье рухнуло до основания.

О кудрях твоих известье слуха нашего коснулось,
И влюбленные в смятенье не смогли сдержать рыданий.

Если эти два двестишья пропоют певцы однажды,
Почитателем Камола станет каждый в Исфагане.

Перевод В. Потаповой

Ҳавои васли ту дорад ғариқи баҳри фирок,
Чу ташнае, ки ба оби равон бувад муштоқ.

Шунидаам, ки сагам хондаӣ, афока-л-Лоҳ,
Мани фақир бад-ин ҳам надорам истехқок.

Ҳазор бор ба гирди чаҳон маҳу хуршед
Баромаданду назират надида дар офоқ.

Асоси ақл барафтод то ба абруву чашм,
Бинои ҳусн ниҳодиву баркашидӣ тоқ.

Ҳадиси зулфи дарозат ба гӯши ҷон чу расид,
Баҳам баромад аз он ҳалқа-ҳалқаи ушшоқ.

Саҳифаҳои мулавванҳавошии гулро
Фурӯғи рӯи ту оташ фиканд дар авроқ.

Шаванд аҳли Сипоҳон ғуломи табъи Камол,
Гар ин ду байт сароянд мутрибон ба Ироқ.

Кравчий, розы цветут! Злое зелье тоски бросим,
В чашу с алым вином – алых роз лепестки бросим.

Кипариса стройней нам плясунью найти нужно,
Сразу сердце свое под ее башмачки бросим.

Будем пить, не таясь. Пусть играет рубаб звонкий!
О беспутной гульбе слух но все уголки бросим.

Если вздумают шейх иль судья нас корить пьянством,
Мы таких с алтаря, званью их вопреки, сбросим.

В водоверти мирской волны бедствий, Камол, плещут,
Якорь нашей ладьи в устье винной реки бросим.

Перевод В. Потаповой

Биё, соқӣ, ки беҳи ғам ба даври гул барандозем,
Бути гулрух талаб дорему мул дар соғар андозем.

Сари рақсу сарандозист сарву лоларо, мо ҳам
Сихисарве ба даст орему дар пояш сар андозем.

Ғар аз шавқи чамоли гул гирифта лола чоми мул,
Кулаҳ бар осмон андохт, мо з-он бартар андозем.

Ба овози рубобу най бинӯшем ошкоро май,
Ба шаҳр овозаи риндиву майхорӣ дарандозем.

Ҳамин дам бошад, эй воиз, ки то қозӣ хабар ёбад,
Кашем ўро зи меҳробу туро аз минбар андозем.

Ба хоки пой худ чандон бидеҳ фурсат сари моро,
Ки баргиремаш аз пову ба пой дигар андозем.

Камол, аз мавҷи ғам чун нест гирдобӣ чаҳон хоӣ,
Биё, то бар лаби дарёи бода лангар андозем!

До чего противна мысль о монахе – изувере!
Кравчий, дай мне позабыть о его пустом примере.

Зря твердит наставник мой об уме и благочестьи,
Кто отрекся от любви – чужд и разуму и вере!

Нашей боли не поняв, он бессмысленно бранится,
То безумцем назовет, то разумным, – лицемеря.

Естество мое еще было глиной и водою,
А уж сердцем я погряз в глине у порога пери.

О сожженных мотыльках спросим красоты светильник,
Их печальную судьбу знает он по крайне мере.

Из-за глаз твоих – мои кровью сердца изошли бы,
Ни влюбленных мыслей рать заперла его преддверье.

Эй, Камол, беги любви, о красавицах не думай!
Страсть бесплодная сулит беспокойство и потери.

Перевод В. Потаповой

Маро саргашта медорад хаёли зухди беҳосил,
Биё соқиву магзорам дар ин андешаи ботил.

Маро носеҳ ба ақлу дин фиребад ҳар замон, ёро,
Касе, к-аз ишқ парҳезад, бар инҳо кай шавад моил?

Маломатгӯи беҳосил, ки дарди мо намедонад,
Гаҳам девона меҳонад ба нодонӣ, гаҳе оқил.

Ҳанӯз осори буди мо набуд аз обу гил пайдо,
Ки дар кӯи парирӯён дили мо буд подаргил.

Сабо, аз шамъи маҷлис пурс ҳоли сӯзи парвона,
Ки аз аҳволи ҷонбозон бувад наззорагӣ гофил.

Басе хунҳо, ки аз чашмат миёни чашму дил рафтӣ,
Агар хайли хаёли ту набудӣ дар миён ҳоил.

Як имшаб барфишон доман, Камол, аз меҳри маҳрӯён,
Чаро чандин наёсояд кас аз савдои беҳосил?

Дай руку, без тебя я сам не свой, любимая!
Подмогой будь, опорой будь живой, любимая!

Ты – солнце накатное, а мы – ничтожны,
Под стать частицам пыли вихревой, любимая.

Щедрее будь! О милости к тебе взываю,
От нищеты страдая вековой, любимая.

Сердцами ты владеешь, а мое отвергла,
Ужель оно – поддельный золотой, любимая?

Все думы сокровенные тебе доступны,
За это я ручаюсь головой, любимая.

А я не знаю, с кем тебя сравнить, – не знаю,
Как мне проникнуть в мир заветный твой, любимая.

Всея вселенной падишах – Камол, куда
Он раб, он пленник безответный твой, любимая.

Перевод В. Потаповой

Нест ғайр аз ту дастгир, эй дӯст!
Дасти афтодагон бигир, эй дӯст!

Офтобӣ ту, мо чу зарра ҳама,
Ту бузургию мо ҳақир, эй дӯст!

Аз каримон шавад фақир ғанӣ,
Ту каримиву мо фақир, эй дуст!

Ҳар дилеро кучо хабар з-ин роз,
Ки туй воқифи замир, эй дӯст!

Гарчи нақд аст қалби дил, бипазир,
Ки туй ёри дилпазир, эй дӯст!

Бо кӣ гӯям туро, ки монандӣ,
Чун намебинамат назир, эй дӯст!

Дар ҳама мулк подшост Камол,
То ки дар дасти туст асир, эй дӯст!

Душе причиняешь ты горе одно, оставив для тела –
другое,
 У сердца несчастного горе одно, умом овладело – другое.

– К чему эти слезы? – спросила меня. – Сказал я: – не слёзы,
а ливень,
 Но ты мне ответила: – Ливень – одно, а слезы, мол,
дело другое!

Когда же спросил я про сладостный смех, про губы,
румяней чем розы,
 Ты снова ответила, губы одно, а розы мол, дело другое!

Я слушать люблю укоризны твои! Бранись,
драгоценная, пуще!
 Коль слово твое не задело меня, подыскивай смело
другое.

Сердечной взаимности дали обет мы с первого
дня мироздания,
 Так разве могу я вписать в договор, где нету пробела,
– другое?

На верность красавицы этой, Камол, особенно
ты не надейся,
 Считай, что возлюбленной нет у тебя. Любовь
без раздела – другое!

Перевод П. Потаповой

Дил дигар ғам дорад аз ту, чон дигар,
Сина дигар, хотири пажмон дигар.

Ин чӣ ашк аст ин маро борон¹ зи чашм?
Ашк дигар бошаду борон дигар.

Ин чӣ ханда, ин чӣ хуш ширин лабст?!
Лаб дигар бошад, гули хандон дигар.

Носеҳам гуфто: Ба хубон дил манех!
Эй Худо, ақлаш бидех, ё он дигар.

Эй хуш он соат, ки ту душноми ман
Гӯиву ман гӯямат: Эй чон, дигар!

Мо ба дилбанд аз азал бастем аҳд,
Аҳди ӯ кардан дигар натвон дигар.

Дар вафо кам хондӣ он маҳро, Камол,
Инчунин маҳбубро кам хон дигар.

¹ борон – аз масдари боридан, боранда, резон, ҷорӣ.

[illegible]

Видя шелковою прядь и румянец, на щеках заигравший,
Амбру свежую хвалить, или нежной розы цвет – невозможно.

Тяготение к тебе властный гость моей души беспокойной,
Выгнать из дому его, – проживи хоть сотню лет, –
невозможно!

В близости твоей искал я защиты от невзгод и напастей,
Но укрыться от судьбы и ее грядущих бед невозможно.

Я лица не разгляжу из-за темных завитков.
Что ж такого?
Удивляться – нет причин: ночью видеть солнца свет
невозможно.

С опаленною душой я хожу по всей земле невозбранно,
Кроме улицы твоей... И нарушить мне запрет невозможно.

От обидчицы своей ты не спрячешься, Камол,
не спасешься!
Избежать меча судьбы, хоть в кольчугу будь одет,
невозможно.

Перевод В. Потаповой

Пеши рӯят, санамо, васфи қамар натвон кард,
Нисбати ҳукқаи лаълат ба шакар натвон кард.

Бо вучуди руху зулфини абирафшонат
Сифати барги гулу анбари тар натвон кард.

Меҳмонест таманнои ту дар хотири мо,
Ки ба сад солаш аз ин хона бадар натвон кард.

Гуфтам: Аз ғам ба висоли ту гурезам, лекин
Пеши шамшери қазо ҳеч сипар натвон кард.

Гар набинам рухат аз турраи мушкин, чӣ аҷаб,
Дар шаби тира ба хуршед назар натвон кард.

Гузар аст аз ҳама олам мани дилсӯхтаро,
Лекин аз кӯи висоли ту гузар натвон кард.

Натавонад, ки Камол аз ту гурезад ба ҷафо,
З-он ки аз ханҷари тақдир ҳазар натвон кард.

Пусть кравчий нам нальет вина во славу губ твоих,
красавица!
 Из праха сотню мертвецов поднимет сразу эта здравица.

Ты отдыхаешь в цветнике, и розу – лепестками роз
 Душистый осыпает куст, как только ветерок появится.

Открой, красавицам другим на зависть, красоту свою.
 Не прячь прелестного лица, – пускай на целый мир
прославится!

Очам жестоким прикажи сердца влюбленных пощадить,
 Иначе, по вине твоей, в их жилах крови поубавится.

Мой вздох – соперника свалил. Смотри, упал он
как слеза!
 Упал, как вздох моей тоски, упал, да так, что не
оправится!

Приблизившись к твоим устам, растаяла моя душа,
 Чтоб отделить от меда воск, на медленном огне
он плавится.

Из плена темных завитков не вырваться Камолу, нет!
 Причастный к шалостям ночным, от пут бродяга
не избежится!

Перевод В. Потаповой

Бо ёди лабат соқӣ чун май ба қадах резад,
Сад кушта ба як чуръа аз хок барангезад.

Гар зери дарахти гул бозоиву биншинӣ,
Ҳар бод, ки бархезад, гул бар сари гул резад.

Бинмой ба хубон рух, дар ҳусн бикун даъвӣ,
То зулфи ту аз ҳар сӯ, маншур биовезад.

Гӯ, чашми ту камтар хӯр хуни дили мискинон,
Бемор зи пур хӯрдан шарт аст, ки пархезад.

Афтод рақиб аз по чун ашк зи охи мо,
З-ин гуна наҷфтодаст ин бор, ки бархезад.

То шуд ба лабат ҳамдам, чон сӯхт зи ғам, дил ҳам,
Дар мум зананд оташ, дар шахд чу омезад.

Аз ҷаври сари зулфат нагрехт Камол, оре,
Айёр, ки шабрав шуд, аз силсила нагрезад.

Что за стан – кипарис, что за поступь – красы образец!
Что за рот, что за плод, что за мед, что за сахар, творец!

Что за мягкость и блеск, что за плен шелковистых кудрей!
Что за дивная власть! Что за дар обольщения сердец!

Что за ласковый друг! Что за мастер беседы вести!
Что за чуткость и ум! Что за дар утешенья сердец!

Что за прядь, что за мрак, что за крепкий аркан и силок!
Что за вор и хитрец! Что за дар похищенья сердец!

Что за взор! Что за губы и что за медовая речь,
 Что за бедный больной, что за хворь,
 что за лекарь – мудрец!

Что за прелесть, Камол, что за пылкий восторг,
 что за страсть!
Что за звонкий ночной соловей! Что за чудный певец!

Перевод В. Потаповой

Ин чӣ сарви қад, ин чӣ рафтор аст?!
Ин чӣ ширин лаб, ин чӣ гуфтор аст?!

Ин чӣ хол, ин чӣ орази зебост?!
Ин чӣ хат, ин чӣ зулфу рухсор аст?!

Ин чӣ рӯй асту ин чӣ зулфи дароз,
Ин чӣ дилбанду ин чӣ дилдор аст?!

Ин чӣ ҳамдам, чӣ ҳамнишин, чӣ қарин,
Ин чӣ муънис, чӣ қон, чӣ ғамхор аст?!

Ин чӣ турраст, ин чӣ шаб, чӣ каманд,
Ин чӣ дилдузду ин чӣ таррор аст?!

Ин чӣ чашм асту ин чӣ лаб, чӣ шакар,
Ин чӣ доруву ин чӣ бемор аст?!

Ин чӣ хусн асту ин чӣ хол, Камол,
Ин чӣ хуш булбул, ин чӣ гулзор аст?!

Напрасно лекарь городской навязывает мне совет,
От страсти излечить нельзя. На эту хворь лекарства нет.

Пусть поднимут на мече из праха голову мою,
– Возьмите голову, но страсть оставьте мне! –

скажу в ответ.

Ты – горделивый кипарис; твои подруги – тень его,
Хотя они, как на подбор, красавицы в расцвете лет.

О, не сердись! Краса твоя завещана покою веков
Тому, кто может оценить значение всех ее примет.

Хоть волос расщепи, Камол, описывая нежный рот, –
И на волос не в силах ты столь сложный разгадать

предмет!

Перевод В. Потаповой

Табиби шаҳр чӣ тасдеъ медиҳад моро,
Ки кас наёфт ба ҳикмат илочи савдоро?!

Зи хоки по-т сарам гар ба теғ бардоранд,
Ниҳам сару наниҳам аз сар ин таманноро.

Сиҳикадони бихишт ар ба сарви мо бирасанд,
Чу соя дар қадами ӯ кашанд болоро.

Маломатам чӣ кунӣ, к-аз азал нигоштаанд
Ба номи аҳли назар нақши рӯи зеборо.

Басе ба васфи даҳонат Камол мӯй шикофт,
Наёфт як сари мӯ нақши ин муамморо.

Красоты описать не могу и молчу поневоле –
не спрашивай!

Видя эти уста, о ручье на зеленом раздолье не спрашивай.

Мой рассудок спросил: – По душе ль тебе облик ее?
– На обличье мое погляди, – ответил, – и больше
не спрашивай!

Ты спросила: – Куда подевалась твоя голова?
Попирая ногами ее, о своем произволе не спрашивай!

Горемычное сердце! Вконец обессилело ты,
Но не жалуйся горько врачу и лекарства от боли
не спрашивай.

О, неверная, где набралась ты коварства, ответь!
Кто, признайся, тебе нашептал: «Никогда о Камоле
не спрашивай!»

Перевод В. Потаповой

Ту зи мо васфи он ҷамол мапурс!
Лаби ӯ бину аз зулол мапурс!

Ақл гуфто: Ба рӯи ӯ чунӣ?
Гуфтамаш: Рӯй бину ҳол мапурс!

Гуфтай: Дар раҳи кӣ рафт сарат?
Чун шуд ин қисса поймол, мапурс!

Эй дил, аҳволи дарди худ зи табиб
Чун набошад туро маҷол, мапурс!

Бо ту, эй бевафо, кӣ гуфт дигар,
Ки ҳама умр аз Камол мапурс?!

Отшельникам нас не понять. У них на уме – власяница,
 Томленье влюбленных сердец им, постникам даже
 не снится.

Ханжа, призывать не спеши отверженных в рай
 свой высокий!
 Порог благородства души – превыше! С ним рай
 не сравнится.

Разгневанный старец меня из кельи прогнал.
 Ну и что же?
 Иных – принужденье ведет, мне – милость в пути
 проводница.

Как жаль, что святые отцы не знают блаженства двойного:
 За винною чашей сидеть и видеть прелестные лица.

Подобным каламу перстом, ханжа, не клейми мое слово!
 Я пропил отрепья свои, а слово в тетради хранится.

Ватага бездумных гуляк сошлась для попойки совместной,
 А старец в мечети стоит и, нас проклиная, бранится.

Швырнуть свое сердце к ногам любимой – хотелось
 Камолу,
 И бросил! А в сердце опять все то же стремленье теснится.

Перевод В. Потаповой

Зоҳидон камтар шиносанд он чӣ моро дар сар аст,
Фикри зоҳид дигару савдои ошиқ дигар аст.

Носеҳо, даъват макун моро ба фирдавси барин,
К-остони ҳиммати соҳибдилон з-он бартар аст.

Гар биронд аз хонақоҳам пири хилват, бок нест,
Дигаронро тоату моро иноят раҳбар аст.

Май ба рӯи гулрухон хӯрдан хуш аст, аммо чӣ суд,
К-ин саодат зоҳидони шаҳри моро камтар аст.

Чун қалам ангушт бар ҳарфам манех, сӯфӣ, ки ман
Хирқа кардам раҳни мастону сухан дар дафтар аст.

Мо ба риндӣ бар мақоми қурб рафтему ҳанӯз
Ҳамчунон пири маломатгар ба пои минбар аст.

Дошт он савдо, ки дар поят сар андозад Камол,
Сар бирафту ҳамчунонаш ин таманно дар сар аст.

Хоть сердце ты мне разбила, любви к тебе в нем полно
О боже, не дай, чтоб было на камень похоже оно.

Кому неведомы встречи с любимой наедине,
Тому неведомо счастье в отеческой стороне.

Возлюбленной поклонюсь и словно пред ней в долгу,
Как страж, у ее порога весь век простоять могу.

Любое желанье милой готов исполнять и впредь,
Умру я, когда прикажет любимая умереть.

Камол, хоть сердце разбито, а все же ты счастливей всех,
Не на седьмом ли небе ты был бы, познав успех?

Перевод Я. Козловского

Доғи ишқат бар рухи чонҳо нишони давлат аст,
Ҳар ки маҳрум аст аз ин давлат, сазои меҳнат аст.

Гар бало афзун фиристӣ, ман бад-ин неъмат ҳанӯз
Шукр мегӯям, ки дар шукрат мазиди неъмат аст.

Бо ту дар дӯзах маро нору азобу силсила
Хуштар аз рухсору зулфи ҳуриёни ҷаннат аст.

Аз бузургӣ гар саги худ хониям гаҳ-гаҳ, равост,
Ҳар кӣ шуд хоки дарат, ўро беҳ аз сад иззат аст.

Гар бубинӣ ошиқе дар гиря, эй зоҳид, чу ашк,
Аз назар мағрез, к-он борон зи абри раҳмат аст.

Заҳмати он дар мадеҳ, эй сар, ки хоки дӯстро
Ин гаронӣ бас, ки чон бар остони хидмат аст.

Нест чуз васле аз ӯ дарюзаи ҷони Камол,
Офарин бар ҷони дарвеше, ки соҳибҳиммат аст.

Душа твоя – наковальня: мягкости нету в ней,
Знай, мои собеседницы – пылинки с твоих ступней.

Любовной томимый жаждой, забыл я о родинках,
Им ямочки предпочитаю я на твоих щеках.

Меня не пугает горе, и не боюсь я тревог,
Не потому ль, как безумец, стремлюсь я на твой порог?

Когда по цветам ты проходишь, боже тебя храни,
В цветах таятся колючки и могут ранить ступни.

Искусен был мастер, который создал тебя на свет,
Изящней и совершенней изделия в мире нет.

Камол, говорят, немало достоинств в твоих стихах,
Во славу их совершенства тебя наставлял аллах.

Перевод Я. Козловского

Дили сахтат ба синдон сахт ёр аст,
Даҳонатро миён бас роздор аст.

Ба он хоки қадам чон ҳамнишин аст,
Ба он чоҳи зақан дил ёри ғор аст.

Зи бори ҷавру бори ғам натарсам,
Ману он остон, чандон ки бор аст.

Чу бар гул меҳиромӣ, по ниғаҳ дор,
Ки гулро бештар заҳмат зи хор аст.

Ба токи абрувон дар риштакорист
Сари зулфат, вале рух содакор аст.

Кӣ баст он нақши ораз? Офарин бод,
Ки оби даст дар вай ошкор аст!

Камол, аз гуфтаи худ ҳар чӣ дорӣ,
Таҳаллусҳои ту бас номдор аст.

К безумным признаниям слухом не льнешь
И взглядом не льнешь, или я не хорош?

О перл драгоценный, скорбя и любя,
Я нищий, ищу беспрестанно тебя.

Ты стала миражем влюбленных очей,
Единственной памятью страсти моей.

Потешась, ты ранишь меня, как булат,
И то, что ты рада, – я этому рад.

Умру не забуду, как сладостно мил
Был твой поцелуй, что обещан мне был.

Перевод Я. Козловского

Ҳаргиз суйи мо чашми ризоӣ накушодӣ,
Гӯше ба ҳадиси мани бедил наниҳодӣ.

Эй дурри гаронмоя, ки мисли ту кам афтод,
Як рӯз ба дасти мани муфлис нафитодӣ.

Дар дидаи ман ҷумла ҳаёланду ту нақшӣ,
Бар хотири ман ҷумла фаромӯшу ту ёдӣ.

Бо он ки ба ҷуз меҳнату дард аз ту надидам,
Шодам, ки ба ранҷи мани меҳнатзада шодӣ.

Аз коми дили ман наравад в-ар биравад ҷон,
Ширинии он бўса, ки гуфтиву надодӣ.

Рафтӣ ба сари асб чу бод аз назари мо,
Ту умри хушӣ, аз пайи он рафта ба бодӣ.

Дӣ рондиву мегуфт, Камол, аз пайи хайлат:
Шоҳӣ, ки зи хубон ба руху асб зиёдӣ.

Сердцу к твоим опуститься стопам хорошо,
И уподобиться робким рабам хорошо.

Рабства такого клеймо всю бы вечность носил,
Царству, чья мощь неподвластна векам, хорошо.

Рад бы от локона скрыться навек... Убежать.
От мятежа в успокоенный Шам хорошо.

Все же как радостно рядом с той родинкой быть,
Что же – охотника тянет к силкам – хорошо!

К милым ланитам стремятся немые уста,
В пору тюльпанов так пьянствовать нам хорошо.

Перед концом я хочу твой услышать привет,
Кончив письмо, написать: «Вассалам», хорошо!

Больно, Камол, но газель, но творенье твое,
В коем есть поприще звучным словам, хорошо!

Перевод М. Синельникова

Дилам бад-он, ки ту мехонияш ғулом, хуш аст,
Ки номи бандагӣ ин ҷо барои ном хуш аст.

Ҳамора хоҳаму пайваста доғи бандагӣят,
Ки подшоҳию давлат аладдавом хуш аст.

Дигар ба зулфи ту хоҳам зи ҷаври ғамза гурехт,
Ки даври фитна таваҷҷуҳ ба сӯи Шом хуш аст.

Хуш омадаст нишастан ба зулфу чашм туро,
Ҳамеша мардуми сайёдро ба дом хуш аст.

Ба даври ҳусни рухат боядам аз он лаб ком,
Чу дар авони гулу лола нуқлу ҷом хуш аст.

Хуш аст аз ту саломе маро дар охири умр,
Чу нома рафт ба итмом, вассалом хуш аст.

Камол ҳоли дилу зулфи ӯ хушу бад гуфт,
Чу лаффу нашри мушавваш дар ин мақом хуш аст.

Друзья мои, вот – чаровница, которой сердце пленено,
Так никого во всей вселенной я не любил давным-давно.

О чем еще мечтать на свете, узревшему ее ланиты?
И я гляжу, теряя разум и зрение, – в глазах черно!

Ты слышал ли о райском древе, растущем среди садов Эдема?
Дом девы – мой Эдем, а древо – стан тополиный – вот оно!

Ее волос, под легким ветром колышущихся, не коснуться–
Руками не уловишь локон, как цепи скользкое звено.

Молитвенный истертый коврик ты на дорогу мне вручила,
Но я иду с кувшином винным, и в голове моей – вино.

Столь много страждущих влюбленных к ее ногам
в слезах упало,
Что локоны, стыдясь, укрыли ее стопы, как полотно.

Аскет сказал мне: «Будь разумен, Камол!» Но каждому известно,
Что так безумствует разумный, как и безумцу не дано.

Перевод М. Синельникова

Дӯстон, ёри ману дилбару дилдори ман ӯст,
Ман дигар дӯст надорам ба чуз ин муънису дӯст.

Фикри бисёр чӣ хочат, ду рухаш чун дидам,
Гар бибозам сару гар низ назар, ҳар ду накӯст.

Хондаи қиссаи Тӯбо, ки баромад зи бихишт,
Тӯбӣ он қомати дилҷӯю бихишт он сари кӯст.

Ҳамчу зулфаш ба салосил натавон дошт нигоҳ
Ҳар киро силсилаҷунбони дил он силсиламӯст.

Бори сачҷода кашидӣ ҳама вақте дӯшам,
Дар сар акнун маю бар дӯш маро бори сабӯст.

Баски дар пой кашон кард сари мискинон,
Зулфи мушкинаш аз ин шарм сар афканда фурӯст.

Зохидам гуфт: Нашуд оқилу хушёр Камол.
Ҳар ки хушёртар аст, аз ҳама девонатар ӯст.

Клейма любви на душах людей – счастья подлинный знак,
Тот, кто этого счастья лишен – знает лишь горе и мрак.

Будешь ты мне беды посылать – я же хвалы воздавать,
Ибо слова благодарной хвалы есть прибавление благ.

Честь для меня – обратиться в пыль перед порогом твоим,
Если однажды псом назовешь, стану я ниже собак.

Раз у возлюбленного слезы текут, знай, это – сладостный
дождь.

Прочь от него не беги, аскет, не попади впросак!

О голова, не мучайся зря перед порогом ее,
Что от пыли ее ворот не оторвешься никак.

Ждут меня угли и цепи в аду, но не могу уйти,
Лики и локоны гурий в раю не привлекли бы так.

Только мечта о свидании с ней есть у Камола в душе –
Дервиша грезы, ринда хвалы, друга беспечных гуляк.

Перевод М. Синельникова

Доғи ишқат бар рухи чонҳо нишони давлат аст,
Ҳар ки маҳрум аст аз ин давлат, сазои меҳнат аст.

Гар бало афзун фиристӣ, ман бад-ин неъмат ҳанӯз
Шукр мегӯям, ки дар шукрат мазиди неъмат аст.

Бо ту дар дӯзах маро нору азобу силсила
Хуштар аз рухсору зулфи ҳуриёни чаннат аст.

Аз бузургӣ гар саги худ хониям гаҳ-гаҳ, равост,
Ҳар кӣ шуд хоки дарат, ўро беҳ аз сад иззат аст.

Гар бубинӣ ошике дар гиря, эй зоҳид, чу ашк,
Аз назар мағрез, к-он борон зи абри раҳмат аст.

Заҳмати он дар мадеҳ, эй сар, ки хоки дӯстро
Ин гаронӣ бас, ки чон бар остони хидмат аст.

Нест чуз васле аз ӯ дарюзаи ҷони Камол,
Офарин бар ҷони дарвеше, ки соҳибҳиммат аст.

Только звякнет дверное кольцо, я вспомню любимой лик,
Сердце, вслушайся! Звон кольца, кажется, снова возник.

Я видел во сне, что в моих руках – локонов милой кольцо,
С тех пор на ладони моей мечты – благоуханный тайник.

На поле страсти сердце стучит, как мяч при човганбази,
Но локон с чавганом сравнит глупец, тот, кто к лести
привык.

На гордеца взгляни, что вчера молитвенный коврик нес,
Сегодня катит большой кувшин – винный сосуд велик.

Камол, не хвались, что любимой любим, любезен ей
что на миг,
Покуда, розой взорвав бутон, не озарил цветник.

Перевод М. Синельникова

Ҳалқа бар дар мезанад ҳар дам ҳаёли рӯи дӯст,
Гӯш дор ин ҳалқаро, эй дил, гарат савдои ўст.

Субҳгоҳе мегирифтам иқди гесӯяш ба хоб,
З-он замон дасти ҳаёлам то ба акнун мушкбӯст.

Дил, ки чун гӯй аст дар майдони ишқ ошуфтаҳол,
Гар ба чавгон нисбати зулфаш кунад, беҳудагӯст.

Сарбаландӣ бин, ки боз аз давлати риндӣ маро
Бар сари дӯше, ки дӣ сачҷода буд, имшаб сабӯст.

Лофи якрангӣ мазан бо дӯст ҳар соат, Камол,
То чу гул берун наёӣ хурраму хандон зи пӯст.

Дом у тебя под окном чаровницы есть,
Всюду безумцы, которым не спится, есть.

Локон избежь, ведь он сердец похититель,
Палки не будет, но гребень в светлице есть.

Лунный твой лик ранил сердце и зрение –
Блеска луны в каждом доме частица есть.

Вот я горю, и у девы на щечке
Родинка, что, не сгорая, искрится, есть.

К месту радений отправились ринды,
Разве отшельники в их веренице есть?

Будь осторожен, швыряющий камни, –
Винный кувшин под моей власяницей есть.

Пусть у меня нет подарка для милой –
В своде газелей такие страницы есть.

Перевод М. Синельникова

Туро дар кӯи чонон хонае ҳаст,
Ба ҳар кӯе чу ман девонае ҳаст.

Бизан чӯбаш, ки дузд аст он сари зулф,
Ба даст ар нест чӯбат, шонае ҳаст.

Мунаввар шуд ба рӯят дида, дил низ,
К-аз он маҳ нур дар ҳар хонае ҳаст.

Нишони он ки рӯят хирманам сӯхт,
Бар он оташ зи ҳолат донае ҳаст.

Самоъи мо ба зоҳид дарнагирад,
Дар ин суҳбат магар бегонае ҳаст?

Мазан, эй хумшикан, бар сӯфиён санг,
Ки зери хирқаам паймонае ҳаст.

Камол, ар нест ҳечат лоиқи дӯст,
Ғазалҳои тари риндонае ҳаст.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ахмадзода Р. Предисловие.....	4
Джуразода Дж. Х. Учёные в преддверии юбилея Камола Худжанди.....	8
Мирзоюнус М. Камол Худжанди глазами русских исследователей и переводчиков.....	11

«Исследования»

Крымский А. Шейхъ Кямаледдинъ Ходжендскъй.....	30
Бертельс Е. Э. Кемаль Худжанди.....	33
Бертельс Е. Э. Создатель тонкой и нежной лирики Ходжендец Шейх Камал.....	34
Бертельс Е. Э. Тюркская поэзия эпохи тимуридов.....	36
Брагинский И. С. «Раскрепощенные строки» Хафиза.....	37
Брагинский И. С. Камоль Худжанди.....	40
Брагинский И. С. Камоль Худжанди.....	47
Брагинский И. С. О творчестве Камола Худжанди.....	48
Рипка Я. Лирик Камол Худжанди и его друг, позднее «личный враг» мистик Магриби.....	74
Рипка Я. Поэзия и ее формы.....	76
Брагинский И. С. Схема периодизации эпохи Средневековья.....	79
Пономарева З. В., Черных З. А. Камол Худжанди.....	80
Брагинский И. С. Период нового литературного подъема..	82
Брагинский И. С. Персидская литература.....	86
Брагинский И. С. Очерк о Хафизе, его эпохе и творчестве..	89
Брагинский И. С. Таджикская литература.....	106
Кемал Худжанди.....	108
Камол Ходжентский и Саидо Насафи.....	109
Аъзамзод (Аъзамов) С. Заметки на полях исследований о Камоле Худжанди (послесловие).....	112

«Переводы»

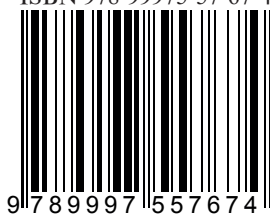
Эта шумная улица кажется мне пустынной.....	124
О, беспокойство снова и снова!.....	126

Едва подует ветер с гор – он лепестки цветов сорвет.....	128
Тропою мужества, друзья, направимся назло сомненьям...	130
Когда б еще желать я мог, уста твои узнать я мог.....	132
Эти брови арканом взвились, чтобы сердце мое притянуть.	134
Ветер цветенье ветвей сорвал, бросил цветочный град.....	136
Ты – сердцу лекарь и недуг: спокойным было без тебя.....	138
Глазами ты знак подала – путь пожару открыть.....	140
Словно вечная молодость, старость моя – от любви.....	142
Счастья без этих слов и мук пусть не имеем мы.....	144
Где Кааба моя? – Улица та, где она живет.....	146
Где солнце дневное проходит, там ночью луна.....	148
Та, что вечно ускользала, где она теперь.....	150
Где базилик растет с подобным ароматом.....	152
Фиалка – лишь опора для древа аргуван.....	154
Скажите друзьям, что я болен, а целебного зелья нет.....	156
Твой стан – поэта сердце, уста – его душа.....	158
Пусть горем я охвачен, печаль – моя отрада.....	160
Почудилось розе благоуханье рубашки твоей.....	162
Душе уста – рубины милей самой души.....	164
Едва родившись, плачем... как этот мир свиреп.....	166
Дружить с божествами, чьи радостны лица, желаю.....	168
От тебя вдалеке – влаги в жаждущем теле не стало.....	170
Капли от полного сердца, как ни стенай, – не убавить.....	172
О, если по ее щекам, подобным розы лепесткам.....	174
Кровь из очей струится, на мир гляжу в упор.....	176
Непостоянный взор любви со мной играет в прятки.....	178
Чтобы ветер кудрями твоими играл, – не желаю.....	180
Сумасшедшим я стал от того, что любовь жестока.....	182
Земля весною ранней тобой благоухает.....	184
Я спросил её: – Кто ты и как тебя звать?.....	186
И сада здесь окраина, и грань воды ручья.....	188
Друг мой слезы увидел, меня пожалеть он решился.....	190
О, мое упоение! Кудри твои из того же.....	192
Как сердца священный сосуд разбить, растоптать ты могла.	194
Мне кипарис высокий – друг, и речь громка и дух высок...	196
Пусть губы смеются, и смех не замрет никогда.....	198

Друг сказал: «Взор от всех отврати!» – Я готов, повинуюсь.	200
Я спросил: Человек или ангел ты? Говорит: и то и другое...	202
Лун, что, как ты, недоступно горды, я не видел.....	204
Верящий в ее неверность поступает справедливо.....	206
Снова сердце в силки, словно с дерева птица, упало.....	208
Почему моя любимая постоянно обижается.....	210
Горе мое собеседник, а других не бывает.....	212
Всю правду о любимой я сердцем друга знаю.....	214
Та, кого зовут зеницей ока моего.....	216
О ты, чей жестокий обычай людские сердца разбивать.....	218
Сердце зажег мне пожар твоих щек в эту ночь.....	220
Сбылись заветные желанья души моей.....	222
С каждым днем все сильнее к тебе я влеком.....	224
Пожалей меня! Так жестока любимая.....	226
Не заставляй с лукавым взглядом, исполненным огня.....	228
О, горе! Невинную кровь проливает.....	230
Избежать очарованья невозможно для людей.....	232
Слезы бегут но лицу твоему ежечасно.....	234
Серебро двух рук бесценных в руках ты бережешь.....	236
Если ночью лунолика в сад без покрывала выйдет.....	238
Утром влюблённый с молитвой на жарких устах.....	240
Вне себя, от нежной страсти – к милой смело убегаю.....	242
Пусть никто изнывать от любовной напасти не будет.....	244
Чем я снова заслужил равнодушное презренье.....	246
Как ни пленительна гурия рая – она.....	248
Ты в состязанье победила, всех за собою увлекла.....	250
Жизнь прошла, а другом ты не стала до сих пор.....	252
В ночь, когда снова вспыхнет огонь, что давно погас.....	254
Одного я хочу: погляди на меня, погляди.....	256
Моя печаль в ряду других не самая ль большая.....	258
Мучим ревностью к стану ее кипарис на лугу.....	260
Чтоб любоваться тобой, мало мне жизни одной.....	262
Если идешь ты меж роз – то бойся дороги опасной.....	264
Ливень цветы оросил, и задрожала роза.....	266
Коснулся порога челом! Подумай, как я возгордился.....	268
Паломники о твой порог напрасно расшибают лбы.....	270

О сердце бедное, скажи, – где золото, где мощь твоя.....	272
Я губы и кудри искал, и вдруг – укололо – нашел.....	274
Луне назло твой лик пригож, – сказал? Сказал.....	276
От несравненной красоты я должен, по словам ханжи... ..	278
Еще не свершили мы дела, а жизнь завершить суждено.....	280
О кравчий, праздника хочу: веселья мне мила стезя.....	282
Чтоб сахаром назвать уста – мы вдвое сласть его умножим.	284
Как зовется та, что надо мной захватила власть.....	286
Вот уж праздник наступает. Время на луну глядеть.....	288
Друзья меня спросят, о ком я тоскую. Зачем говорить.....	290
Водой соленой у меня от плача налились глазницы.....	292
Красавица не знает верности, и вкус ее каков – не знает.....	294
Сказала: «Вырви из души меня скорей!» – Не говори так... ..	296
У ручья мы побывали – и ушли.....	298
Нас корит за пьянство постник и ревнитель благочестья... ..	300
Для чего таиться мне от света? Я люблю тебя.....	302
Когда б дорогу отыскать я мог на улицу твою.....	304
Находясь в разлуке с милой – утопают в океане.....	306
Кравчий, розы цветут! Злое зелье тоски бросим.....	308
До чего противна мысль о монахе – изувере.....	310
Дай руку, без тебя я сам не свой, любимая.....	312
Душе причиняешь ты горе одно, оставив для тела – другое.	314
Пред лицом твоим хвалить красоту семи планет невозможно..	316
Пусть кравчий нам нальет вина во славу губ твоих.....	318
Что за стан – кипарис, что за поступь – красы образец.....	320
Напрасно лекарь городской навязывает мне совет.....	322
Красоты описать не могу и молчу поневоле – не спрашивай.	324
Отшельникам нас не понять. У них на уме – власяница.....	326
Хоть сердце ты мне разбила, любви к тебе в нем полно.....	328
Душа твоя – наковальня: мягкости нету в ней.....	330
К безумным признаниям слухом не льнешь.....	332
Сердцу к твоим опуститься стопам хорошо.....	334
Друзья мои, вот – чаровница, которой сердце пленено.....	336
Клейма любви на душах людей – счастья подлинный знак..	338
Только звякнет дверное кольцо, я вспомню любимой лик..	340
Дом у тебя под окном чаровницы есть.....	342

ISBN 978-99975-57-67-4

КАМОЛ ХУДЖАНДИ В РОССИИ:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Редактор: **Б.Салимов**

Технический редактор: **М. Исобоева**

Сдано в печать 28.07.2020. Подписано к печати 21.09.2020.

Гарнитура Times New Roman Tj. Печать офсетная.

Заказ №5643. Формат 70х100/16. Упл. 20,23.

Тираж 200. Цена договорная.

Типография «Ношир»
735714 Республика Таджикистан,
г. Худжанд, ул. Сейтвелиева, 2
Тел.: (83422) 5-65-95
www.noshir.tj